

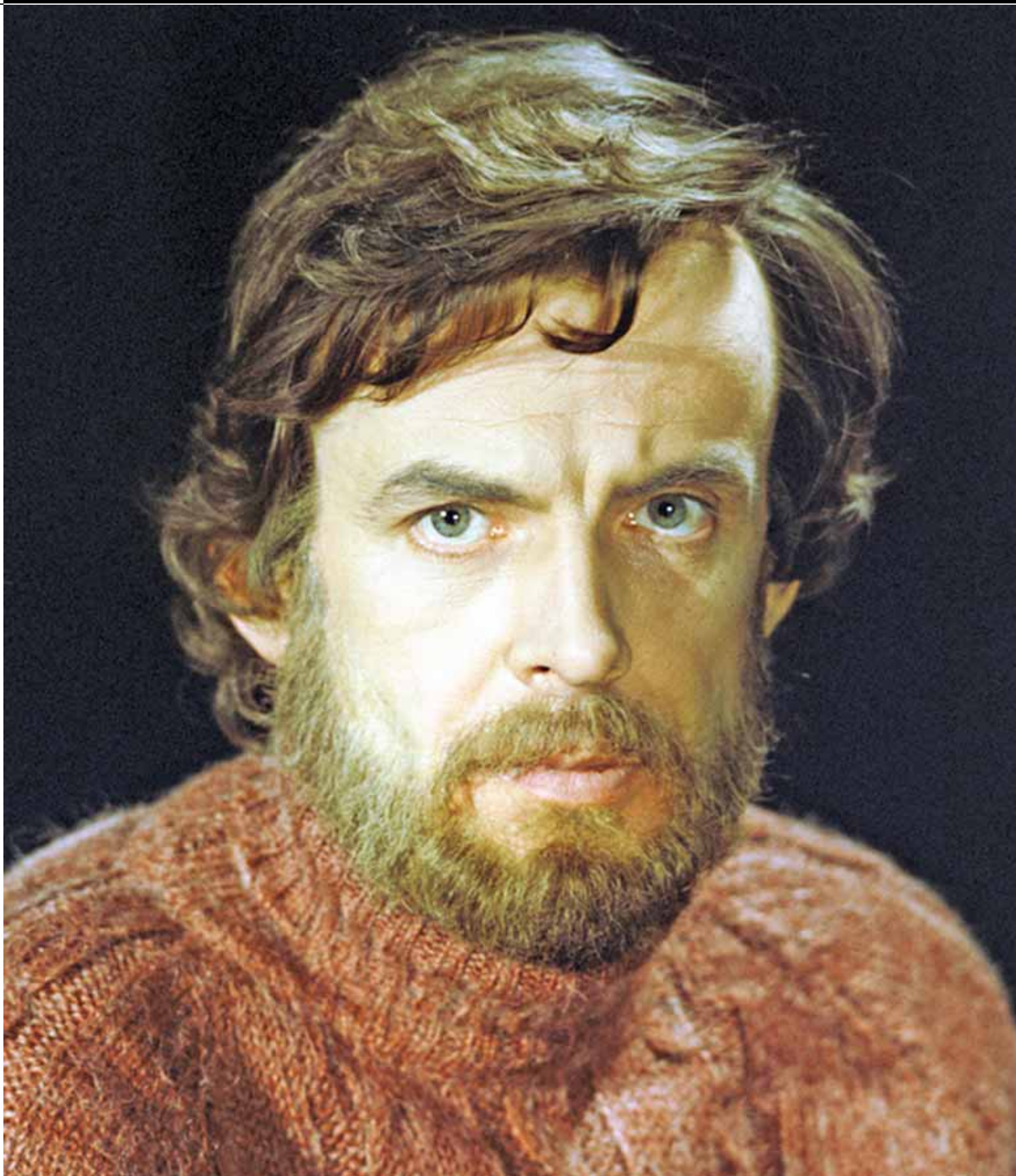
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художника Уильяма Тёрнера
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Единственный судья: будущее** 4

Новое имя

Таисия Пирогова **Включить или выключить?** 30

Минувшее

Алла Зубкова **Друг нелицемерный** 52

Шедевры

Ирина Опимах **Уильям Тёрнер.
«Невольничий корабль»** 66

Замечательные современники

Николай Черников **Алексей Смирнов:
«Социально значимый
бизнес — это мое кредо»** 20

Елена Воробьева **Оксана Кардаш: «Творческий
человек стремится к вечному
поиску себя...»** 75

Евгения Белогорцева **Георгий Тараторкин:
«Не играть, а проживать
судьбу»** 82

Это интересно

Виктор Ом **Дама с камелиями** 90

Владимир Братченко **Украсть, так миллион** 122

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 103

Детектив

Ольга Гаврилина **Возвращение монашки** 132

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино
Георгий Тараторкин

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9900

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.02.2017

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Родовое проклятие — это страшное наказание. Человек, осквернивший свою душу каким-то прегрешением и не искупивший его, обрекает на это свое потомство. Потомки даже не осознают, за что судьба к ним так сурова. Поэтому немаловажно знать историю своего генеалогического древа. У каждой семьи свои загадки, свой «скелет в шкафу». В полной мере это относится и к князьям Юсуповым — одному из самых богатых и знатных аристократических родов в России. Речь идет о так называемом «проклятии Юсуповых», якобы давящем над князьями на протяжении двух веков, вплоть до полного пресечения самого рода...*

Светлана **Бестужева-Лада** «Проклятый род»

«*Он выделялся даже на фоне ослепительной плеяды творцов Серебряного века. Поражал, приковывал внимание. Завораживал. Был «более знаменит, чем известен». При всей ценности его литературного наследия, оно существует для немногих. Как человек он был интереснее, значительнее и ценнее своих самых лучших стихов и эссе. Человек с большой буквы, большого стиля. Таким запомнили и описали неподражаемого Максимилиана Волошина его современники...*

Юрий **Осипов** «Большой стиль Максимилиана Волошина»

«*Она считалась одной из красивейших женщин Европы своего времени — второй половины XIX века, и единственной ее соперницей была австрийская императрица Елизавета. Но Евгения Бонапарт, в девичестве графиня Теба, тоже была императрицей — Франции, и со всей страстью вмешивалась в дела управления государством, в которых ровно ничего не смыслила. Всю жизнь она подчинялась только своим прихотям и капризам, не давая себе труда задумываться о последствиях. Именно ей Франция обязана поражением во франко-прусской войне и свержением ее супруга Наполеона III. И все же ни красота, ни власть не помогли ей избежать нищей одинокой старости на чужбине. А ведь начиналось все как в авантюрном романе...*

Денис **Логинов** «Прекрасная испанка»

«*Остросюжетный роман Виктора **Добросоцкого** «Белый лебедь»*

Юрий Осипов

Единственный судья:

БУДУЩЕЕ

Она в буквальном смысле родилась под сенью муз. Отец — известный профессор-искусствовед, основатель Музея изящных искусств на Волхонке, названного Пушкинским. Мать — пианистка, ученица Николая Рубинштейна. Длительные поездки в раннем возрасте (из-за чахотки матери) в Италию, Швейцарию, Германию («Германия — мое безумье, Германия — моя любовь»). Учеба в частных пансионах Лозанны, Фрейбурга, в Сорбонне... Широкий круг московской родни и друзей семьи, ценивших талант впечатлительной девочки. (*«Моим стихам, написанным так рано, \\\\Что и не знала я, что я — поэт...»*)

Безоблачное детство и юность одного из самых удивительных русских поэтов XX века Марины Цветаевой ничем не предвещало ее мученической судьбы изгнанницы и страшного конца по возвращении на родину. Свою короткую жизнь она прожила «на разрыв аорты», сожгла, принесла в жертву Стиху, прокричала, простонала. Ее мысленный взор всегда устремлялся вглубь, а не вовне. *«У меня вообще атрофия настоящего, — говорила она, — не только не живу, никогда в нем не бываю».*

Вместив в себя множество человеческих голосов разных стран и эпох, Цветаева всегда оставалась, подобно своей старшей современнице, боготворимой ею Анне Ахматовой, глашатаем женской души и женской доли. Правда, куда менее сдержанной и таинственной. Женщиной с большой буквы, не признававшей компромиссов. Одному возлюбленному, подавленному масштабом ее личности и ее дара, она заявила: *«Мне не важно, сколько вы способны смочь, мне важно, насколько вы способны напрячься».* Чувствам Марина Ивановна отдавалась без остатка, не терпела пошлости, сделок с совестью.

Разные судьбы этих двух замечательных поэтесс в чем-то все-таки схожи. Только Ахматова не решалась на ту степень «бесстрашной искренности» (А. Блок), что присуща стихам и документальной прозе Цветаевой. В основе такой искренности лежит сила духа, неподвластная любым испытаниям. *«Цветаева, действительно, самый искренний русский поэт, — находил нобелевский лауреат Иосиф Бродский, — но искренность эта есть, прежде всего, искренность звука — как когда кричат от боли».*

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября (8 октября) 1892 года в Москве.

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

*Спорили сотни колоколов.
День был субботний.
Иоанн Богослов.*

Стихи она начала писать в шесть лет. Причем, не только на русском, но еще и на французском и немецком языках. Ее духовное развитие происходило с невероятной быстротой. Сказывалось влияние отца, Ивана Владимировича, маститого профессора Московского университета, неутомимого филолога, погруженного также в искусствоведческие изыскания, которые привели его в 1912 году к основанию уникального Музея изящных искусств, гордости Москвы и страны.

До этого он директорствовал в знаменитом Румянцевском музее и всячески поощрял увлечение дочери искусством, литературой, иностранными языками. Однако главное влияние на формирование будущей поэтессы оказала мать, Мария Мейн, родом из обрусевшей польско-немецкой семьи. Талантливая пианистка, которой сам Николай Рубинштейн прочил большое будущее, она страстно хотела, чтобы дочь пошла по ее стопам. Марина выбрала иную стезю, но унаследо-

вала от матери экзальтированную страстность натуры.

Детство Цветаевой прошло в Москве и в Тарусе, столь любимой многими живописцами. Там, на берегах Оки, Марина научилась чувствовать природу. В московской частной женской гимназии М.Брюхоненко она занималась неохотно, казенная, регламентированная атмосфера претила ее живому характеру. Подруг в гимназии у Цветаевой было мало. С облегчением и жадным любопытством сопровождала она мать на лечение в Швейцарию и Германию, где с успехом продолжала свое образование. В шестнадцать лет уже самостоятельно отправилась в Париж, чтобы прослушать в Сорбонне краткий курс лекций по старофранцузской литературе.

Смерть матери в 1906 году ускорила раннее взросление юной поэтессы. С сестрой Анастасией и единокровными братом Андреем и сестрой Валерией она осталась на попечение отца, доброго чуткого человека, который, как мог, заботился о детях. Ему Марина во многом обязана широтой своего культурного кругозора и первыми шагами на литературном поприще.

В 1910 году Цветаева на личные средства напечатала в типографии А. Левенсона поэтический сборник под названием «Вечерний альбом», составленный из школьных стихотворений и посвященный памяти Марии Башкирцевой. Стихи, тем не менее, привлекли внимание таких

*Марина
в юности*

мэтров отечественной поэзии, как В. Брюсов, М. Волошин и Н. Гумилев. В том же году Цветаева опубликовала свою первую литературно-критическую статью «Волшебство в стихах Брюсова». А двумя годами позже вышел ее второй стихотворный сборник «Волшебный фонарь». На небосклоне отечественной поэзии появилась новая звезда.

Начало творческой деятельности Цветаевой связано с кругом московских символистов. Знакомство с Ва-

лерием Брюсовым и поэтом Эллисом (Лев Кобылинский) приобщило ее к литературным кружкам и студиям при знаковом издательстве «Мусагет». Вскоре она стала своей и в богемном особняке Максимилиана Волошина на живописном берегу Коктебеля, тогдашнем приюте свободных художников и поэтов во главе с бородатым величественным Макссом, носившим просторную хламиду наподобие древнегреческого хитона. Летом 1911-го и последующих годов Марина постоянно гостила под

С мужем Сергеем Эфроном

сенью волошинского дома, жадно окунаясь в его поэтическую и художественную атмосферу, совершая с компанией его обитателей дальние вылазки в окрестные горы и ночные заплывы в море после горячих споров и чтения новых стихов у костра.

Свободные нравы окружающей богемы превратили вчерашнюю гимназистку в раскованную молодую женщину, презирающую буржуазные условности и предрассудки. Такой она встретила в 1911 году своего будущего мужа Сергея Эфрона. Сын народовольцев Елизаветы Дурново (принадлежавшей старинному дворянскому роду) и Якова Эфрона (из семьи виленских евреев), он окон-

чил в Москве известную Поливановскую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Московского университета, был утонченно красив, сочинял рассказы, пробовал играть в театре и занимался подпольной деятельностью.

Вспыхнувшая между ними любовь завершилась браком. В январе следующего года они поженились, а в сентябре у них родилась дочь Ариадна (Аля). Эти события не только не притушили поэтическое вдохновение Цветаевой, а, напротив, вызвали его новый прилив.

Стихи она всю жизнь писала ежедневно, в любых условиях (в эмиграции, отправив утром сына в школу, вытирала клеенку кухонного стола

и раскрывала тетрадь со стихами). В 1913 году увидел свет третий сборник поэтессы «Из двух книг», свидетельствующий о растущем мастерстве автора, хотя еще и переполненный тщательными описаниями домашнего быта, занятий музыкой, прогулок на бульваре, отноше-

в Петербурге, и эта встреча стала прологом их бурных отношений. Мандельштам подарил Марине 2-е издание своего первого поэтического сборника «Камень» с дарственной надписью: «Марине Цветаевой — камень-памятка». А 20 января наведаясь в Первопрестоль-

Смерть матери ускорила раннее взросление юной поэтессы. С сестрой Анастасией и единокровными братом Андреем и сестрой Валерией она осталась на попечении отца, доброго, чуткого человека, который, как мог, заботился о детях. Ему Марина во многом обязана широтой своего культурного кругозора и первыми шагами на литературном поприще

ний с матерью и сестрой. Непосредственно примыкает к этому сборнику романтическая поэма «Чародей» (1914), с характерными для зрелого творчества Цветаевой мотивами отверженности, гонимости, одиночества.

В 1915 году произошло ее знакомство с Осипом Мандельштамом, которое быстро переросло в пылкую, но недолгую любовь двух одухотворенных поэтов. Они познакомились в кокетельском доме Волошина, когда его хозяин находился в Париже. Стихи Цветаевой Мандельштам любил и ценил, однако особо теплых чувств к автору поначалу не испытывал. А в начале января 1916 года они вновь встретились

новую, которую ему, в свою очередь, «подарила» Цветаева. «Из рук моих нерукотворный град *Прими, мой странный, мой прекрасный брат*».

Мандельштам ответил ей тоже в стихах: «*На розвальнях, уложенных соломой, *Едва прикрытые рогожей роковой, *От Воробьевых гор до церковки знакомой *Мы ехали огромною Москвой*».* До июня 16-го года он регулярно приезжал к Марине в Москву и, не снимая, носил на пальце подаренный ею серебряный перстень с печаткой: Адам и Ева под древом познания. В первых числах июля в подмосковном Александрове случился разрыв, больно отозвавшийся в сердце Осипа Эмильевича, обратившегося к бывшей**

возлюбленной с прощальными стихами: *«Нам остается только имя: \\
Чудесный звук на долгий срок...»*

Марина Ивановна сохранила к Мандельштаму нежные чувства и не переставала восхищаться его поэзией. Сама она в те военные, пред-революционные годы писала не так уж много, предчувствуя трагические перемены своей судьбы и судьбы мужа, находившегося в Действующей армии. В 1915 году он поступил братом милосердия на санитарный поезд, а к 1917 году окончил юнкерское училище и накануне Февральской революции был командирован в Петергофскую школу прапорщиков для дальнейшего прохождения службы.

В том апокалиптическом году у Цветаевой родилась дочь Ирина, которая в возрасте трех лет умерла от голода в детском приюте в Кунцево под Москвой. Пожар Октябрьской революции и Гражданской войны явился для Марины Ивановны тяжким испытанием. Она жила в Москве, в Борисоглебском переулке, как и все, голодала, с замиранием сердца ждала вестей от мужа, служившего в рядах белой армии, и писала стихи. В те страшные годы были написаны цикл «Лебединый стан», проникнутый глубоким сочувствием белому движению, поэмы «Егорушка», «Царь-девица», «На красном коне», а также несколько пьес. Следующие книги «Версты» (1922) и «Ремесло» (1923) свидетельствуют о творческой зрелости поэтессы, хо-

тя и сохраняют еще ориентацию на лирический дневник и сказочный лад. В центре этих стихотворных циклов — обращение к любимым поэтам-современникам — Александру Блоку и Анне Ахматовой, и к вымышленным, либо подлинным историческим персонажам, таким, как Марина Мнишек, Дон Жуан...

Трудную и одинокую жизнь Цветаевой тех лет скрасила сохранившаяся и в эмиграции дружба с князем Волконским, потомком древнего аристократического рода, крупным театральным деятелем, режиссером, критиком, мемуаристом и литератором. Статский советник и камергер, он зимой 1921 года вынужден был покинуть Россию. А в мае 1922-го Марине Ивановне также разрешили уехать за границу к мужу, который после разгрома белого движения оказался в Праге, где стал студентом университета и агентом НКВД.

Сначала Цветаева с дочерью жила неподалеку от Берлина, затем — три года в предместье Праги. Там были написаны самые выдающиеся ее произведения — «Поэма горы» и «Поэма конца», герой которых — близкий друг Эфрона, сын высокопоставленного военного чиновника императорской России Константин Радзевич. Яркая личность, человек притягательной внешности, Константин Болеславович воевал в рядах белых и по стипендии чехословацкого правительства поступил на юридический факультет Пражского университета. При этом проявил

себя талантливым переводчиком, резчиком по дереву и художником, активно сотрудничал с просоветскими организациями и выполнял задания НКВД.

У них случился короткий, но бурный любовный роман. Марина Ивановна воспринимала любовь к Радзевичу как преображение души, как ее спасение. Но требовательность Цветаевой к возлюбленному, присутствующий ей максимализм в любовных

отношениях, даже некоторая экзальтация привели спустя три месяца к расставанию, которое произошло по инициативе Цветаевой.

Когда в 1926 году поэтесса с мужем и детьми (годом раньше у супругов родился сын Георгий) переехали в Париж, Радзевич, женившись, поселился в том же доме, тесно общался с ними и продолжил свое юридическое образование в Сорбонне, намереваясь стать доктором права.

Справа:

*В доме
Максими-
лиана
Волошина*

*Дочери
Марины —
Ариадна
и Ирина*

Марина Ивановна не переставала с пристальным вниманием следить за его необычной судьбой, порой продолжая обращаться к нему в стихах. Под именем Луи Корде он принял активное участие в деятельности левых французских партий, а в 1936 году отправился на гражданскую войну в Испанию, уже под именем Луиса Кордеса. Будучи тайным агентом НКВД, создавал вместе с другими военными специалистами «Интербригады», после поражения республиканцев вернулся во Францию и во время оккупации страны примкнул к подпольщикам антифашистского Сопротивления. В 43-м гитлеровцы его арестовали и отправили в концлагерь. Сумел выжить и там, в совершенстве овладев немецким языком, благодаря чему получил

должность переводчика при группе молодых заключенных французов, работавших на целлюлозном заводе. В 45-м был освобожден советскими войсками и по указанию разведки остался жить во Франции, где и скончался в Русском доме престарелых под Парижем в 1988 году.

Его друзьям, Марине Цветаевой и Сергею Эфрону, повезло куда меньше. Им НКВД уготовил совсем другую участь.

«Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами... //Не слюбившись с вами, не сбившись с вами...» — начинает Цветаева одно из программных своих стихотворений под названием «Эмигрант». Эмигрантские круги, за малым исключением, были ей глубоко чужды, и для них она тоже оставалась чужой. Большинство

из созданных ею в эмиграции произведений, объединенных в цикл «После России», не публиковались. Сама Марина Ивановна напишет об этом позднее так: *«Моя неудача в эмиграции в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху, — там, туда, оттуда...»*

Духовно ее поддерживала постоянная переписка и поэтический диалог с Борисом Пастернаком, которого она высоко чтит. В Берлине Цветаева дружила с жившим там одно время Андреем Белым. Приезжавший в Прагу Владимир Набоков оставил воспоминание о дне, проведенном в этом чудном городе с Цветаевой. Встречался с ней и Иван Бунин, который очень ценил ее самообытное творчество. Она восхищалась Маяковским и в 1930 году написала поэтический цикл «Маяковскому», потрясенная самоубийством великого поэта.

Парадоксально, но, в отличие от стихов Цветаевой, не получивших в эмигрантской среде признания, за исключением не делавших погоды хвалебных отзывов Ходасевича и Берберовой, успехом пользовалась ее цветистая, импрессионистическая проза, на которую поэтесса перешла, в основном, с начала 30-х годов. *«Эмиграция делает меня прозаиком...»*, — удрученно заключала она. Проза приносила ей время от времени хоть какие-то скудные гонорары. В этот период увидели свет «Мой Пушкин», «Мать и музыка», «Дом у Старого Пимена», «Повесть

о Сонечке», воспоминания о М. Волошине, М. Кузmine, А. Белом. Цветаевские вещи малыми тиражами выходили в эмигрантских издательствах и печатались на страницах эмигрантских журналов «Воля России» и «Своими путями». Бралась она порой и за поденную редакторскую работу для альманаха «Ковчег».

Между тем жить семье было по сути не на что. Непрактичный, плохо приспособленный к будничным заботам Сергей Эфрон перебивался случайными литературными заработками, подвергнутый астрокризму большинством недавних соратников по Белому движению за свои просоветские высказывания и подозреваемый в связях с НКВД. В отличие от мужа, Марина Ивановна не питала иллюзий относительно устано-

вившегося в России режима, однако восторженно приветствовала выступление посетившего в 1928 году Париж Маяковского, чего ей тоже не простила эмигрантская пресса и французские власти.

Поэзия Цветаевой достигла к тому времени высокого мастерства. В ней продолжали звучать мотивы непонятости, одиночества, жажды и невозможности встречи, тема союза поэтов, подобного любовному союзу. В обращенном к Борису Пастер-

романа в стихах «Спекторский». Оба поэта многое возлагали на личную встречу, но когда, наконец, встретились в Париже, куда Борис Леонидович приезжал в составе делегации советских писателей в июне 1935 года, эта долгожданная встреча вылилась в беседу двух духовно и психологически далеких друг от друга людей, живущих в разных мирах...

В исповедальной лирике пражского периода Цветаева поднимает мучившую ее тему преодоления

Эмигрантские круги, за малым исключением, были ей глубоко чужды, и для них она тоже оставалась чужой. Большинство из созданных ею в эмиграции произведений не публиковались.

Сама она позднее напишет об этом так: «Моя неудача в эмиграции в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху, — там, туда, оттуда...»

наку циклу «Провода» индивидуализированным символом единения Праги и Москвы делаются телеграфные провода:

*Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольного*

По аллее...

Ответным обращением Пастернака являются три лирических стихотворения, навеянные образом Марины Цветаевой. Ее он избрал прототипом Марии Ильиной, героини

плотского начала, бегства от всего материального в эмпирии чистого духа, где «*Ни рук ведь! Ни уст, \Чтоб припасть \Устами! — С бессмертья змеиным укусом \ Кончается женская страсть!*» И это пишет та, перу которой принадлежат всем нам памятные, распетые-перепетые строки: «*Мне нравится, что вы больны не мной...*»

Стихи, и в особенности исторические, а также сказочные поэмы Цветаевой постреволюционной поры далеко выходят за рамки чисто

С дочерью
Ариадной

«женской» поэзии, в плену которой по большей части все же оставалась Анна Ахматова. Эти произведения демонстрируют удивительное разнообразие поэтических образов, форм, ритмов. Последний прижизненный сборник поэтессы, вобравший в себя стихотворения 1922–1925 годов, вышел уже в Париже, в 1928 году. А дальше — мучительный спад, кризис, который Цветаева преодолевала трудно и долго.

До этого, в ноябре 1925-го, она закончила вершинную поэму «Кры-

солов» (авторское обозначение: «лирическая сатира») на сюжет средневековой легенды о человеке, избавившем немецкий Гаммельн от крыс, выманив их из города чудесными звуками своей дудочки. А когда скаредные бюргеры отказались ему заплатить, он точно так же увел на гору мелодией дудочки всех городских детей. В интерпретации Цветаевой крысолов олицетворяет в поэме магическое, творческое начало. Крысы ассоциируются у нее с большевиками, поначалу враждебными обыва-

тельской стихии, но потом превратившимися в таких же буржуа, что и их недавние враги.

Во Франции Цветаева создала еще несколько поэм — «Новогоднее», «Поэму воздуха», а в 1928 году в парижском журнале «Современные записки» появилась трагедия «Федра», одно из самых впечатляющих произведений поэтессы. Каторжный труд художника, творчество, являющееся его долгом и освобождением от всего суетного, сквозным лейтмотивом проходит через цикл стихов «Стол» (1933) и другие поэтические произведения Цветаевой парижского периода.

Переезд во Францию усугубил тяготы эмигрантской жизни Марины Ивановны и ее семьи. *«Никто не может вообразить бедности, в которой мы живем, — пишет она в своих воспоминаниях. — Мой муж болен и не может работать. Моя дочь зарабатывает гроши, вышивая шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет. Мы вчетвером... медленно умираем от голода».*

Первой из семьи получила возможность вернуться на родину дочь Ариадна, 15 марта 1937 года. 10 октября бежал в Советский Союз Сергей Эфрон, оказавшийся причастным к убийству агентами советских спецслужб нашего бывшего нелегала, попытавшегося выйти из игры. Цветаева об этом не знала, она оставалась в Париже вдвоем с сыном Георгием. Но повзрослевший Мур

(ласковое домашнее прозвище мальчика) также хотел уехать в СССР. Денег на его учебу не было. В Европе назревала война. Страх за судьбу мужа и дочери терзал Цветаевой сердце, она мечтала скорее соединиться с ними. И вот 12 июня поэтесса и Мур сели на пароход в Гавре. Цветаева плыла домой, где ее ждали неизвестность, страдания и смерть.

На родине Марину Ивановну поначалу поместили на казенной даче НКВД в подмосковном Болшеве (ныне мемориальный Дом-музей М.И. Цветаевой). Пока она жила там, почти сразу по возвращении был расстрелян Сергей Яковлевич и арестована Ариадна Сергеевна, приговоренная к пятнадцати годам лагерей и ссылки и реабилитированная в 1955 году. Цветаевой об этом не сообщили, и она продолжала мучиться неизвестностью, надеясь на скорую встречу с любимыми людьми. Затем поэтесса была вынуждена скитаться по временным пристанищам. На полгода получила разрешение поселиться с сыном в писательском Доме творчества в подмосковном поселке Голицыно. Собратья по перу отнеслись к ней настороженно. Столь желанное общение с Пастернаком и Ахматовой радости не принесло, беседы оказались прохладными...

Не получалось ничего и с изданиями — функционеры Союза писателей отворачивались от Цветаевой, как от жены и матери «врагов народа». Подготовленный ею к публика-

Мур
(Георгий) —
сын Марины
Цветаевой

ции новый сборник стихов зарубила внутренняя рецензия небезызвестного критика К. Зелинского. «...книга М. Цветаевой не может быть издана, — категорично утверждал он. — Все в ней чуждо нам и идет вразрез направлению советской поэзии, поэзии социалистического реализма».

Приходилось перебиваться копеечными переводами. Близкая к отчаянию, Марина Ивановна вынуждена была принимать материальную помощь немногих оставшихся ей верными друзей.

Война прервала работу Цветаевой над переводами Федерико Гарсиа Лорки. 8 августа она с сыном отплыла в писательской группе на пароходе в эвакуацию и 18-го прибыла в городок Елабуга на Каме. Эвакуированные литераторы осели в Чистополе. В Елабуге никакой работы для уже немолодой женщины не было, и Цветаева написала заявление с просьбой принять ее посудомойкой в открывавшуюся в Чистополе столовую Литфонда. Благодаря этому она получила согласие на прописку.

*Марина
Цветаева.
1911 год.
Фото на
паспорт
перед
возвраще-
нием
на Родину*

28 августа Марина Ивановна вернулась в Елабугу к сыну, чтобы собраться для переезда в Чистополь. А 31-го числа свела счеты с жизнью, повесившись в доме Бродельщико-вых, куда ее с сыном определили на постой. Перед смертью написала три записки: одна адресована тем, кто ее будет хоронить («эвакуирован-

ным»), другая — поэту Николаю Асе-еву с сестрами Синяковыми и тре-тья — сыну, ненаглядному Муру.

«Мурлыга! Прости меня, но даль-ше было бы хуже... Люблю тебя безумно! Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты, и объясни, что

попала в тупик». Асеева и сестер Синяковых умоляла взять Мура к себе в Чистополь, «просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу... А меня простите — не вынесла. МЦ». В записке «эвакуированным» просила: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

Марину Ивановну Цветаеву похоронили 2 сентября 1941 года на Петропавловском кладбище в Елабуге. Могила затерялась. В 1960 году сестра поэтессы, Анастасия Цветаева, «между четырех неизвестных могил 1941 года», в южной стороне кладбища у каменной стены установила

Время все расставляет по местам. Не обошло оно забвением и имя Цветаевой. Ее ранним и поздним стихам давно уже «настал свой черед», и она всегда будет оставаться в числе наших главных поэтических спутников.

*Быть нежной, бешеной
и шумной.*

*— Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной, —
Прелестной быть!*

.....
*Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.*

Стихи, и в особенности исторические и сказочные поэмы Цветаевой постреволюционной поры выходят далеко за рамки «женской» поэзии. Последний прижизненный сборников поэтессы, вобравший в себя стихи 1922–1925 годов, вышел в Париже в 1928 году. А дальше — мучительный спад, кризис, который Цветаева преодолевала долго и трудно

крест с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева». В 1970 году на этом месте было сооружено гранитное надгробие. На высоком берегу Оки, в ее любимой Тарусе, согласно воле Цветаевой, установили камень (тарусский доломит) с надписью: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».

*Мои опущенные веки
— Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века.*

*И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот
 юный
Прелестный век □*

Николай Черников

С Алексеем Смирнов:

Говорят, Бежецкая земля наделяет своих сынов особой духовной силой. В этом невозможно сомневаться, зная историю края. Историк Вячеслав Брагин с полным основанием утверждает: «Целое созвездие выдающихся подвижников православия, деятелей культуры, политиков и военачальников возшло над Россией с Бежецкой земли. С ней связаны имена 12 святых русской православной церкви. Бежецкие корни у влиятельных политиков эпохи Екатерины II — братьев Орловых, у известного государственного деятеля XIX века графа Аракчеева. Великий А.С. Пушкин посвятил роман «Евгений Онегин» своему другу, издателю, литературному критику и публицисту П.А. Плетневу — сыну священника из села Теблеши...»

«Социально значимый бизнес — это мое кредо»

Много ли у нас в России городов, которые подарили Отечеству таких людей, как писатель Вячеслав Шишков, виртуоз-балалаечник Василий Андреев, семья Анны Ахматовой. Во время своего недолгого брака с Николаем Гумилевым Анна Андреевна регулярно проводила летние «каникулы» в усадьбе Слепнево, в 12 километрах от города, здесь родился и воспитывался Лев Гумилев.

Этот замечательный список можно продолжать вплоть до наших дней. Никто и ничто в Бежецке не забыто. Человек — он ведь человек не только тогда, когда при своей памяти, но в большей мере — когда живет в памяти других людей. Это относится и к председателю Совета директоров ООО «Коралл» Алексею Смирнову. Кого бы я не расспрашивал о нем, все тут же светлели лицом и улыбались...

Константин Симонов в одном из своих романов подметил: «На Ивановых вся Россия держится». Разумеется, он имел в виду и Петровых, и Сидоровых, и Кузнецовых — носителей самых распространенных у нас фамилий. Держится Россия и на Смирновых, многие из которых прославили и свой род, и свою Отчизну. Среди них — производитель знаменитой водки купец первой гильдии Петр Смирнов, Герой Советского Союза, принявший мученическую смерть на кресте, Юрий Смирнов, писатель Сергей Смирнов, открывший всем нам подвиг защитников Брестской крепости и сам совершивший журналистский и гражданский подвиг, спасая героев Бреста из — увы! — советских уже лагерей. А сегодня этот список пополняет и герой нашего очерка — Смирнов Алексей Сергеевич, человек из славного города Бежецка.

Очень много говорили о нем с бежецким писателем Геннадием Ивановым.

«Я от многих слышал, что "Смирнов начинал с расчесок", но как-то не связывал это с химическим производством. А оказывается, это что ни на есть химия — производство и переработка пластмассы.

Он действительно начинал с расчесок и других пластмассовых изделий. Это был его первый кооператив. Первое серьезное дело. Председа-

тель райисполкома, познакомившись с Алексеем, сказал sacramентальную фразу: "Этот парень далеко пойдет!"

В то время жизнь на заводе почти замерла. Льноуборочные машины, которые здесь выпускались, никому стали не нужны. В этот момент Алексей Смирнов и дерзнул обратиться к директору завода с просьбой отдать ему в аренду пустующий цех, чтобы организовать небольшое частное производство. И дело действительно пошло...»

Встретился я и со школьными преподавателями Алексея Сергеевича. Вот что рассказала мне его бывшая учительница химии Валентина Геннадиевна Чернышева:

«Слабых учеников в 10 "Б" классе практически не было. Но я Леше Смирнову ставила по химии "четыре"... Химия — предмет строгий. Признаюсь, меня несколько удивило, что он пошел учиться в химический институт. У меня было немало учеников, ставших химиками и даже кандидатами наук. Но Леша был не столько теоретиком, сколько практиком. А практика, как известно, — критерий истины. Вообще, то был яркий период в истории нашей школы, и Алексей попал в самый его расцвет...»

А классным руководителем Леши Смирнова была преподаватель русского языка и литературы Маргарита Александровна Кудрина. Она отзывалась о нем так:

«Алексей унаследовал, безусловно, мамин характер — твердый, решительный. Если было трудно, что-то не получалось, он всегда добивался нужного результата. Выучу, отвечу, докажу! У него хорошо шли гуманитарные науки, хотя он выбрал себе профессию, прямо скажем, совсем не гуманитарного характера — химию. И хотя Леша окончил школу без медали, но был крепким "хорошистом"»...

Мамин характер... Мама...

Валентина Степановна Смирнова тоже учительница русского языка и литературы. А главное, человек с характером. Все как один говорят, что

Алексей унаследовал свои лидерские, бойцовские, деловые качества от мамы. Но он сумел избежать судьбы «маменькиного сыночка», сохранив самое ценное, что может быть в мальчишке — здоровую самостоятельность решений и поступков. И немалая заслуга Валентины Степановны в том, что не сломала «под себя» сына, не убила педагогическими поучениями живую и озорную мальчишескую душу. Да и влияние отца, Сергея Петровича, сказалось — человека бывалого, обстоятельного, сполна наделенного всем тем, чем испокон веку славится русский крестьянин — и трудолюбием, и житейской хваткой, и смекалкой.

Я с ним встретился, когда он готовил огород к зиме. А потом мы пили чай, и Сергей Петрович рассказывал о себе:

— Мой отец — русский крестьянин. Наверное, этим все сказано. Отрочество и юность пришлось на войну: с пяти утра у нас в колхозе работали, а вставали еще раньше. Потом я уехал в город и поступил в сельхозтехникум, который готовил бухгалтеров для совхозов, колхозов и МТС. Меня направили на работу в Удомлю. Но война уже закончилась, и в МТС вернулись демобилизованные солдаты, заняли свои бывшие места, а нам, молодым специалистам, было сказано, чтобы мы возвращались по своим домам. Вот я и вернулся в Бежецк, поступил на работу в сберегательную кассу бухгалтером, а потом меня призвали в армию. Служил в авиации, под

Житомиром... А после армии в родном Бежецке и встретил свою судьбу, свою суженую — Валентину. К тому времени мне было уже двадцать девять. Так всю жизнь и прожили вместе. Дочь и сына мне Валентина подарила...

Я не стал спрашивать его о сыне, и так было ясно, что он им гордится. Сергей Петрович — человек скромный, пусть лучше другие об Алексее скажут, ну, хотя бы Анатолий Михайлович Молчанов, друг отца и человек в Бежецке известный...

— Так получилось, что сначала я познакомился с отцом Алексея Сергеем Петровичем, и мы подружились. А уже потом, когда стал набирать бригаду для строительства дорог в районе, пришел к нам студент Алексей Смирнов. Я его принял на работу и ни разу не пожалел об этом. Парень оказался прирожденным дорожником. Вел учет, бригадировал... За лето заработал 20 тысяч рублей и купил себе «девятку». Я уже тогда понял, что парень сумеет многого добиться в жизни...

Студент Смирнов... Его «альма-матер» — Московская государственная академия тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова. Однажды мне довелось побеседовать с одним из наставников Алексея — профессором Александром Михайловичем Букановым.

«Я хорошо помню этого студента из Бежецка, — вспоминал он. — В свои, не Бог весть, какие годы он казался старше своих сокурсников.

Выделялся тем, что принес с собой в вуз более весомый багаж жизненного опыта. Было видно, что парень точно знает, зачем пришел в наш институт, что у него свои определенные жизненные планы. Он учился не ради того, чтобы получить диплом и "поплавок". Для него высшее образование было способом резко изменить структуру своей жизни, подняться на новый социальный уровень. И он блестяще это осуществил!»

Став предпринимателем, Смирнов однажды совершил воистину Гераклов подвиг — создал «цивилизованную европейскую компанию» ОАО «ЛУКОЙЛ-Нефтехим». А потом — и небезуспешно — повторил это деяние на сельскохозяйственной ниве: построил еще более «цивилизованный европейский» агрохолдинг ООО «Коралл», который возглавляет уже пятый год.

— Алексей Сергеевич, с чего все началось? Что заставило вас оставить взятые вершины в нефтехимическом производстве и уйти в совершенно неведомую вам отрасль — животноводство?

— Я бы не сказал, что в «совершенно неведомую». Все-таки вырос я хоть и в городе, но в центре аграрного района. А если серьезно, я не раз пытался привлечь профильные инвестиции в хозяйство Бежецкого района и родного города. Но как-то не очень получалось. А тут нашел своего бывшего коллегу, который успешно занимается сельхозбизнесом

в Ставропольском крае, и предложил ему поучаствовать в своем проекте. Мы нашли с ним, как говорится, «согласительные точки», а потом подписали соглашение с администрацией Тверской области. Компания стала разворачивать строительство агропромышленного комплекса. Все шло хорошо, но потом строительство затормозилось по банальной причине — возникли финансовые затруднения. Я к тому времени заканчивал свою деятельность в «ЛУКОЙЛе» и подключился к делам будущего крупнейшего предприятия агропромышленного комплекса Тверской области как основной инвестор. С того времени прошло четыре года...

— И, наверное, уже есть зримые результаты?

— Конечно. Сегодня в проект вложено порядка 12 миллиардов рублей, а общая стоимость проекта после его завершения составит свыше 25 миллиардов рублей. Могу сказать, что животноводческое производство мы запустили в плановых темпах и объемах. Сегодня мы получаем около 450 тысяч животных в год. Заканчиваем строительство завода комбикормов и переработки мяса, вводим удвоенные мощности по выращиванию животных. Не сомневаюсь, что в конце концов мы добьемся необходимой эффективности нашего бизнеса.

— Где и как вы добирали знания для весьма специфического для вас дела — сельскохозяйственного производства?

— Все необходимые знания и опыт приобретал на рабочем месте, как говорили в советские времена — «без отрыва от производства».

Как отраслевик, я не могу назвать себя специалистом в области сельского хозяйства, но как управленец — нахожу много общих закономерностей в руководстве нефтехимического бизнеса и животноводческого. Ну, скажем, та же оценка рисков, которые существуют в любой сфере деятельности. С точки зрения управленческих технологий, считаю, что наша компания вполне успешна. Безусловно, специфика есть, и немалая, поэтому главных отраслевых специалистов мы вынуждены «покупать» на общем рынке труда, это довольно сложный процесс. Но кадровая проблема в компании, на мой взгляд, во многом решена. И это тоже результат разумного менеджмента. Мы очень рассчитываем на тех студентов сельхозвузов, которые проходят у нас практику, и надеемся, что после защиты дипломов они придут к нам работать. Нашей компании необходим приток молодых специалистов.

Мы расширяем свое производство, а для производства тех же кормов необходимы новые земли, и мы приобретаем их. Покупаем заброшенные поля, заросшие борщевиком, леса превращаем в пашню, вносим органические удобрения, а затем определяем порядок севооборота.

— Вы не жалеете, что ввязались в такой рискованный бизнес?

— Как я могу об этом жалеть на заключительной стадии инвестирования?! Все еще впереди, и, на мой взгляд, никаких фатальных преград на пути «Коралла» не предвидится. И потом, я по природе своей оптимист, всегда вижу свет в конце тоннеля...

— Дома и стены помогают, не так ли?

— Не всегда... Пока не помогают. К сожалению, Бежецкий регион еще далек от умения правильно строить инвестиционную политику, правильно воспринимать те новшества, которые ему предлагают, например, наш проект. К тому же регион имеет самую низкую по сравнению с другими районами Тверской области инвестиционную привлекательность по своему социально-экономическому развитию. Да и рисков немало, ведь Бежецк находится в нечерноземной зоне, зоне неуверенного земледелия по климату. Но сегодня в область пришла новая техника, привнесены новые технологические карты, эффективные удобрения, а главное, пришли специалисты с передовыми знаниями, которые доказали, что в почвенно-климатических условиях тверской земли можно снимать с гектара по сорок центнеров зерна. А ведь в советские времена здесь за восемнадцать центнеров давали Звезду Героя Соцтруда.

Есть, к сожалению, еще одна проблема — социально-психологическая. Во все времена любая перемена и новизна в жизни людей вызывала поначалу настороженность,

а то и вовсе активное неприятие. А потом проходили годы, и начались запоздалые сожаления. Примерно так и у нас в Бежецком районе.

Агропредприятие «Коралл» строится, и уже во многом построилось на немалой территории — в пять тысяч гектаров. Надо ли говорить, с каким трудом мы сумели пережить все атаки, и сколько нервов стоило выиграть три суда в различных инстанциях. Но у нас получилось — Закон зажег нам зеленый свет: «Стройте!»

Сегодня мы главные налогоплательщики Бежецкого района. Возможно, в недалеком будущем станем и градообразующим предприятием города. Строим дороги в районе, инженерные коммуникации, очищаем колодцы, налаживаем качественное водоснабжение, создаем сотни рабочих мест...

— А сколько человек занято сейчас в «Коралле»?

— Свыше четырехсот. Главные специалисты-отраслевики — в основном приезжие, а вот инженерный состав — электрики, механики, холодильщики — земляки, бежечане. Но вот парадокс — в некогда сельскохозяйственном регионе не нашлось для «Коралла» агрономов. Те, которые есть, способны выращивать, как раньше, по восемнадцать центнеров с гектара, но никак не по сорок...

Мало того, что в бюджет города и района «коралловцы» отчисляют

весьма солидные по местным масштабам суммы, ООО «Коралл» вообще сделало для района много чего хорошего и полезного. На все последующие годы останутся и долгожданное удобрение, которого местная земля не знала уже лет пятьдесят, а то и более, и тысячи рабочих мест, созданных этим масштабным предприятием, и комбикормовый завод в Бежецке, и завод по переработке мяса. Останутся десятки километров асфальтированных и бетонированных дорог, проложенных «Кораллом», и десятки тысяч гектаров полей, засеянных зерновыми вместо зарослей борщевиков. Останутся в деревнях вычищенные и отремонтированные колодцы, из которых вот уже двадцать лет не черпали чистой воды. Десятки новых квартир, а в ближайшем будущем и объекты социальной инфраструктуры.

Многое что останется...

— Алексей Сергеевич, каковы дальнейшие перспективы «Коралла»? Нарастивание поголовья? Увеличение выпуска товарного производства?

— Не только. Узкопрофильная специализация — это не наш удел. Мы уже готовы к самому разнообразному сотрудничеству, в том числе, и благотворительному. Знаете, на военно-морском флоте России давно уже существует замечательная традиция — дарить экипажам отличившихся кораблей жареных поросят. Когда корабль возвращается на базу после успешного

длительного плавания, его встречают не только с оркестром и цветами, но и с блюдом, на котором лежит жареный поросенок. И мы готовы поддержать эту флотскую традицию, поставлять наших — «коралловских» — поросят на военно-морские базы. Тем более что на Северном флоте находится атомный подводный ракетный крейсер «Тверь», над которым шефствует наша область.

— Наверное, после такой прекрасной поддержки на флоте появится и новый боевой корабль «Бежецк»...

— Почему бы и нет? Из нашего города вышло немало моряков. У нас даже отец Федор, который служит в Свято-Преображенском храме, тоже бывший моряк...

Помимо всего прочего, мы ведем большую благотворительную работу. Помогаем городу проводить праздники и тематические фестивали, возрождать и реставрировать храмы, улучшать учебную базу бежецких школ, поддерживать музеи и библиотеки...

Мы привыкли придавать слову «олигарх» негативное значение. Но что же все-таки означает это понятие? Алексей Сергеевич считает, что богатых людей должно быть как можно больше. Когда они начнут вкладывать деньги в производство, появится больше рабочих мест, станут расти доходы людей, постепенно образуется средний класс — основа стабильности общества. Надо толь-

ко, чтобы эти люди были честными, порядочными, радели за свою страну и не приобретали бы замки, яхты, очередные бриллианты и зарубежные спортивные клубы, а действительно вкладывали бы свои деньги в развитие производства и в благотворительность. Тогда у нас и многие экономические проблемы отпали бы сами собой...

Хотя у самого Смирнова как-то вырвалось: «Я — не олигарх, я — человек дела. Я — системный человек». А я, как автор этой статьи, зная его сегодня намного лучше, чем, скажем, десять лет назад, добавил бы — системный и многогранный. Казалось бы, где нефтехимия, где аграрные проекты, а где культура, музыка... Но...

Есть в Бежецке два замечательных человека, которые могут очень многое рассказать именно об этой грани характера Алексея Сергеевича. Это — директор бежецкого Дома культуры Виктор Федорович Радков и руководитель народного музыкального ансамбля «Наша песня» Николай Максимович Козлов. При первой же возможности я встретился с ними.

— Леша, когда еще пионером был, из всех инструментов в оркестре выбрал себе трубу, — вспоминает Николай Максимович. — Тут его характер сразу и сказался. На трубе играть трудно, но почетно. Она мелодию ведет, как первая скрипка в симфоническом оркестре. Репертуар нашего ансамбля — это в основном музыкальный пласт 60-х — 70-х годов.

Я могу точно сказать, что Смирнову очень не нравится современный шоу-бизнес и то, что происходит сегодня с нашей песней. Я хорошо знаю, какие песни любит Алексей: «Старый клен», «Прощай, уходят поезда...», «Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал...» Уж если песня о любви, так это о любви. О России — так это о России. Он ведь вырос на таких песнях, воспитан ими. Для него главное — чтобы песня трогала душу, завораживала мелодией...

В наш разговор вклинивается Виктор Федорович Радков:

— Он и сейчас нередко делится с нами своими впечатлениями: «Федорович, я был на концерте такого-то и такого-то (называет какую-нибудь модную поп-звезду). Не понравилось! Ждал большего!» Алексей — не просто слушатель, он — ценитель, и ценитель очень пристрастный, бескомпромиссный. К тому же и сам продолжает музицировать. Это у него на всю жизнь. Он очень нам помогает. Однажды затеяли мы новую звуковую аппаратуру приобрести. Алексей и говорит мне — определись, что конкретно нужно, надо посмотреть, какие компании что предлагают, и выбрать самое лучшее и надежное... Он потому нам так помогает, что сам из наших стен вырос. Как-то при встрече так и сказал: «Я работаю в Москве, а душа и сердце в Бежецке остаются». И ведь не для красного словца сказал, а очень искренне...

Может быть, Алексей Сергеевич Смирнов и не был бы так известен в Бежецком крае, как известен сейчас,

если бы действительно не помогал родному городу. На него, скажем так, во многом опирается культурная жизнь Бежецка. Он приглашает на праздники города самых известных в России артистов, спонсирует проходящие раз в два года фестивали «Бежецкая карусель», помогает в приобретении музыкальных инструментов, в издании книг, в благоустройстве мест отдыха. Одним словом, не оставляет город без своего внимания и финансовой поддержки...

У меня состоялась еще одна встреча с писателем Геннадием Ивановым. И вот что он мне на этот раз рассказал:

— Как-то я задал Алексею Сергеевичу вопрос: «Вы — верующий человек?» «Да, верующий, — ответил он. — И открылась мне вера здесь, в Бежецке. В 1987 году мы с друзьями подрядились сделать внутренний ремонт Спасского храма, тогда готовились праздновать 1000-летие Православия на Руси. В первый же день я полез под купол по длинной, метров десять, лестнице — и сорвался. Падая, задел стекло и порезал голову. Крови было много. Одна из прислуживающих в храме женщин сказала: "Наверное, ты не крещенный". Я действительно был не крещен. Так вот, после того случая, после продолжительных бесед с настоятелем отцом Виктором о Боге, о жизни, о душе человеческой — я принял решение креститься. Крестил меня отец Степан. Не скажу, что скрупу-

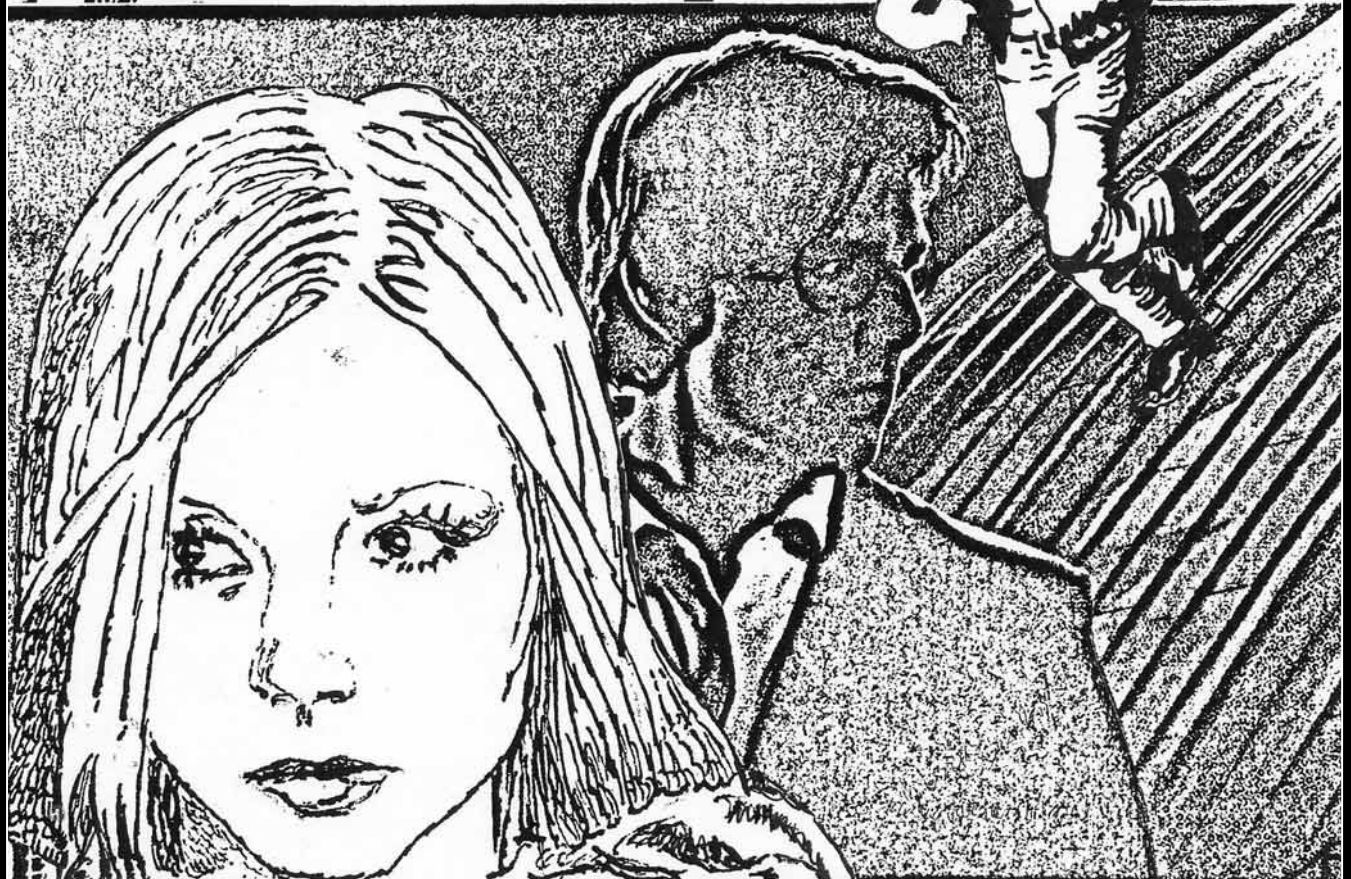

лезно исполняю все, что должен исполнять воцерковленный человек, но вера крепко вошла в мою душу. Бог для меня, безусловно, существует».

Есть у англичан такое выражение: «selfmademan» — человек, сделавший себя сам. Вот это и есть Алексей Смирнов. Во многом он сделал себя сам, хотя, конечно, не без участия тех, кому он обязан жизнью и воспитанием — родителей. Учителей, той доброжелательной среды, которая окружала его в Бежецке в виде друзей, соратников, земляков. Алексей Сергеевич — человек благодарный, и помощь, которую он сегодня оказывает Бежецку, — это дар его благородной души. Выражаясь иносказательно, люди де-

лятся на тех, кто едет по эскалатору вверх, стоя, и тех, кто бежит вверх по ступеням. Могли бы и постоять, как все, а нет, они упорно карабкаются вверх, будто не жаль им своих ног... Вот и Алексею Смирнову не жаль ни своих ног, ни рук, ни души, ни сердца. Ему как легендарному Антею силы придает родная земля, по которой, как поется в одной песне, «человек проходит как хозяин».

Говорят, человек должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Этот человеческий долг Алексей Смирнов к своим 53-м годам выполнил, а во многом и перевыполнил. Помимо всего, кто из нас может погордиться тем, что проложил свою дорогу в буквальном смысле этого слова?.. □

ВКЛЮЧИТЬ ИЛИ ВЫКЛЮЧИТЬ?

Когда сердце спорит с разумом,
то последний редко оказывается
победителем.

Жюль Верн,
«Дети капитана Гранта»

Вперед, только вперед! Не останавливаться!

Сердце твердо застряло где-то в пятках, и выбираться оттуда не желает. Надо бы его отключить, да не до этого. Если не поторопиться, отключать будет уже нечего.

Она свернула за угол и остановилась, тяжело дыша. Куда же дальше? Должно быть, где-то здесь...

— А мать ведь говорила тебе остаться дома и не вмешиваться не в свое дело.

Черт!

Папа!

Просыпаясь утром, я первым делом включаю сердце. Так уж у нас в семье заведено: за порогом делай со своим органом, что пожелаешь, но в семейном кругу изволь иметь чувства, чтоб ненароком никого не обидеть. Да и как иначе — это же родные, а родных надо любить, а как ты можешь любить с выключенным сердцем?

Я спускаюсь на кухню и сыплю себе хлопья в миску. Медовые, мои любимые. В принципе, если выключить сердце, я могу съесть любые, мне тогда почти все без разницы, но все-таки с сердцем лучше. Постепенно на кухню один за другим спускаются все члены нашей семьи: папа — высокий, худощавый, в очках, деловой и рассудительный, мама — с красивыми длинными волосами и миндалевидными глазами, энергичная и заботливая, брат Сэм — он всегда меня понимает, и бабушка — с тросточкой и в свитере, как положено.

Сегодня, когда мы сели завтракать, наша консервативная мама поставила на середину стола маленькую коробочку с антенной — наш семейный пульсоуловитель. Он помогает маме проверять нас на случай, если кто-то из нас (читайте, я или Сэм) не включил свое сердце (специально или случайно). Сегодня на приборе вместо обычной «пятерки» высветилась красная «четверка».

— Нола... — угрожающе начала мама.

— Это не я! Это Сэм! — повернулась я к брату.

— Проверьте, если не верите! — Он с невинным лицом протянул запястье.

Мама взяла его за руку. Нащупала пульс. Нахмурилась.

— Но кто же тогда...

— Я, — раздался голос папы.

Мы ошалело посмотрели на него. Это что-то новенькое — обычно сами взрослые всегда читают нам лекции про то, как опасно для личности долгое выключение сердца.

Завтрак прошел в полном молчании. Мама упрямо смотрела в свою тарелку с яичницей, выискивая там непонятно что. Папа с невозмутимым видом пил свой кофе. Сэм и бабушка поднялись к себе, я тоже вышла из-за стола, но замешкалась на лестнице. Мне было интересно, чем кончится разговор родителей.

— Хелена, послушай...

— Послушать что? Что ты подаешь плохой пример детям? Или что тебе больше нравится быть бесчувственным?

— Но мне так легче — из-за твоей традиции я частенько забываю выключать сердце на работе, а ты знаешь, какой это стресс.

— Я ничего не знаю и знать не хочу! За последние несколько недель это уже не первый случай! Хорошо, что дети не знают, но я-то видела, что ты частенько проделываешь это вечерами, сидя в своем кабинете.

— Хелена, ты должна успокоиться! Отключи сердце и подумай на холодную голову.

— Нет, это ТЫ подумай! Без меня! — воскликнула мама и выбежала из кухни.

Папа остался один, не зная, что я притаилась на лестнице и стала свидетелем их первой за много лет ссоры.

Ветви деревьев тихо шумят и будто пытаются влезть на подоконник. Листья у них зеленые-зеленые, ярко-изумрудного цвета, а кора темно-коричневая, как шоколад. По небу проплывают облака, солнце мягко греет землю...

— У птиц мозг гораздо меньше, чем у нас, соответственно, они могут использовать его лишь в очень ограниченных пределах.

Так, а вот это уже интересно! Кто бы знал, что на биологии меня может что-то заинтересовать! Но если у птиц мозг меньше и работает хуже, чем у человека ... как же они живут?

— Простите! — подняла я руку.

— Посмотрите, кто тут у нас заинтересовался птичьими органами! — гоготнул Винсент, местный клоун и хам.

Если бы мое сердце билось, меня бы задела его насмешка. Но так как я всегда отключаю его на время учебы, я лишь мотнула головой, словно отгоняя назойливую муху (по назойливости Винсент мухе не уступал), и упрямо продолжила буравить преподавателя взглядом.

— Ты хочешь что-то спросить? — удивился мистер Элз.

— Да. А как же голуби живут и выживают, если у них, скажем так, отсутствует разум?

— Ну, скажем так, — передразнил меня мистер Элз, — разум у них не отсутствует, но, вследствие своего маленького размера, мозг не выполняет большую работу. Голуби принимают свои решения на уровне инстинктов.

В классе зашептались. Никто точно не знал, что такое эти «инстинкты». Многие слышали о них от старших братьев и сестер и знали, что это проходят в высших учебных заведениях. Что-то очень сложное...

— Тихо, тихо! Инстинкты — это то, что животные чувствуют. Например, когда появляется опасность, голубь на уровне ИНСТИНКТА чувствует, что надо улетать. При этом он не думает, а именно ЧУВСТВУЕТ.

— Смешные птицы, эти голуби! — мелодично засмеялась Кира. — Как же можно выживать с помощью только чувств?

Ответить ей мистер Элз не успел — прозвенел звонок с урока.

Меня занимали совсем не те мысли, которые крутятся в головах учеников во время перемены. Я думала о голубях: вот они прыгают вокруг рассыпанных зернышек, стараясь отхватить самые лакомые, вот сидят на ветках дуба, высоко над землей, о чем-то переговариваясь на своем голубином языке. Но как они понимают, о чем надо говорить? Как определяют

самые вкусные зернышки на расстоянии? Какое странное слово — «инстинкты»... Что это такое, если не что-то разумное, исходящее из мозга? Неужели у птиц есть что-то, чего нет у нас, и за неимением чего мы активно используем свой мозг?

— Мистер Элз! — перехватила я учителя в коридоре.

— Нола, я спешу, — начал он вяло сопротивляться. — Да и тебе стоило бы поторопиться. Десять секунд назад был звонок на урок.

— Но у меня есть к вам вопрос! — Видя, что учитель нахмурил свои лохматые брови, я быстро добавила: — Это по теме урока!

— Вот как, — улыбнулся Элз. — Ну, давай, только быстро!

— Все-таки что такое эти инстинкты? Почему голуби ведут себя вполне адекватно, если у них мозг плохо соображает? И почему тогда у нас нет инстинктов, если они так помогают голубям?

— У нас они есть, просто мы забыли о них... — начал мистер Элз.

— А что тут происходит, позвольте спросить? Почему мисс Харт не на уроке? — Перед нами, уперев руки в толстые бока, стояла директриса, мисс Ивэл, самый малопрятный человек в нашей школе, а может, и во всем городе.

— Уже иду, — заверила ее я, но Элз поймал меня за локоть и прошептал:

— Я тебе дам одну книгу — обязательно прочти, раз у тебя такие вопросы.

«Какие «такие» вопросы?» — хотела спросить я, но учитель уже шел по коридору.

Не он один вел себя странно сегодня. Когда я выходила из школы и только надумала включить сердце, то увидела вдруг странную картину: Винсент дрался со старшеклассником. И что они не поделили? Увидев меня, Винсент тут же перестал лупить своего противника. К ним уже спешили учителя, наперебой крича нечто вроде: «Опять не выключил сердце? И за что нам такое наказание?!» Что значит «опять»? Значит, Винсент — «любитель сердца», раз постоянно не выключает его и даже идет у него на поводу?

Когда я пришла домой, там меня ждал еще один не слишком приятный сюрприз: у папы были гости. И не просто гости, а его коллеги из фирмы. Я их терпеть не могу — они как будто каменные, сердца, по-моему, вообще не включают — и как только у них жены появились! С папой они обсуждают, в основном, работу: их фирма занимается тем, что рассматривает проекты по строительству новых зданий и решает, стоит выдавать деньги или нет.

Они о чем-то тихо разговаривали. Зуб даю, обсуждали очередное скучное здание — ни единой эмоции на лицах, все разумно и отвратительно.

Но сегодня папа был явно не в духе. Этого можно было ожидать, учитывая его утреннюю ссору с мамой, но было ощущение, что случилось что-то еще (благодаря моему включенному по приходу домой сердцу я воспринимала все особенно чутко).

Увидев меня, папа вопросительно поднял брови, и я, быстро взбежав по лестнице, вошла к себе в комнату. Да уж, день сегодня очень странный. К чему бы это?

Посмотрев в окно, я увидела двух голубей, кружащих над деревьями. Они будто бы гонялись друг за другом, играя в салочки. И все-таки, о чем они думают?

Книга называлась «Чувства и эмоции: изучение и объяснение». На первой странице шли определения: «Эмоциями являются непроизвольные волны желаний/агрессии/порыва/отвращения, которые гуманоид способен испытывать только с включенным сердцем; чувствами называются эмоции, продолжающиеся дольше суток».

Не очень понятно. Какие такие волны? Как в море? Что-то я не припомню таких волн у себя.

«В подразделение эмоций входят: злость, отвращение, радость, грусть и многие другие. Чувства отзываются в человеческом организме сильнее, нежели эмоции, и включают в себя: зависть, ревность, страх, ненависть и любовь».

Что за непонятные термины? Единственное, что я поняла, это слово «любовь». Мама говорит, что в семье все любят друг друга. Даже с выключенным сердцем я испытываю некоторую долю привязанности к родным, так как умом понимаю, что они заботятся обо мне, пекутся и, наверное, должны меня любить. Но способны ли люди вообще любить в нашем мире, где сердца можно включать и выключать, когда только захочешь? И потом, если постоянно включать и выключать сердце, как можно продолжительно любить? Значит, любовь перестает быть чувством? Да и что такое любовь? Когда ты к кому-то привязан? Но стоит ли из-за такого пустяка поднимать столько шума? Это должно быть что-то, противоположное ненависти — вот, здесь так написано. Но проблема в том, что я не знаю, что такое ненависть.

— Как тебе книга?— спросил меня после уроков мистер Элз.

— Пока я ничегошеньки не понимаю! — честно призналась я.

— И что же такого ты не понимаешь?— удивился учитель.

Мы находились в комнате на третьем этаже. Окно было открыто. Не так высоко, но и не так низко над землей, если вдруг захочется спрыгнуть. Хотя кому вдруг может понадобиться прыгать из окна?

О чем я вообще думаю?!

Верные спутники городского ветра голуби расхаживали, чуть подпрыгивая, по мостовой. Ищут крошки хлеба или им просто нравится гулять?

Легкий ветер залетел в комнату, растрепал мои волосы и перевернул страницу книги. Там была картинка: человек толкает другого человека со скалы.

— Что это? — спросила я, забыв, что до этого вопрос уже задал учитель.

— Кажется, мне ясно, ЧТО ты не поняла. Это пример ненависти, поселившейся в сердце этого человека, — указал он на того, кто толкал, — и вынудившей его убить другого.

— Но зачем кому-то убивать человека? — недоумевала я. В школе нам рассказывали, что убийство — это насильственная смерть, происходящая от внешних действий одного живого существа по отношению к другому. Нам даже демонстрировали пример в виде кота, ловящего и съедающего мышь — зрелище то еще. Но я все равно не понимала: одно дело убивать ради пропитания, тем более что речь шла о животных, и совсем другое — убивать ради... чего? Удовлетворения?

— А этого я тебе объяснить не могу, — вдруг переменялся в лице мистер Элз. Он будто бы выключился... а может, не он, а его сердце? — И вообще, Нола, ты должна сама во всем разобраться... Если ты действительно этого хочешь, — непонятно зачем добавил он и чуть ли не выбежал из класса.

Я осталась стоять между парт и стульев, держа в руках книгу. Ветер, вновь заглянув в окно, перелистнул пару страниц и остановился на той, где большими буквами было написано: «СНЫ: ФАНТАЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?»

Вечером я перечитывала и перечитывала главу за главой, но не могла найти внятного объяснения ни понятию «ненависть», ни другим чувствам и эмоциям. Спать я легла очень поздно, настолько измученная мыслями, что так и не выключила на ночь сердце.

Утром, спускаясь к завтраку, я вдруг услышала крики. Видимо, мама с папой опять ссорились. Так странно — они не ссорились уже целую вечность, а сегодня — вот уже второй день, как не могут в себя прийти! Я услышала мамин голос:

— Как ты можешь? Ты разбиваешь мне сердце! — восклицал мамин голос.

Что за бред? Мама никогда так не говорила! Я не знаю ни одного человека, который стал бы говорить с таким пафосом! Может, они это не всерьез?

— Конечно, разбиваю! Всегда хотелось попробовать разбить чье-нибудь сердце, и начну я с твоего! — выкрикнул отец, и тут же последовал звон бьющегося стекла.

Что происходит? Мне стало жутко. Как была, в пижаме, я выбежала из дому. Но на улице творилось тоже что-то странное: все люди выглядели так, как будто все еще спали — стеклянные глаза, замедленные движения... В отчаянии я подбежала к одной старушке, которая с таким же невидящим взглядом, сидя на скамейке, кормила голубей, отламывая маленькие кусочки от багета, и обратилась к ней со словами:

— Простите! А что здесь происходит?

Старушка подняла голову и заговорила, но голос ее был очень похож на... голос мистера Элза!

— Когда все люди окончательно выключат свои сердца, мир опустеет. Больше не будет ничего, а только пустая рутина, день за днем, год за годом. — На последнем слове она ухмыльнулась, а мне стало действительно страшно. — Ты хочешь жить в таком мире, Нола?

— Нет... НЕТ! — закричала я от ужаса и отчаяния и... открыла глаза.

Я лежала в своей комнате, в своей кровати. Было темно. Сколько времени прошло? Я упала в обморок? Странно, моя обувь стоит на том же месте, где я ее оставила, когда пришла из школы, — значит, сейчас я ходила босиком? А я и не почувствовала холода! По-моему, я была немножко не в себе: босиком выйти на улицу, слышать какие-то голоса, видеть какой-то бред...

Надо бы дать маме знать, что я очнулась.

Интересно, а что происходило на самом деле? А вдруг... мама с папой по-настоящему ругались? Да нет, бред, так театрально ссориться они в жизни не стали бы!

Я выглянула в коридор. Тихо. Либо все ушли, либо еще спят. Интересно, сколько я была в отключке? А вдруг день? Или два? И тут мой взгляд упал на календарь — 21 февраля, тот же день, что был до моих странных видений. Наверное, в суматохе перевернуть забыли.

Пройдя в комнату к маме, я увидела, что она спит, и позвала:

— Мам... Эй, ма-ам!

— А? — с трудом разлепила она глаза и удивленно посмотрела на меня: — Ты почему не спишь? Тебе же только завтра в школу! Сегодня ведь воскресенье.

— О! — потрясенно воскликнула я. — Сколько же я была без сознания?

— Без сознания? О чем ты говоришь? Ты легла спать часа четыре назад... И вообще, почему ты так рано встала?

Я решила проигнорировать ее вопросы и задала свой:

— Так вы с папой не... — вдруг я огляделась. — Подожди: а где папа?

К вечеру папа так и не появился. Мы с мамой разумно предположили, что он задержался на работе, но когда он не появился и к завтраку, мое

включенное сердце уже подсказало мне неладное. И я решилась: первый раз в жизни прогуляю школу.

Я вышла из дому вместе с Сэмом, но, соврав, что хочу забежать в магазин, избавилась от брата и направилась к папиному офису, который располагался в другой части города.

На работе у папы я бывала очень редко (в этом не было смысла — во-первых, обычно в это время у меня уроки в школе, а, во-вторых, все равно вечером я видела папу дома), поэтому не была до конца уверена, что иду правильным путем. Мои опасения подтвердились, когда я свернула в тихий и грязный переулок. Там не было ни души, и, почувствовав мимолетный страх, я прибавила шаг. Вдруг мне показалось, что за мной кто-то следит. Я обернулась — никого.

Солнце светило мне в спину, по земле, вслед за мной, двигалась моя тень. И тут... У моей тени неожиданно появилась третья рука. Я резко повернулась, пнула своего преследователя в живот, и, пока он не очухался, повалила на землю, прижав коленом. Сердце бешено колотилось в груди. Странное ощущение... никогда раньше такого не испытывала... странное, да, но как будто приятное. И тут я посмотрела на того, кто лежал подо мной.

Мой брат.

А я-то была уверена, что мне удалось его обмануть.

— Так вот в какой магазин ты пошла, — ухмыльнулся он. Сэм был старше меня на год и прекрасно знал, как меня бесит его самоуверенная ухмылка, потому обожал пускать ее в ход.

— Что ты хочешь от меня услышать? — вздохнула я. — Да, да, я тебе соврала! Доволен?

Я попыталась встать, но Сэм схватил меня за запястье и удивленно воскликнул:

— Ничего себе! У тебя сердце так и бьется! Раньше бывало такое?

— Нет, никогда, — задумчиво ответила я. — Такое необычное чувство, будто внутри тебя находится что-то живое. Как птица.

— Птица?!

— Ну да. Знаешь, когда она крыльями бьет и все такое...

— Тсс! — шикнул Сэм. — Кто-то идет! — И мы спрятались за мусорным баком.

По переулку быстрым шагом двигался смутно знакомый мне человек. Я пригляделась: спутанные волосы, густые сросшиеся брови, хмурый взгляд... Так это же папин коллега — мистер Хол! Что он тут делает? Я оглянулась на брата — судя по наморщенному лбу, Сэму не давала покоя та же мысль.

Вдруг мистер Хол резко остановился, развернулся и побежал назад. Мы с Сэмом молча последовали за ним. Хол свернул направо и вбежал в здание, похожее на старый гараж, обнесенный колючей проволокой.

Но внутри не было ни старых машин, ни поломанных вещей, никакого запаха бензина не ощущалось — высокий потолок, длинный коридор и много дверей по обе стороны. Коридор заканчивался двустворчатой дверью на замке, но Хола она совершенно не интересовала, он вошел в одну из обычных дверей, приоткрыв ее, и мы увидели край стола, компьютер на нем и стул, на котором сидел кто-то спиной к нам и работал за монитором.

— Все трудишься? — Шум компьютера, вой ветра и еще какой-то непонятный нам звук заглушали голос Хола.

— Я узнаю, как открыть эту чертову дверь, рано или поздно! — Второй голос мы слышали еще хуже, но и он показался нам знакомым.

— Лучше рано, — пробурчал Хол и, видимо, тоже сел стучать по клавишам, так что видеть его мы перестали.

Все это было до невозможности странно: почему Хол здесь, когда рабочий день в самом разгаре? И про какую дверь они говорили? Не про ту ли, двустворчатую, что в конце коридора? И что за ней такого секретного, что ее заперли на замок? И этот второй голос... конечно же, я слышала его раньше, причем много раз!

— А ты не узнал по голосу второго? — спросила я брата.

— Еще бы! — хмуро ответил Сэм. — Как не узнать нашего дорогого папочку?

— Ты точно уверен, что это именно он? — в сотый раз спрашивала я, пока мы, побродив для убедительности лишние два часа, отправлялись домой, стараясь подгадать возвращение школьного автобуса.

— Уверен на двести процентов, — кивнул Сэм.

Когда мы зашли в дом, мама с папой, который, как ни в чем не бывало, читал газету, сидели в гостиной. Сэм рванулся, было, к ним, но я преградила ему дорогу и шепнула: «Выключи сердце, не то глупостей наделаешь!»

Брат смерил меня многозначительным взглядом, осторожно, но твердо отодвинул в сторону и вошел в гостиную.

— И что ты там делал? — сразу взяв быка за рога, обратился он к папе.

Папа оторвал взгляд от статьи, посмотрел на него через очки, медленно снял их, протер краем рубашки, снова нацепил их на нос и лишь потом миролюбиво ответил:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Все ты понимаешь. — Сэм принципиально игнорировал мои молящие взгляды. — На том складе, или что это такое... ты сидел там вместе с Холлом и искал что-то в своем компьютере!

— Ах, вот ты о чем! — Папа снисходительно улыбнулся, но, поймав мамин настороженный взгляд, покачал головой: — Мы с мистером Холлом сейчас работаем над одним серьезным проектом, а для такой работы нужно особенное помещение. Мы наткнулись на этот склад и решили, что он идеально нам подходит. Поэтому я и не пришел вчера домой — нужно было перетащить кое-какие материалы, бумаги, а потом еще и работа увлекательная оказалась — совсем забыл о времени! Но, видишь ли, дорогой Сэм, вопрос немножко в другом: что Ты делал там?

— Все было напрасно! — Сэм понуро опустил голову и плюхнулся на стул. Мне почему-то стало его очень жалко. И хоть разумом я понимала, что ничего особенного не случилось — подумашь, недоразумение с отцом, — сердцем (которое я больше не выключала) я будто чувствовала подавленное состояние Сэма. Да уж, он-то думал, что отец нас обманывает, выдал ему нас самих с потрохами, а оказалось, мало того, что отец ни в чем не виноват, так теперь мы еще наказаны за прогул уроков!

— Да ладно тебе, — шутливо толкнула я брата плечом. — Подумашь! Ну, никудашные из нас с тобой сыщики, и что с того?

— Я же был так уверен, что там что-то нечисто, — прошептал он.

Я поняла, что он хочет остаться один, и тихо вышла из комнаты. Родители были у себя, и я беспрепятственно вышла на улицу. Мне нужно было подумать...

Но подумать не удалось — навстречу мне шел не кто иной, как мой учитель биологии мистер Элз.

— Тебе повезло, что сегодня мисс Ивэл не было в школе, — начал он без предисловий.

— Ваши уроки я никогда не прогуливаю, — начала оправдываться я.

— И все-таки интересно, оправданный ли оказался риск? — хитро прищурился учитель. Он и не думал сердиться, хотя поначалу мне казалось, что он устроит мне настоящую взбучку.

— Нет, — погрустнела я.

Учитель повернулся, намереваясь продолжить свой путь, и тут что-то вспыхнуло у меня в памяти:

— Мистер Элз! Подождите! У меня сегодня...или вчера... была странная галлюцинация... я легла спать, а потом встала и видела странные вещи, там были и мои родители, но они ничего не помнят, а еще там были разные чужие люди, и вели они себя очень странно... и вы там были... точнее, там была одна старушка, которая говорила вашим голосом... а потом я, не помню как, вроде бы потеряла сознание, потому что очнулась в своей кровати... Прошло всего несколько часов, и я точно помню,

что спала, тогда когда же я успела все это увидеть? Кроме того, эти галлюцинации были такие странные еще и потому, что там звук был как сквозь вату... будто я находилась под водой...

Я не сразу обратила внимание, как странно смотрит на меня мистер Элз — словно видит в первый раз. Удивленно, даже шокировано, но как будто с уважением.

— Скажи мне, Нола, а ты обычно выключаешь сердце, когда ложишься спать?

— Обычно — да. Но вчера я думала о книге, которую вы мне дали, и, наверное, забыла выключить... А что? — всполошилась я. — Это опасно? Нас родители с детства учили на ночь выключать сердце!

— Нет, это не опасно, — улыбнулся мистер Элз. — И твои видения — вовсе не галлюцинации и не болезнь. В той самой книге есть глава, кажется, она называется «Сны: фантазия или реальность?» Думаю, ты найдешь в ней много полезного для себя.

Вот что было написано в восемнадцатой главе: «Сны или сновидения — неосознанное, субъективное восприятие образов во время сна. Видящий сон человек обычно не понимает, что спит, и воспринимает сновидение как объективную реальность».

Неужели... у меня было СНОВИДЕНИЕ? Но это же... болезнь?!

И я вспомнила, как два года назад отец зачитывал нам всем статью из газеты: «По городу бродит ЛИХОРАДКА СНОВИДЕНИЙ — дети массово перестали выключать на ночь сердца и, вследствие этого, спокойно спать. Всю ночь их преследуют жуткие и ненормальные галлюцинации, называемые сновидениями. Жители города, просим вас всех проверять сердца своих детей перед сном, ЛИХОРАДКА СНОВИДЕНИЙ — не шутка, а очень опасное психологическое заболевание, которое, к счастью, можно и нужно контролировать».

Мы с братом всегда выключали свои сердца на ночь, поэтому родители не особо беспокоились. На маму эта статья вообще не произвела никакого впечатления, она сказала, что все это — выдумки журналистов, чтоб им было, чем пугать народ.

Я бы никогда и не предположила, что подцепила какую-то лихорадку. Об этом никому нельзя рассказывать. Вообще никому. Даже Сэму.

— После ужина будем играть! — объявил папа.

Не требовалось уточнять, во что конкретно мы будем играть. У нас в семье это всегда были карты. Игра в карты была сродни семейному просмотру фильма — она объединяла нашу семью, заставляла дедушку выползать

из своей комнаты, Сэма — оставлять скрипку, а меня отрывала от тяжелых мыслей. Как сегодня, например.

Папа принес колоду и начал тасовать ее. Его пальцы, такие большие и неуклюжие, работали на удивление ловко, быстро перебирая карты.

Я открыла свои. Только не это! У меня на руках был червонный туз!

У нас в городе говорят, что «червы» приносят несчастье. Не знаю, откуда взялась эта примета, просто все верят, и я тоже. А уж если тебе выпал червонный туз... тут уж только держись! Ко всем, кому попадалась эта карта, приходило несчастье. Конечно, никого конкретно, кому стало бы плохо от червонного туза, я не знаю, да только люди говорят разное...

И вот у меня на руках та самая карта. Как она вообще сюда попала? Мы никогда не используем ее в игре... но вот же она! Черт, черт, черт!

А игра тем временем была в самом разгаре. Мама была в плюсе, папа проигрывал. Я шла после мамы. Женщины в нашей семье всегда играли лучше мужчин — так уж повелось.

У меня не осталось карт, кроме того самого туза. Дедушка «напал» на меня с червонным королем. Если не отобью — придется брать, и выиграет мама. Если отобью — ничего особенного не случится, но у меня было странное чувство, будто что-то произойдет, и связано это что-то с червонным тузом, а точнее с моим решением.

И я решилась.

Карта легла поверх короля, и в комнате воцарилась тишина. Папа, как будто в недоумении, уставился на туза, мама тихонько вздохнула, Сэм резко икнул, а дедушка...

— Дедушке плохо! — закричала я не своим голосом. — «Скорую»!

Дедушка умирал. Врачи ничего не могли сделать. Хирург вышел из палаты, удрученно покачал головой и жестом пригласил папу войти.

— Попрощайтесь с отцом, — посоветовал врач. — Ему недолго осталось.

Папа кивнул и быстро, даже как-то суетливо, вошел в палату. Дверь осталась приоткрытой, и я видела дедушку на кровати с закрытыми глазами и беспомощно сложенными на груди руками. Это все из-за меня. Из-за червонного туза. Ну почему я не могла сдаться?

Папа подошел к кровати и осторожно присел на край. Дедушка приоткрыл один глаз, смерил его пытливым взглядом и снова закрыл.

— Отец... — начал папа.

— Сын, у нас мало времени... — Дедушка даже приподнялся с подушки, будто ему не терпелось что-то рассказать. Он говорил очень тихо, так что мне приходилось напрягаться, чтобы услышать хоть что-нибудь. — Я знаю, что ты ищешь, и я могу помочь тебе.

— Что? Откуда ты...

— Ты — мой сын, и ничего другого я от тебя не ожидал. Сердца — это сплошное несчастье! Моя погибель — мое же сердце. Меня ты не спасешь, но можешь спасти себя, Хелену, Нолу, Сэма и всех жителей города! Чтобы открыть железную дверь, нужен код. Код хранится у человека по имени Питер Элз. Когда-то я сам доверил ему ключ к нашему спасению.

— Но почему?..

— Потому что был молод и глуп и думал, что на свете существует такая вещь, как преданность! Найди Питера и достань код! Спаси себя и всех остальных! Не подведи меня... сынок! — Последние слова дедушка произнес шепотом. Его глаза закрылись, а рука свесилась с кровати. Дедушка умер...

Мама с папой теперь ругались каждое утро. Мой день отныне начинался с криков и обвинений со стороны мамы и угрюмого молчания со стороны папы, доносившихся с кухни.

А я ничего не понимала. Не понимала ни странного поведения папы, ни того, что дедушки нет с нами, а больше всего не понимала того странного разговора. Конечно, дедушка перед смертью мог и бредить, но папа, кажется, прекрасно понимал, о чем он говорил. Может быть, он подыгрывал, не хотел расстраивать дедушку? Но... железная дверь... не та ли это дверь, которую мы с Сэмом видели на складе? Та, которую папа так хотел открыть? А дедушка сказал, как можно ее открыть — какой-то код у какого-то Питера... ЭЛЗА?! Неужели это... мой учитель, мистер Элз? Да ну, мало ли Элзов в городе...и все-таки...надо с ним поговорить.

— Мистер Элз! Мистер Элз! — закричала я, увидев, как учитель биологии спускается по ступенькам.

Он оглянулся и улыбнулся в ответ, но как-то нервно. А еще мне показалось, что он очень спешил покинуть школу.

— Мистер Элз, мне нужно с вами поговорить.

— Нола, мне надо идти...

— Вам грозит опасность! — выпалила я на одном дыхании.

Мистер Элз медленно развернулся и посмотрел мне прямо в глаза:

— Я знаю. Пойдем, я тебе кое-что расскажу...

— Когда-то давно у меня был друг... — Мистер Элз устроился на подоконнике и задумчиво смотрел в окно.

— И что с ним случилось? — спросила я, когда стало понятно, что продолжать он не намерен, несмотря на то, что сам же привел меня в свою квартиру и начал этот разговор.

— Ничего особенного. Я его предал.

Питер Элз был преемником деда, его другом. Они познакомились в университете, где дед начал преподавать, а Элз только поступил. Будучи родственными душами, они много времени проводили вместе за обсуждением всяческих научных теорий. Однажды Элзу в голову пришла мысль, что человеку жилось бы легче без постоянного переключения сердца, он стал бы более разумным и уравновешенным, а, следовательно, счастливым. Дедушка и Питер начали разрабатывать эту теорию, и, будучи неплохими учеными, соорудили машину, способную охватить режим переключения каждого сердца в масштабе целого города (уж не знаю, как им это удалось). Идея состояла в том, что машина заглушала голос сердца, и люди просто становились бесчувственными. Чтобы их задумке никто не помешал, они спрятали устройство на старом складе и соорудили дверь, надежно скрывшую за собой «решение всех проблем», как выражался дедушка. Правда, обычный замок для такой двери не годился, и пришлось им придумать специальный код. Питер корпел над ним всю ночь, а когда дед вернулся на следующее утро, дверь была намертво заперта, а его парник исчез.

— Он так меня и не нашел, — грустно заключил мой учитель. — Я долгое время жил в трущобах, боясь его мести, а потом, когда подумал, что его гнев уже утих, попытался начать жить заново.

— Но почему вы так с ним поступили? — Впервые в жизни я была зла на своего учителя. — Он считал вас своим другом!

— Если бы я знал, Нола, — убито промолвил Элз. — Той ночью меня осенило, что все, чему мы посвятили годы, — страшная ошибка. Нельзя избавиться от сердца, ибо оно — вся наша жизнь! Без него мы станем бесчувственными роботами, и... Тебе не кажется, что чай должен бодрить, а не клонить в сон? — растерянно заметил он, поглядывая на свою чашку.

Я и сама уже давно захотела спать, но думала, что это от слегка затянувшегося рассказа.

И тут мне пришла в голову мысль... и тут же выскользнула из головы, как и последние остатки сознания...

— Принеси воды, Сэм!

— Ух ты, и как это она умудрилась?

Голоса пробивались как сквозь вату.

— Вот.

Я почувствовала на лице что-то холодное и мокрое.

— Пап, так что с ней случилось?

— Этот негодяй подсыпал что-то в ее чай. — В голосе отца слышалась ярость.

Негодяй? Ага, мистер Элз. Мы пили чай, он рассказывал... Подсыпал? Но зачем он тогда и себе в кружку добавил? Или он специально сказал, что хочет спать, чтобы я его не заподозрила?

Я открыла глаза.

— Нола, Нола, как ты? — запричитала мама. — Болит что-нибудь? Попить дать? Плохо себя чувствуешь? Как...

— Хелена, выключи сердце! — резко оборвал ее папа.

Мама застыла, непонимающе глядя на него. Обычно мой отец не разговаривает с ней в таком грубом тоне.

— Как ты? — Он странно посмотрел на меня, будто хотел найти в моем лице что-то новое.

— Ничего... а... а что произошло?

— Наш препод по биологии напоил тебя и сбежал, — сказал Сэм.

— Мистер Элз? — воскликнула я. — Он не мог!

— Еще как мог, — напряженно сдвинул брови отец. — Он — подлец и негодяй, хотел использовать тебя в своих целях, а когда выведал все насчет опасности, которая ему угрожает, решил подсыпать тебе снотворное! Он ведь мог переборщить с дозой, и ты бы просто не проснулась!

— Он не мог, он ведь мой учитель, — рассеянно помотала я головой. — Подожди... откуда ты знаешь, о чем мы говорили?

— Давние дружки твоего деда искали встречи с твоим учителем, — начал объяснять отец. — Я узнал об этом от него же самого — он искал у меня защиты. Я установил в квартире мистера Элза «жучок», чтобы в случае опасности примчаться на помощь, и сегодня услышал занимательную беседу...

— Хватит нагружать ребенка! — Сухой голос матери означал, что она послушалась отца и выключила сердце. — Ей пора отдыхать! — Она вытолкнула отца и Сэма из комнаты и, изобразив на лице пустую, ничего не значащую улыбку, закрыла за собой дверь.

Я откинулась на подушку. Что-то тут определенно не сходится. Какие дружки могут хотеть расправы над Элзом, когда они с дедом работали только вдвоем? Может, он мне соврал? Но тогда почему он просил помощи у моего отца? И зачем устанавливать в квартире Элза «жучок», если эти его «приятели» могут в совершеннейшей тишине грохнуть его и смыться? Или вообще сделать это не дома... И зачем ему что-то выведывать насчет угрозы, когда он это знал и без меня? Мы об этом и не говорили, тогда зачем ему была нужна я и нужна ли вообще?

Какая-то смутная мысль неотступно преследовала меня, но я повернулась на другой бок и попыталась заснуть.

Среди ночи я проснулась от мысли, что, наконец, все поняла, поняла, что не сходитя в рассказе моего отца. Элз не мог подсыпать мне снотворное в кружку по одной простой причине: готовила чай я, а позже, пока он остывал, вышла в гостиную спросить у учителя, нужен ли сахар. Обе кружки оставались без присмотра около тридцати секунд.

Я тихонько кралась к комнате Сэма. Нельзя было, чтобы папа меня увидел, я уже не могла доверять ему.

— Сэм! — шепотом позвала я брата, заглянув в его комнату.

Молчание.

— Сэм! — закричала я и включила свет.

Брата не было.

— Мама! Мама! — ворвалась я в комнату родителей. Первое, что бросилось в глаза — папина сторона кровати тоже пустовала. — Мама, Сэма нет! А где папа? — Я понимала, что мой голос и тон, даже сами слова звучат слегка по-ребячески, но ничего не могла с собой поделать — мне было страшно.

— Как, нет Сэма? Давай посмотрим! — Странно, но мама даже не взглянула в ту сторону, где должен был лежать папа.

Мы прошли по коридору, и я первой зашла в комнату брата, остановившись у двери. Мама жестом пригласила меня пройти дальше. Я сделала неуверенный шаг и...

— Ты никогда не была хорошей актрисой, мама! — Резко развернувшись, я вовремя успела ухватить рукой захлопывающуюся дверь и с силой потянула ее на себя.

— Это папа, да? — удивительно спокойно спросила я маму. — Это он велел тебе запереть меня?

На нее было жалко смотреть: поняв, что план провалился, она вся как-то сжалась, глаза сделались большими и растерянными, а нижняя губа задрожала. Но это было совсем не трогательно, а просто противно.

— Он... он... Если бы я не обещала запереть тебя, он бы тоже забрал тебя с собой! — наконец выпалила она.

— Забрал с собой? Сэм! — Я рванулась к лестнице.

Мама с удивительной для нее цепкостью схватила меня за руку и ровным, очень серьезным голосом произнесла:

— Нет, Нола, не вмешивайся. Ты не должна! Что я, зря, что ли, заключала сделку с твоим отцом?

— Зря! — выкрикнула я и, вырвавшись, сбежала вниз по лестнице.

— Нола, вернись! — донеслось мне вслед.

Говорят, твой дом — твоя крепость. Но что, если крепость оказалась вовсе не такой уж неприступной, как всегда казалось? И что, если опас-

ность исходит не извне, а изнутри? Что, если эта опасность — твой родной отец?

Я забежала к мистеру Элзу. Все перевернуто, вещи разбросаны по полу, посуда на кухне разбита. Только те самые чашки, из которых мы с ним пили чай, остались нетронутыми. Так и стояли в гостиной на столе. Я огляделась. Очевидно, они искали тот самый код. Код для железной двери.

И тут меня осенило. Железная дверь была нужна для того, чтобы спрятать за ней устройство, которое создали Элз и мой дед. Устройство, способное повелевать сердцами. А если у тех людей, которые напали на Элза, теперь есть код от двери, то они получают доступ к нему. Нужно их как можно быстрее остановить! Вперед, только вперед! Сердце застряло где-то в пятках и выбираться оттуда не желало. Надо бы его отключить, да не до этого. Если не потороплюсь, отключать будет уже нечего.

Я свернула за угол и остановилась, тяжело дыша. Куда же дальше? Должно быть где-то здесь... Ага, вроде сюда мы сворачивали с Сэмом...

— А мать ведь велела тебе остаться дома и не вмешиваться не в свое дело!

Черт!

Папа!

Я до последнего надеялась, что он тут ни при чем. Даже после похищения Сэма не верила, пыталась себя обмануть, думала, что это какой-то сон, или я чего-то не знаю. Но нет, вот он стоит: высокий и худощавый, чуть сутуловатый, как всегда, в очках с тонкой оправой. Только теперь на его лице играет самодовольная, так не свойственная ему, не вяжущаяся с родным образом отца ухмылка.

— Где Сэм? — Мне нужно было время, чтобы отдышаться.

— Твой брат? — рассмеялся папа. — Расслабься, ты больше не увидишь его...во всяком случае, до того, как ЭТО случится...

— ЧТО случится? — Кажется, я уже знала ответ.

— Ты же и так все знаешь: мы испытаем машину, код у нас теперь есть... поверь, после того как все случится, ты будешь мне лишь благодарна. Без сердца жить действительно проще. И мы все почувствуем это. Ведь если уничтожить машину, все сердца в городе выключатся через шестьдесят секунд и не включатся больше никогда.

— Но...зачем тебе Сэм? — На глаза навернулись слезы: видеть отца ТАКИМ было еще хуже, чем присутствовать при трансформации матери из энергичной и уверенной в себе женщины в жалкое подобие верной до одурения жены и совсем не преданной матери.

— Только не надо плакать! — закатил глаза папа. — Я не мог его оставить, он начал что-то подозревать, следил за мной ночью, и все такое. После того как вы увидели меня на складе, он уже не мог успокоиться.

— Сэм? — Я была удивлена. — Да он забыл об этом в тот же день!

— Поверь мне, не забыл, иначе стал бы я его трогать? По правде говоря, изначально я собирался забрать тебя. Мне нужен был кто-то один, но, когда я увидел тебя спящей... во мне что-то перевернулось. Я просто не мог этого сделать — ты ведь всегда была моей любимицей. Я заставил маму пообещать, что она задержит тебя.

Все эти откровения отца произвели на меня гораздо меньшее впечатление, чем сам факт того, что он со мной этим делился.

— Наверное, ты думаешь, почему я все это тебе рассказываю, — вдруг улыбнулся он какой-то снисходительной улыбкой.

— Ты заговариваешь мне зубы, — догадавшись, ответила я. И резко сорвалась с места.

— Далек тебе не уйти, Нола! — проговорил папа, неторопливо идя за мной.

Я чувствовала себя, как в фильме ужасов. Героиня убегает изо всех сил, а маньяк все равно нагоняет ее, хотя идет вроде бы медленно. Не предполагала, что такое бывает в реальной жизни.

Железная дверь была открыта.

После разговоров о машине я ожидала увидеть громадное устройство, а саму комнату представляла своего рода цехом, с дымом и шумом моторов.

Но, вбежав, я не увидела ничего подобного. Лишь табуретку посередине, а на ней...термометр!

— Нола!

Это Сэм! Я обернулась — и очень вовремя, так как в этот момент в сантиметре от моего правого уха просвистела пуля. В другом конце комнаты стоял мистер Хол, держа в руке направленный на меня пистолет.

— Вторая пуля попадет точно в лоб, — спокойно предупредил он. — А ну, быстро к стене!

Сэм сидел в углу, привязанный к стулу, стол был завален бумагами и какими-то железками, над которым склонился...

— Мистер Элз! — не смогла сдержать я возглас, несмотря на обуявший меня страх.

Мой учитель вовсе не выглядел пленником, которого заставили что-то делать.

— Он продался с потрохами, когда пришлось выбирать между смертью и сотрудничеством, — пояснил вошедший в комнату отец. Он цепко взял

меня за руку и подвел к стулу. Хол не отводил от меня глаз. И дуло пистолета тоже.

— Приступай! — приказал ему отец, попутно привязывая меня.

Тот кивнул и, посмотрев на Элза, произнес:

— Чтобы привести в действие сердцеконтролер, нужна кровь. Он начнет работу, когда достигнет максимальной температуры. А человеческая кровь, она...

— Да я все это и так знаю, — отмахнулся отец и подошел к Сэму: — Ну, пришло твое время, сынок.

— Нет! — вдруг завизжала я не своим голосом.

— Заткнись, кузнечик! — Хол помахал пистолетом перед моим носом. Но мне было уже все равно.

— НЕ СМЕЙ!! — Я попыталась встать, но веревки не пускали меня.

Сэм побледнел и, пока отец отвязывал его, бросил в мою сторону взгляд, кричащий: «Спаси!»

— Помолчи, детка, и послушай своего папу! — Вот теперь отец действительно наводил ужас: с горящим безумным взглядом он стал похож на сумасшедшего ученого. — Тебя никто не тронет, если будешь молчать. А брата твоего и так уже ничего не спасет.

— Может, и спасет, — вдруг тихо произнес кто-то за моей спиной.

Я обернулась. Кроме Элза там никого не было, но он всем своим видом показывал, что с головой ушел в бумаги.

Отец подвел Сэма к табуретке. Хол подкатил аппарат, похожий на капельницу, только с трубкой, открытой на конце. Эту трубку они и подвесили над термометром.

Совсем недавно я думала, что не знаю, что такое любовь и ненависть. Кажется, теперь я поняла. Ненависть — это желание убить родного отца, если он хочет причинить вред твоему брату. Неужели это... любовь?

Дзинь!

Я отвлеклась, увидев боковым зрением, что со стола Элза что-то упало. Нож для резки бумаги.

Тот, как ни в чем не бывало, захватив иглу, прошел мимо меня, как бы нечаянно подпихнув ногой нож в мою сторону.

Сэму поставили капельницу. Кровь начала медленно подниматься в трубочку и капать на сердцеконтролер. Отец хищно уставился на прибор. А я, наконец-то, разрешила веревки.

— Знаете, — задумчиво произнес мистер Элз, наблюдая за струйкой крови, капающей из трубки. — Мне кажется, кровь не скоро подействует на обычный градусник.

Хол резко развернулся, но было поздно. Элз нанес ему удар, которому позавидовал бы лучший боксер. Хол покачнулся и упал на пол. Пистолет

отлетел в сторону. Отец бросился на Элза, а я подбежала к Сэму, выдержала иглу и крепко обняла его.

— Спасибо! — Мой обычно красноречивый и самоуверенный брат сейчас был сам на себя не похож. Впрочем, любой человек был бы немножко не в себе, если бы его только что собирались принести в жертву.

— Никому ни с места! — И как отцу удалось завладеть пистолетом? — Говори! — ткнул он дулом в Элза. — Где настоящий сердцеконтролер?

— Да его никогда и не было, — пожал плечами тот, словно находился на дружеской вечеринке, а не в шаге от смерти. — Я разрушил его еще в ту ночь, когда запер дверь на код.

— Но... если ты его разрушил, значит, и сердца должны были повредиться, ведь они были подключены к нему? Но почему тогда... — Отец оступился и чуть не упал.

— А я разве сказал, что они не повредились? — удивился Элз. — Разве стал бы отец, у которого есть сердце, приносить в жертву собственного сына ради какой-то безумной идеи? Стал бы угрожать пистолетом дочери? Шантажировать собственную жену?

— Ты врешь! — зло выкрикнул папа. — Ты не мог его уничтожить, я знаю...

Вдруг раздался выстрел, и он упал. На полу тут же растеклась лужа крови. В дверях стояла мама с охотничьим ружьем, которое висело в нашей гостиной.

— Я не хотела, прости меня! — зарыдала она и, бросившись к отцу, положила его голову себе на колени. — Прости...но я не могла допустить, чтобы ты причинил вред моим детям, прости....

Странно, меня абсолютно не волновала участь родного отца. Я не чувствовала ни любви, ни горя. Просто он сделал то, после чего я уже не могла его простить — он хотел убить моего брата.

Я медленно подошла к учителю и спросила:

— Но, мистер Элз, как такое возможно? Я запуталась...получается, мы вот уже сколько лет живем без сердец?

— Видишь ли, Нола, — нежно приобняв меня, заговорил он, — то, что сердца можно выключить при помощи сердцеконтролера — это все слухи, придуманные мной специально для твоего отца. Мы с твоим дедушкой создали устройство, способное влиять на человеческие сердца, но так и не смогли придумать способ отключить их навсегда. Однако это влияние привело к непредвиденным последствиям: все больше стало рождаться на свет людей, подсознательно способных к подлости и жестоким поступкам. Но тот, кто, как ты, верен настоящим ценностям, тому не страшна никакая поломка сердцеконтролера.

Подумав, я решила, что все это действительно слишком для одного дня. Подойдя к брату, мы с Элзом помогли ему подняться и, поддерживая с двух сторон, втроем направились к выходу. Мама догонит...

— Хорошая сказка. — Редактор положила распечатанные листы на стол. — Но в журнале я это напечатать не могу — слишком длинно, да и тема не подходит. Попробуй отнести в издательство — у тебя неплохие шансы.

Я кивнула. Никому не нравится фэнтези. Но спорить не хотелось. Да и надо было торопиться, если не хочу опоздать на дополнительные курсы при биофаке. А в издательство я ходила — не взяли, даже читать не стали.

— До свидания, Нонна! — крикнула мне вслед редактор
На улице гулял ветер, мела поземка. Я закуталась в шарф и подумала, что надо было послушать маму и надеть шапку.

Войдя в аудиторию, я села в последнем ряду справа. Когда все собрались, Александр Григорьевич объявил:

— Тема сегодня — строение и функции сердца. Запишите, пожалуйста.

— Сердца, говорите, — хмыкнула я, аккуратно выводя строчки в тетради.

— Нонна, ты хочешь что-то спросить?

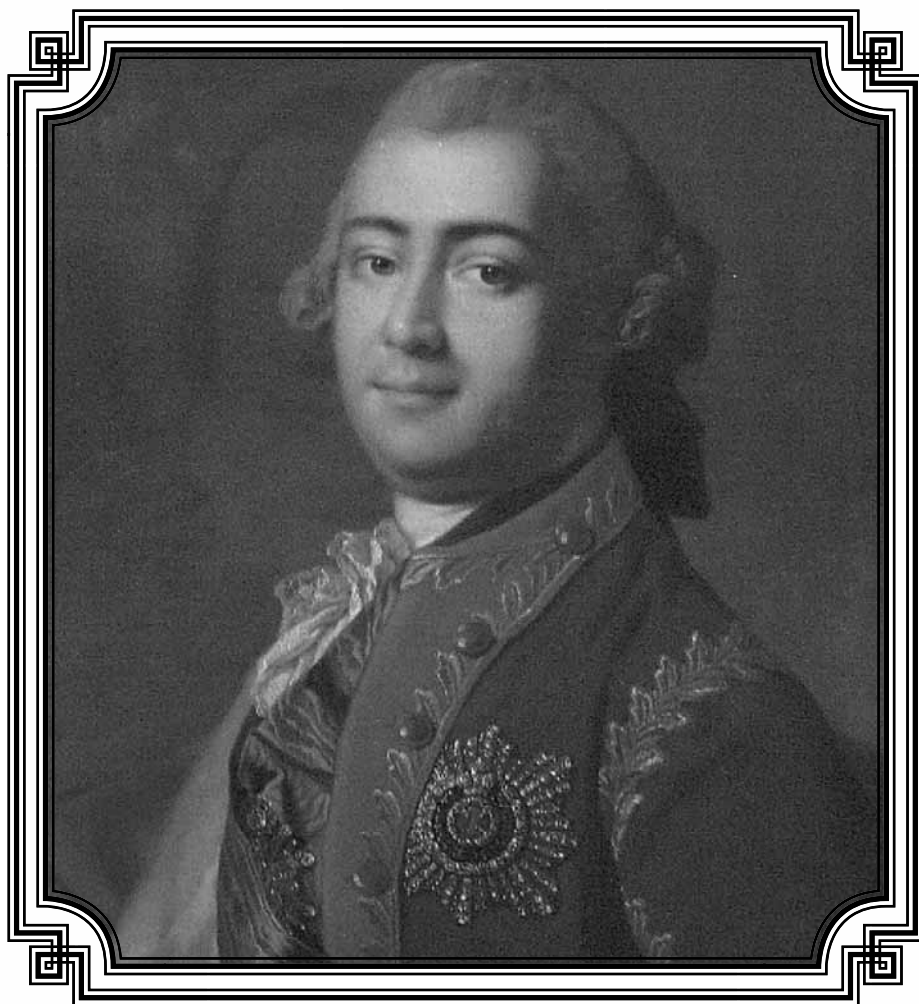
— Да, — громко сказала я. — А мы когда-нибудь, в будущем, сможем... ну...выключать свое сердце?

— Выключать? Нет, сомневаюсь... — растерянно пробормотал педагог.

— Ну и правильно, — улыбнулась я. □

Алла Зубкова

ДРУГ НЕЛИЦЕМЕРНЫЙ

С именем императрицы Елизаветы Петровны связаны многие яркие страницы русской истории середины XVIII века. Именно в ее царствование Россия одержала победу над королем Пруссии Фридрихом II в Семилетней войне. Именно в годы ее правления был основан Московский университет и сделал свои открытия великий Ломоносов.

Тем не менее, в памяти потомков она осталась просто «веселой царицей», более всего любившей праздники и развлечения. Особой ее страстью были мужчины. По мнению некоторых историков, список ее любовников включал десятки имен. Впрочем, в большинстве своем это были фавориты-однодневки.

Подобно своей английской тезке Елизавете I Тюдор, она отвергла династический брак, ибо не желала ни с кем делить право на отцовское наследие, опасаясь, что знатный супруг может покушаться на ее трон. Вместо этого она предпочла морганатический брак с сыном простого малороссийского казака, с которым ее связывала большая любовь.

Алексей Григорьевич Разумовский, «друг нелицемерный», как называла его царственная подруга, со временем превратился в одного из самых влиятельных людей России. Фавор его длился восемнадцать лет, но даже после его окончания Разумовский не потерял любви и доверия своей августейшей повелительницы, ценившей его беспредельную преданность.

Елизавета Петровна появилась на свет 19 декабря 1709 года. Ее великий отец, занятый государственными и ратными трудами, перепоручил воспитание дочери супруге. Екатерина не угнетала дочь излишней опекой и не считала нужным обременять Елизавету и ее старшую сестру Анну излишними знаниями. Цесаревны бегло говорили по-французски, итальянски и немецки, разбирались в музыке, божественно танцевали менуэт. Читать Елизавета не любила. Свободное время, а его было не-

мало, она посвящала верховой езде, охоте и уходу за своей эффектной красотой. Честолюбивый Петр строил планы выдать любимую дочь за французского короля Людовика XV, ее ровесника, однако Версаль не горел желанием женить юного Луи на Елизавете, хотя шансы ее расценивались довольно высоко, даже выше внучки английского короля. Но тут вмешалась судьба. В 1725 году Петр I скончался. Проживи он еще несколько лет, брак, возможно бы, и состоялся. Его же преемница, Ека-

*Императрица
Елизавета
Петровна*

терина I, особым пиететом у Версаля не пользовалась, и на планах о браке Елизаветы пришлось поставить крест.

Умирая, Екатерина I завещала дочери выйти замуж за Карла-Августа, младшего брата голштинского герцога. Молодой человек, прибывший в Россию, очень понравился Елизавете, но, увы, вскоре заболел

и скончался. Неудачей закончилось и сватовство к цесаревне побочного сына саксонского короля, Августа II Морица.

Впрочем, цесаревна печалилась недолго. Она постепенно становилась первой звездой двора императора Петра II, сына несчастливого царевича Алексея, казненного великим Петром. Юный император толь-

ко что освободился от гнета Меншикова, мечтавшего женить его на своей дочери. Почти мальчик, четырнадцатилетний император безумно влюбился в свою красавицу тетку. По Москве, куда переехал двор, ходили слухи об их бурном романе. Правда это или нет, теперь уже никто сказать не может. Юный Петр отличался ростом и физической крепостью. Под влиянием своих более старших распутных друзей он был уже далеко не новичком в науке страсти нежной. Какое-то время Петра и Елизавету постоянно видели вместе. Оба не могли жить без развлечений, празднеств, охоты. Впрочем, дружба эта продолжалась не так уж долго. У цесаревны появился новый круг знакомств. Она уже вполне сознавала силу своей красоты и не собиралась прятать ее от восхищенных мужских взглядов. Ее признанным фаворитом стал Александр Бутурлин, наследник древнего боярского рода, красавец огромного роста. Слухи об их кутежах в вотчине цесаревны, Александровской слободе, шокировали министров Петра II, и Бутурлина быстро отправили на Украину.

При дворе у Елизаветы было совсем немного приверженцев, поэтому после безвременной кончины Петра II имя ее среди претендентов на престол практически не упоминалось.

На трон взошла двоюродная сестра Елизаветы, Анна Иоанновна. Ее царствование, длившееся десять лет,

было для цесаревны временем не особенно приятным. Правда, она имела собственный дворец, вотчины и приличное денежное содержание, но прежнего положения избалованной дочки-красавицы, чьи капризы становились законом, уже не было. Кузина ее недолюбливала и в определенной степени опасалась — в конце кон-

Семен Нарышкин

цов, в жилах этой легкомысленной девицы текла кровь великого Петра. Разумно было бы пристроить ее замуж за какого-нибудь иностранного принца. Целая вереница таких претендентов — принц Георг Английский, инфант Мануэль Португальский, инфант дон Карлос Испанский, герцог Эрнст Людвиг Брауншвейгский пытались счастья. Присылал сва-

тов и иранский шах Надир. Увы, все эти кандидатуры не устраивали Анну Иоанновну. Ей отнюдь не улыбалось видеть, как в Лондоне, Мадриде или другой европейской столице подрастает юный принц, который позднее сможет претендовать на русский престол. Да и не факт, что сама Елизавета согласилась бы променять Санкт-Петербург на другую столицу. Пути Господни неисповедимы, и, возможно, уже тогда дочь Петра мечтала взойти на трон, которым некогда владели ее отец и мать. Пока же она искала и находила отдохновение и наслаждение в объятиях фаворитов, которых меняла как перчатки. Впрочем, некоторым удавалось занимать это место близ цесаревны достаточно долго. К таким счастливицам относились Карл Сиверс, Семен Нарышкин и особенно Алексей Шубин. К последнему Елизавета была, в отличие от всех предыдущих любовников, по-настоящему привязана. Но красавец-офицер как-то имел неосторожность во всеуслышание заявить, что трон по праву должен принадлежать дочери Петра Великого, а не ее родственнице. Анна Иоанновна, опасавшаяся заговора гвардейцев в пользу Елизаветы, приказала арестовать Шубина. Он был посажен в каменный мешок, а затем сослан на Камчатку. Елизавета очень тяжело переживала разлуку и одно время даже собиралась удалиться в монастырь. Шубин пробыл на Камчатке десять лет. Указ о его освобождении Елизавета подписала в 1742 году,

сразу после своего восшествия на престол. Алексей вернулся в Санкт-Петербург, был ласково встречен, пожалован высокими чинами, но ... Десять лет — немалый срок, особенно, если речь идет о молодой красивой женщине, к тому же обладавшей почти неограниченными возможностями для удовлетворения своих прихотей и капризов. Место Шубина в сердце Елизаветы Петровны уже прочно занимал другой человек, которому суждено было сыграть в ее жизни совершенно особую роль.

В начале января 1731 года полковник Федор Степанович Вишневецкий, отправленный императрицей Анной Иоанновной в Венгрию для приобретения любимого ею токайского вина (к нему, кстати, была равнодушна и цесаревна Елизавета), возвращался в столицу через Малороссию. Проезжая Чернигов, он остановился у церкви небольшого села Чемары и решил посетить воскресную службу. Слушая хор, Вишневецкий был поражен изумительно красивым и мощным басом одного из певчих, который, казалось, колебал лампы, висевшие под потолком старенького храма. Как оказалось, этот голос принадлежал двадцатидвухлетнему Алексею Розуму, жителю соседней деревни Лемеши. Наведя справки, полковник узнал, что отец Алексея, Григорий Яковлевич Розум, — реестровый казак Киевского Вышгород-Козельца полка. В свое время он участвовал в ряде походов и неплохо проявил себя.

Однако в крестьянском труде большим трудолюбием он не отличался и слыл в деревне горьким пьяницей. Во всяком случае, он не только не мог обеспечить свою довольно большую семью (кроме Алексея у него было еще двое сыновей и три дочери), но и пропивал в местных шинках все, что тяжелым трудом зарабатывала его жена Наталья Демьяновна.

Алексей родился в Лемешах 17 марта 1709 года. Мальчиком он пас общественное стадо, но находил время бегать в Чемары к местному дьячку, который обучал его грамоте

голосистых украинских певчих. Вскоре Алексей Розум оказался в столице. Вишневский представил его обер-гофмаршалу, графу Левенвольду, который устроил юношу в императорскую капеллу.

История возвышения молодого казака в разных источниках излагается по-разному. Согласно первой версии, Алексея Розума заметила Анастасия Нарышкина и сделала своим любовником. Как-то Елизавета увидела свою приятельницу, возвращавшуюся после свидания со своим возлюбленным. Выглядела

А

лексей Разумовский, «друг нелицемерный», как его называла царственная подруга, со временем превратился в одного из самых влиятельных людей России. Фавор его длился больше восемнадцати лет, но и потом он не потерял любви и доверия императрицы, ценившей его беспредельную преданность

и пению. Говорят, что однажды пьяный отец, разозленный тем, что сын бросил скотину на произвол судьбы, запустил ему в голову топор. Впрочем, к тому времени, когда полковник Вишневский заехал в Чемары, старого казака уже не было в живых. Молодой певчий сразу же понравился полковнику своей скромностью, природным умом и тактом, прекрасной внешностью. Вишневский без труда соблазнил молодого человека и его мать перспективой службы в придворной капелле, где весьма ценили

она такой утомленной и в то же время такой довольной и счастливой, что это возбудило любопытство цесаревны. Нарышкина не скрыла от нее ничего — и Елизавета тут же распорядилась привести к ней этого «жестокосердного человека».

Согласно второй версии, цесаревна сама увидела Разумовского в придворной капелле. Она была настолько поражена его удивительным голосом и не менее впечатляющей внешностью, что сразу же приблизила его к себе. Разумовский действи-

тельно был необычайно хорош — высокого роста, широкоплечий, статный и гибкий, с живыми черными глазами и тонкими чертами лица. Правда, вскоре из-за простуды он потерял свой дивный голос и должен был довольствоваться ролью банду-

Петр II

риста. Однако прошло совсем немного времени, и он переселился во дворец, в апартаменты, смежные с покоями Елизаветы. Теперь он именовался Алексеем Григорьевичем Разумовским и управлял именными цесаревны, которая души в нем не чаяла. При дворе он получил прозвище «ночного императора». Только в его объятиях Елизавета Петровна чувствовала себя сразу «и служанкой, и госпожой».

Десять лет пролетело в нескончаемых празднествах, гуляниях, охотничьих забавах. Между тем ситуация в Санкт-Петербурге изменилась. В 1740 году скончалась императрица Анна Иоанновна. К власти пришли представители Брауншвейгской династии. На трон был возведен годовалый Иван Антонович, правнук брата Петра I Ивана, а правительницей при нем, согласно завещанию почившей в бозе императрицы, была объявлена ее племянница, Анна Леопольдовна. Елизавета решила, что настало ее время. В качестве инструмента захвата власти она решила использовать гвардию, созданную ее отцом, то есть Преображенский гвардейский полк.

В глазах гвардейцев Елизавета была единственным человеком, в чьих жилах текла кровь великого Петра, которого они боготворили. Ведь многие начинали службу еще при нем. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года в сопровождении трех своих ближайших сторонников Елизавета явилась в казармы преображенцев, а оттуда во главе трехсот гвардейцев двинулась к Зимнему дворцу. Бескровный мятеж увенчался полным успехом.

Среди сподвижников Елизаветы Петровны, участвовавших в перевороте, Разумовского не было. И не из-за отсутствия смелости. Трусом Алексей Григорьевич никогда не был. Просто он полагал, что захват власти — дело военных и политиков, а себя он к таковым не причислял. Тем не менее, во время «консилиу-

ма», который Елизавета провела накануне переворота, он поддержал решительные действия, стараясь вдохнуть в любимую мужество. Ну а в день коронации уже нес шлейф новой государыни и вскоре был пожалован чином обер-егермейстера и высшей наградой империи — орденом Святого Андрея Первозванного. Почести и пожалования сыпались на него дождем. Он получил ряд богатых имений, деревень и сел в России и на Украине. Его царственная возлюбленная пожелала, чтобы родные фаворита разделили с ним почести, и Наталья Демьяновна была приглашена в Москву. Двор тогда на время переехал в старую столицу. Существует легенда, что Разумовский встретил мать в нескольких десятках верст от Москвы, и та поначалу не узнала в холеном вельможе, роскошный костюм которого был украшен бриллиантами и другими драгоценными камнями, своего сына. И тогда Алексей Григорьевич, нисколько не смущаясь своей свиты, разоблачился и показал матушке родимое пятно, о котором могла знать только она, да еще, быть может, Елизавета. Прибывшую во дворец женщину одели по последней моде, напудрили, нарумянили, причесали. Отправившись на аудиенцию к государыне, она бросилась на колени перед первым же попавшимся ей зеркалом, приняв за императрицу собственное отражение. Елизавета встретила ее самым сердечным образом: *«Благословенно чрево твое!»* — воскликнула

она в порыве чувств. Окруженная любовью сына и обласканная императрицей, Наталья Демьяновна вполне освоилась в Москве, однако довольно скоро заскучала и попросила разрешения вернуться в Лемешу. Там на деньги, присыла-

Алексей Шубин

емые сыном, она приобрела шинок и открыла бойкую торговлю.

Чем больше росло влияние Разумовского на Елизавету, тем реже он желал вмешиваться в политику. Но это не только не вредило ему, а, наоборот, усиливало доверие царственной любовницы. Недаром она и в глаза, и за глаза называла Алексея Григорьевича «друг нелицемерный». Да и зачем ему было вмешиваться в дела управления? Как

информировал в 1747 году свое правительство саксонский посланник Педольд: *«Хотя он прямо и не вмешивается в государственные дела, к которым не имеет ни влечения, ни талантов, однако каждый может быть уверен в достижении того, что хочет, лишь бы Разумовский замолвил слово».*

Педольд был совершенно прав, говоря о том, что Разумовский не имеет ни таланта, ни влечения к делам государственным. Сам фаворит хорошо понимал ограниченность своих спо-

власть всегда была у него под рукой, и он всегда мог воспользоваться ею по своему усмотрению. К примеру, пришла ему фантазия стать графом Великой Римской империи германской нации, и тут же австрийский император подписал грамоту, возводящую его в это высокое достоинство. При этом Алексей Григорьевич не без удивления узнал, что, оказывается, является потомком шляхетского княжеского рода, и даже ознакомился с генеалогическим древом, составленным ученым монахом.

А

лексей Розум, молодой малороссийский казак, теперь, перебравшись во дворец, именовался Алексеем Григорьевичем Разумовским и управлял именными цесаревны, которая души в нем не чаяла. При дворе он получил прозвище «ночного императора». Только в его объятиях Елизавета Петровна чувствовала себя одновременно «и служанкой, и госпожой»

собностей. После того как Елизавета произвела его в генерал-фельд-маршалы, он сказал: *«Лиза, ты можешь сделать из меня что хочешь, но ты никогда не заставишь других считаться со мной серьезно, хотя бы как с простым поручиком».*

Алексей Григорьевич не был честолюбив и не рвался к должностям и званиям, его, пожалуй, можно назвать едва ли не самым безобидным из длинного списка фаворитов российских императриц. Ну а власть ...

К чести его следует сказать, что ему хватило природного юмора первым высмеять эту выдумку. Он не забывал своего скромного происхождения и не стыдился его.

Нрава Разумовский был добродушного и беспечного, любил застолье и дружеские пирушки. Он ввел моду при дворе на малороссийские блюда. Наваристые борщи, галушки и прочая вкусная и жирная снедь заполняли столы во время банкетов. В своем Аничковом дворце, постро-

енном Растрелли и подаренном ему императрицей, Разумовский давал роскошные обеды. Нередко на них присутствовала Елизавета Петровна. Однако далеко не все разделяли гастрономические вкусы фаворита. Некоторые иностранные дипломаты жаловались, что испортили там свое здоровье, вынужденные есть без меры, да еще «яства, которые и переварить-то было невозможно».

Гостей своих граф Разумовский развлекал, как мог. Сам он игру в карты не любил, относясь равнодушно к выигрышу, но держал банк, чтобы доставить удовольствие гостям. Причем те безбожно мошенничали во время игры, либо просто набивали карманы золотом, грудой лежащим на столах. Один из очевидцев уверял, что видел, как некий аристократ наполнил свою шляпу золотыми монетами и затем передал ее лакею, ожидавшему в передней. Особенно ревностно и беззастенчиво занимались этим женщины.

Алексей Григорьевич был бы образцовым фаворитом и придворным, если бы не его пристрастие к горячительным напиткам. Тогда в него словно вселялся дух его отца, драчуна и пьяницы Розума. Он утрачивал свое добродушие и мягкий юмор и бывал, как деликатно выразился один его современник, «весьма неспокоен», а, попросту говоря, раздавал тумаки всем, кто попадался ему под горячую руку. Больше всего почему-то от него доставалось графу Петру Шувалову. Получив приглашение, будущий

фельдмаршал никак не мог отказаться, хотя заранее знал, чем все закончится. Его супруга, Мавра Егоровна, проводив мужа на охоту, ставила свечи, а по возвращении его служила молебен, если дело обходилось без кулачной или палочной расправы. Зная этот грех, водившийся за ее любимым, Елизавета приказывала «присматривать за ним», но это не очень-то помогало.

Императрица и Разумовский, не скрываясь, часто появлялись на людях и производили впечатление очень счастливой пары. Знаки внимания, которые Елизавета оказывала своему фавориту, порой носили трогательный характер. Очевидцы отмечали, с какой заботой, выходя из театра в трескучий мороз, она застегивала любимому шубу, чтобы он не простудился. Одному ему на званых обедах и приемах разрешалось вкушать рыбные блюда, в то время как сама государыня и весь двор держали строжайший пост. В более поздние годы Разумовский довольно часто страдал от приступов подагры, и ему было нелегко подняться с кресла. Тогда императрица отменяла самые важные приемы и встречи, предпочитая составить ему компанию.

Подобные истории можно было слышать в салонах петербургской и московской знати. Простой люд, однако, не любил фаворита императрицы, как в свое время терпеть не мог любимца Петра Меншикова. И это притом, что последний отли-

чался патологической жадностью, тогда как Разумовский все-таки соблюдал какую-то меру. Алексею Григорьевичу ставили в вину «блуд, который он творил с государыней». В питейных домах, не стесняясь в выражениях, рассказывали «подробности» отношений двух самых известных лиц империи. За такие разговоры можно было угодить в Тайную канцелярию. Чаще всего, это были сплетни и всякие домыслы. Но порой в Тайную канцелярию попадали за слишком длинный язык и люди, находившиеся в прямом служении у Разумовского и самой Елизаветы, а уж они-то многое видели собственными глазами.

Возможно, сплетни о «блуде», который творился во дворцах императрицы и ее фаворита, поутихли бы, знай подданные о том, что случилось осенью 1742 года в подмосковном селе Перово. А произошло там, ни больше, ни меньше, как бракосочетание Елизаветы Петровны с Разумовским. Судя по всему, церковного оформления этого брака желала сама императрица, которая была весьма набожна.

Возможно, ее тяготило то, что отношения с Разумовским много лет оставались незаконными, «блудными». Религиозностью отличался и сам фаворит. Скорее всего, немалую роль здесь сыграло и влияние духовника императрицы, отца Федора Дубянского. Он, по-видимому, и венчал императрицу с Разумовским. Факт венчания в настоящее время счита-

ется неоспоримым, хотя документ, подтверждающий брак, так и не найден. Весьма осведомленные современники уже в то время были уверены в том, что императрица вышла замуж за Разумовского. В 1747 году французский посланник д'Аллион, собрав сведения по поручению Версальского кабинета, сообщил, что брак считается достоверным. Он полагал также, что Елизавета позднее объявит всенародно об этом браке и разделит царский венец со своим супругом, но это предположение не осуществилось. Зато с тех пор государыня особенно полюбила Перово. Она одарила церковь дорогой утварью, богатыми ризами, шитыми золотом и жемчугом собственной ее работы. Над крестами церкви были поставлены вызолоченные короны. Елизавета построила здесь великолепный дворец, разбила прекрасный парк и подарила все это Разумовскому.

История о браке императрицы с Разумовским имела свое продолжение несколько десятилетий спустя. Елизаветы Петровны уже не было на свете, а Разумовский спокойно доживал свой век в Москве. На троне восседала Екатерина II. По ее поручению к Алексею Григорьевичу и прибыл из Петербурга генерал-прокурор Сената, князь А.А. Вяземский. Екатерина II просила Разумовского подтвердить или опровергнуть факт его тайного брака с Елизаветой Петровной. Дело в том, что фаворит Екатерины II, Григорий Орлов, настаивал на

*Алексей
Григорьевич
Разумовский*

браке с нею и в качестве прецедента ссылался на слухи о браке Разумовского с покойной государыней. В ответ на просьбу императрицы

Алексей Григорьевич достал из заветной шкатулки грамоту с печатями, дал прочесть ее генерал-прокурору, затем поцеловал и, к величайшему

удивлению Вяземского, кинул в горящий камин. Опытный царедворец, он понимал, если бы императрица по-настоящему желала этого брака, она вряд ли обратилась

Иван Шувалов

бы к нему с подобной просьбой. Грамота больше не существовала, а с нею исчез и прецедент брака самодержавной российской властительницы с одним из ее подданных.

Связь Разумовского с Елизаветой Петровной продолжалась почти двадцать лет. Еще при их жизни по стране гуляло немало слухов об их общих детях. Слухи эти, однако, носят настолько смутный, неопределенный и противоречивый характер, что невозможно достоверно под-

твердить или опровергнуть факт существования этих детей.

Кстати сказать, одной из подобных легенд уже в царствование Екатерины II воспользовалась некая самозванка, получившая известность как княжна Тараканова.

Императрицу и Разумовского связывало сильное чувство. Однако, если Алексей Григорьевич всю жизнь был верен своей государыне, то любовные интрижки Елизаветы были не таким уж редким делом. С годами императрице все труднее было отказываться от погони за новыми ощущениями. Порой она, ничуть не смущаясь, делила свое расположение сразу между несколькими воздыхателями. Партнеры на одну ночь создавали ей иллюзию возвращения молодости. Для недолгого счастья ей хватало статной плечистой фигуры, изящной походки, бархатного ласкающего голоса, а иногда и просто ловко закрученного комплимента. Правда, от сближения со счастливым избранником императрицу мог отвратить исходящий от него табачный или чесночный дух, а то и запах яблок, который она тоже терпеть не могла.

К концу сороковых годов многолетний брак с Разумовским дал окончательную трещину. Осенью 1749 года государыне был представлен молодой Иван Шувалов и время «друга нелицемерного» Алеши безвозвратно ушло в прошлое. Надо сказать, что в этой ситуации Разумовский повел себя в высшей степени достойно. Иван Шувалов был на ред-

кость образованным и культурным человеком. Он отлично знал французскую литературу, вел переписку с самим Вольтером. Елизавете, совершенно равнодушной к литературе, импонировала образованность молодого любовника. Но что удивительно, энциклопедические знания нового фаворита, как, впрочем, и его спокойный доброжелательный характер, завоевали уважение и самого Разумовского. Он мудро и спокойно смирился с тем, что Шувалов заменил его в алькове и сердце императрицы. Впрочем, ее расположение к бывше-

Алексей Григорьевич отправил во Францию и Германию. Тот проучился в европейских университетах три года и возвратился в Россию весьма образованным человеком. В высшем петербургском обществе он вскоре заслужил репутацию щеголя и бонвивана. Императрица оценила острый ум и такт младшего Разумовского и весной 1747 года именным указом назначила его президентом Петербургской Академии наук. Эту должность он занимал почти пятьдесят лет и, как считают специалисты, был далеко не худшим в ряду

После того как государыне был представлен молодой Иван Шувалов, время «друга нелицемерного» закончилось. Но и в этой ситуации Разумовский повел себя в высшей степени достойно. Он мудро и спокойно смирился с тем, что Шувалов заменил его в алькове и сердце императрицы

му фавориту оставалось неизменным до самой ее кончины.

Всю свою жизнь Алексей Григорьевич с трогательной нежностью относился к своим родным. Он ни в чем не отказывал матери и сестрам, пестовал своего младшего брата Кирилла. Сам он не отличался образованностью, тем не менее, ценил знания и стремился вооружить ими брата, справедливо полагая, что это поможет ему сделать карьеру. Пятнадцатилетнего Кирилла, получившего домашнее образование,

людей, занимавших этот пост. Мало того, именно Кириллу Григорьевичу Елизавета весной 1751 года вручила золотую с драгоценными камнями булаву украинского гетмана.

Что же касается Алексея Григорьевича, то он пережил императрицу на десять лет и все эти годы, удалившись от двора, благоговел перед памятью своей венценосной подруги. Скончался Разумовский в Санкт-Петербурге 6 июня 1771 года и был похоронен в Александро-Невской лавре. □

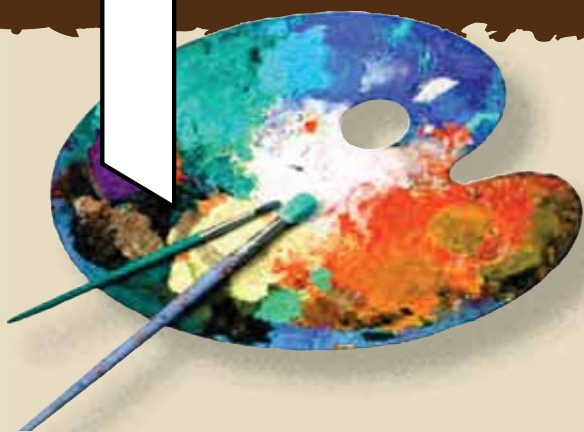

Автопортрет

Ирина Опимах

Открывшаяся 18 мая 1840 года выставка Королевской академии художеств имела огромный успех. И действительно, на ней были представлены замечательные полотна. Авторитетное жюри, отметив высокий — в целом — уровень всех выставленных работ, присудило главную премию творению ныне почти забытого Эдвина Лансира «На страже закона». На ней был изображен очарователь-

Уильям Тернер

ный пудель. Недалеко от этого трогательного полотна висела картина, которая вызывала совершенно противоположные чувства. Критики дружно заклеили ее. «Да это просто какие-то кухонные отбросы, содержимое плевательницы!» — говорили они, не стесняясь в выражениях. Их мнение вполне разделяла и публика, пришедшая на выставку. Столь сильные чувства вызвала картина выдающегося британского художника Уильяма Тернера. Называлась она «Невольничий корабль».

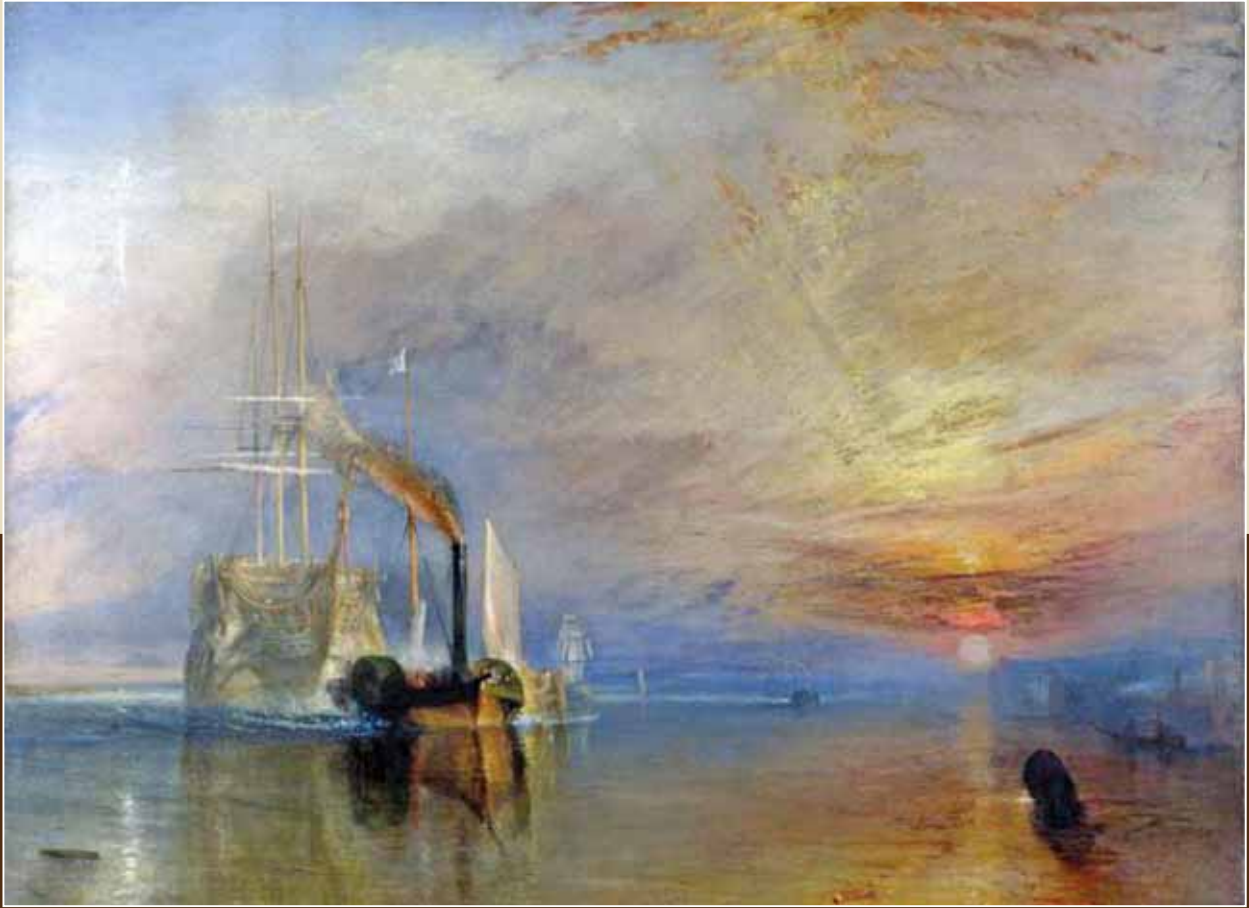
«Невольничий
корабль»

«НЕВОЛЬНИЧЬИЙ КОРАБЛЬ»

Джозеф Меллорд Уильям Тернер родился в 1775 году в Лондоне, в районе Ковент-Гардена. Его отец держал цирюльню и с удовольствием украшал ее стены акварелями, которые рисовал его оказавшийся очень талантливым маленький сын Уильям. Неудивительно, что, когда ему исполнилось 14 лет, его легко приня-

ли в Королевскую академию искусств, причем экзамены у него принимал сам Рейнольдс, президент академии и блестящий живописец. А уже спустя год одна из акварелей Тернера экспонировалась на ежегодной выставке академии. Еще через год он освоил масляные краски, и первая его работа маслом тут же

Последний рейс корабля «Отважный»

была выставлена на очередной выставке академии. С тех пор он стал постоянным участником этих самых важных лондонских выставок.

Уильям с увлечением осваивал тонкости живописи и как все художники Англии, рисовал пейзажи — марины и сельские виды. Постепенно его работы стали известны, картины покупались, появились деньги. Он купил дом в Лондоне с садом, за которым ухаживал его отец, самый близкий друг и лучший ценитель его творчества.

И вообще, Тернер сделал потрясающую карьеру. В 1799 году он

был избран членом-корреспондентом Королевской академии, а когда в 1801 году показал публике картину «Море у Бриджуотера», его стали сравнивать с самим Рембрандтом. В возрасте 27 лет он был избран действительным членом Королевской академии искусств, а еще через четыре года утвержден в должности профессора перспективы. И хотя лектор из него был неважный, говорил он скучно и не очень понятно, студенты его любили за преданность искусству и готовность поделиться с ними всем, что умел он сам.

Уильям никогда не умел быть приятным в обществе. Сестра одного живописца, познакомившаяся с Тернером в Шотландии, рассказывала своей приятельнице: *«Мы были поражены холодностью его манер. Мы собирались устроить веселый вечер по поводу его приезда, но, обнаружив, что он такой бирюк, сочли, что удовольствие показать его нашим друзьям не стоит хлопот и расходов»*. Но в кругу людей родных, близких по духу, он раскрывался, умел быть интересным собеседником, и хотя выговор его был простецкий, близкий к кокни, который он слышал в детстве в цирюльне отца, он всегда умел выразить в словах то, что его волновало и занимало. Вот почему Джон Рескин, выдающийся английский историк искусства, познакомившийся с Тернером в 1840 году и ставший его преданным почитателем, отмечал в своем дневнике: *«Все описывали мне Тернера как человека грубого, неучтывого, невежественного, вульгарного. ...Я же нашел в нем несколько эксцентричного, с резкими манерами, сухого... джентльмена: очевидно, добродушного, очевидно, раздражительного, ненавидящего уловки всех мастей, пронизательно-го, в высшей степени неглупого...»*

Тернер всегда любил путешествовать. Любимым его городом стала Венеция. Он вдохновенно рисовал Большой канал, мостики и дворцы прекрасного города, где жизнь и смерть, расцвет и увядание были так рядом, так близко. Он побывал также и во Франции, Голландии, Бель-

гии и Швейцарии, откуда неизменно привозил многочисленные акварели. А потом уже в его мастерской рождались и большие картины маслом.

Англичанам пришлось по вкусу его мирные, задумчивые пейзажи, на которых была их родина, с ее негромкими красками, романтическими развалинами, живописными ландшафтами, или же пейзажи других стран — иногда грустные, меланхолические, но всегда очень красивые... Но был и другой, менее известный публике Тернер — художник, обуреваемый страстями, эмоциональный, порывистый, чувственный. Когда в его жизнь вошла Сара Домби, вдова его друга, он написал несколько чудесных, очень откровенных, полных эротизма картин. А потом, начав задумываться о судьбах страны, о человеческих трагедиях, которых было так много и в его жизни, и в жизни всего человечества, он стал писать большие полотна на исторические темы, полотна, на которых рассказывал о штормах и грозах, о гибели судов и людей, о страшных природных катаклизмах. Что он при этом думал? Может, вспоминал о безумной матери, закончившей свои дни в сумасшедшем доме, о том, как приходил к ней в этот страшный мир безумцев, или, пытаясь анализировать свои слова и поступки, боялся найти и в себе черты безумия? А может, в его душе оживали образы его несчастных соплеменников, живших в бедных лондонских районах, где правды нет, а есть право сильного?.. Не все современники

были способны оценить и понять то, что он хотел сказать. Не всегда понятен был и язык его живописи — тут он во многом предвосхитил импрессионистов. Не всегда понимали и темы его произведений...

Среди друзей Тернера тогда много говорили о рабстве. Работоторговля была важнейшей статьей дохода Великобритании. В конце 1830-х годов рабский труд в стране был запрещен, но в испаноязычных колониях и в США рабство процветало. Это было постыдно. Трагические судьбы несчастных, бесправных людей волновали поэтов, писателей, художников. И Тернер решил написать картину на эту тему. Сюжетом стала трагедия, ставшая одной из самых позорных страниц в истории его родины.

Пятого марта 1781 года из ливерпульской гавани в далекое плавание отправился трехмачтовый парусник «Зонг». Он, как и несколько других судов, принадлежал группе ливерпульских купцов, которым руководили вполне почтенные и уважаемые граждане этого славного города — братья Уильям, Джон и Джеймс Грегсоны. Основатель компании Уильям Грегсон, практичный, деловой человек, но при этом известный в городе благотворитель, пользовался уважением у ливерпульцев и даже дважды избирался мэром.

Суда компании совершали так называемые «треугольные рейсы». Сначала британские товары доставлялись в Африку, где их обменивали на местный груз. Затем этот груз — через Атлантический оке-

ан — плыл в Южную Америку (как правило, к островам Ямайка или Барбадос), чтобы на доходы от его продажи закупить там хлопок, сахар и ром. И вот, наконец, наступал третий этап — возвращение в Англию, в родные порты. Казалось бы, в этой схеме ничего не было дурного. Но только вот в Африке трюмы кораблей заполнялись «черным деревом» — неграми, которых везли на продажу в Америку...

Каждый такой «треугольный рейс» приносил до 600 процентов прибыли! Выгода была колоссальная, а потому корабли должны были быть надежными, способными выдерживать любые шторма, а капитанами могли стать только самые опытные, самые крепкие люди. И «Зонг», и его капитан Люк Коллингвуд вполне отвечали этим требованиям. Один такой «треугольный рейс» они уже совершили, причем всего за четыре месяца! Этот рекорд был достигнут благодаря великолепным качествам судна, опыту капитана, а еще благодаря организаторским талантам его старшего помощника Джеймса Кепсала.

И вот «Зонг» отправился в свое второе «треугольное плавание». Приплыв в Африку, они благополучно выгрузили 380 тонн текстиля, оружия, посуды, виски и прочих товаров, а взамен загрузили трюмы «черным деревом» и отплыли, держа курс на Ямайку, где был в те времена главный перевалочный пункт для такого рода товара и невольничьи рынки. (Страшно представить — общее число африканцев, отправ-

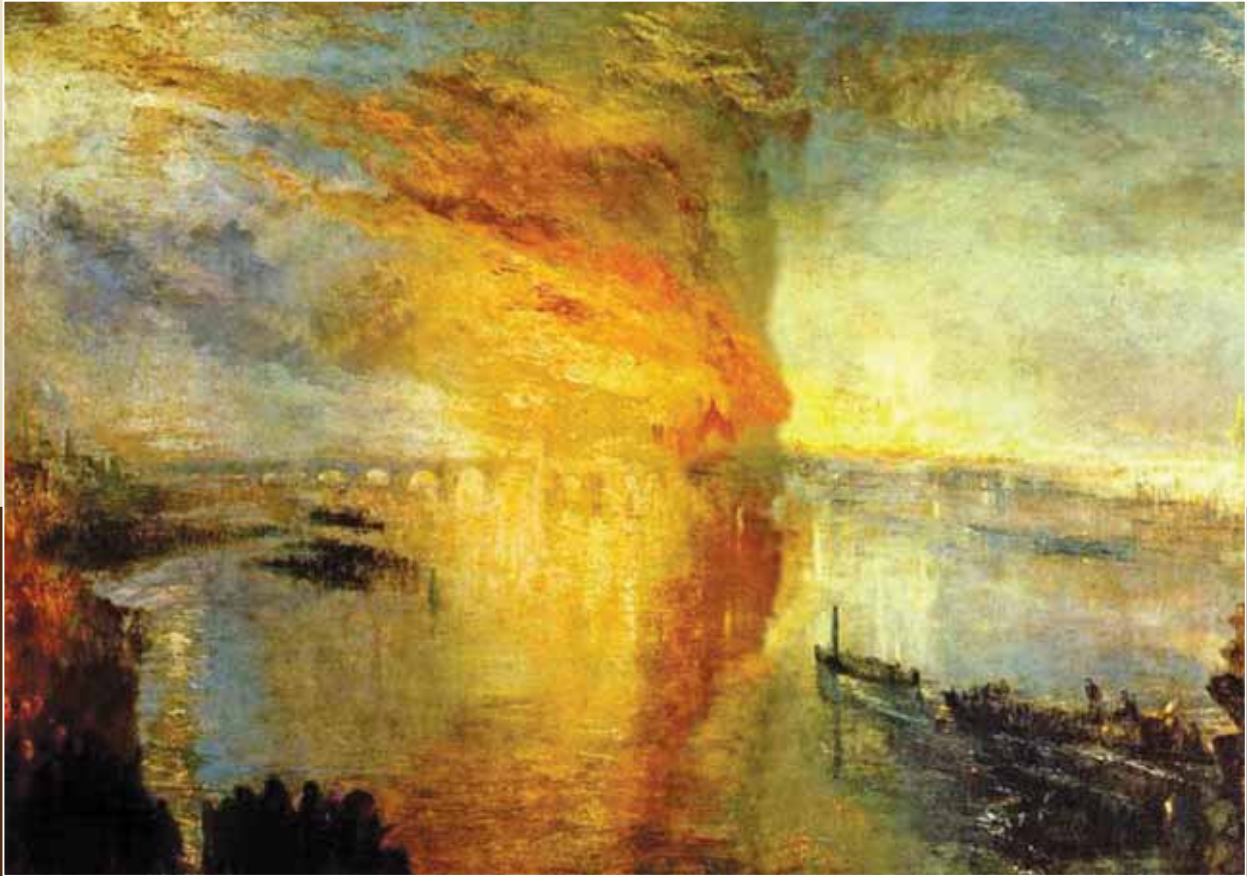
Море у Бриджуотера

ленных в оковах за океан, к началу XIX века, насчитывало, по мнению одних историков, около 10 миллионов, а по мнению других — 30 миллионов!)

И тут Коллингвуду удача изменила — резко испортилась погода, ураганные ветры не давали бригу плыть в нужном направлении. Капитан не волновался за судно — «Зонгу» никакая буря была не опасна, но плавание явно получалось более длительным, чем рассчитывал капитан, и могло не хватить запасов пресной воды. Обычно они брали на борт около 230–250 чело-

век, но в этот раз трюмы были забиты под завязку драгоценным «черным деревом». Всего там мучились в страшной тесноте и в оковах 440 несчастных африканцев. (Англичане оказались на Западноафриканском побережье во время очередной межплеменной войны, и вождь победившего племени продал капитану пленников за сущие гроши — пенсовые бусы, ткани, топоры и другие дешевые товары.)

Через семь недель, после «естественной утряски и усушки», пассажиров стало на 60 меньше. А потом началась дизентерия. Это была

Пожар в лондонском Парламенте

настоящая беда. Прежде всего, больного негра не продашь, к тому же дизентерия не щадила никого — вскоре ее жертвами стали три матроса, которым приходилось спускаться в трюм, чтобы дать воду и какую-то еду неграм. Позже заболели еще четверо. И тогда капитан принял решение: выбросить в море всех тяжело больных африканцев. Отдавая приказ, он объяснил Кепсалу: убытки, понесенные из-за порчи товара на борту судна, страховке не подлежали, зато гибель товара в море будет возмещена полностью. Он хорошо знал законы, этот бравый капитан Коллингвуд.

Джеймс Келсал выполнил его приказ без колебаний. Да и кто их считал за людей, этих несчастных, испуганных, не понимающих, что с ними происходит, чернокожих! Матросы вывели на палубу 55 африканцев и сбросили их в бушующие волны Атлантики. Однако это не остановило болезнь, и буквально на следующий день были сброшены в море следующие 42 человека, а через два дня — еще 26 человек. От отчаяния и в знак протеста уже в трюме покончили с собой 10 здоровых африканцев.

Судьба покарала капитана судна: Коллингвуд, очень огорченный смертью 10 здоровых негров, решив про-

верить состояние дорогого товара, спустился в трюм, где сам подхватил инфекцию и умер. О чем он думал в свои последние минуты, этот морской волк, слава английского флота...

И вот, наконец, «Зонг» приплыл на Ямайку. Из 440 негров до невольничьего рынка дожили всего 208 человек. За время плавания погибло более 50% «черного дерева».

После возвращения «Зонга» в Ливерпуль компания Грегсона потребовала от страховой фирмы возмещения убытков. Страховщики стали сопротивляться, усмотрев в деле преднамеренное убийство нескольких десятков человек. Начался судебный процесс. Он широко освещался в прессе. Так мир узнал о страшной трагедии, разыгравшейся в Атлантике. В Англии поднялась мощная волна против рабства, движение абсолюционистов, в котором участвовали лучшие люди нации. Их борьба привела к тому, что 25 марта 1807 года принятый парламентом Билль о запрете торговли «черным деревом» подписал король. Это событие, победа идей свободы и справедливости, с огромной радостью отмечалось во всех городах страны. (Кстати, в США рабство отменили лишь в 1865 году, а в России крепостное право — на четыре года раньше, в 1861-м.)

Впечатленный всеми этими событиями, Тернер и решил написать картину о страшной трагедии, произошедшей на судне «Зонг». Бушующий океан, волны заглатывают свои жертвы, словно акулы. Проклятый

корабль, как корабль-призрак. Из воды торчат руки, ноги, рабы, теряя жизнь, обретают свободу в смерти. И над всем — кровавое солнце, заливающее своим светом всю эту апокалиптическую картину. Но за злодеянием должно следовать возмездие, поэтому на заднем плане — кипящая темная вода, словно рука карающего Бога. А в правом углу картины — кусочек светлого голубого неба — словно надежда, которая, несмотря ни на что, еще теплится в душах человеческих. Надежда на добро и справедливость, на свободу и на жизнь.

Последние годы жизни Тернер провел в Челси — там он жил с миссис Софией Бут, которая оказалась преданным и верным другом. *«Бывало, я прямо чувствую, что он — бог»*, — говорила она одному торговцу картинами. Их соседи называли его адмиралом Бутом — наверное, из-за того, что у него всегда было обветренное лицо, благодаря чему он походил на моряка. Да и одежду его никто не мог называть элегантно и опрятно. Мало кто увидел бы в нем художника. Недаром Делакура, встречавшийся с ним во Франции, заметил, что Тернер похож на фермера. Все внешние атрибуты жизни были ему абсолютно не важны. Он жил своей внутренней, глубокой жизнью, в общем-то, закрытой для людей. Размышлял над важнейшими вопросами человеческого бытия, решал творческие задачи, и в последние годы жизни создал великие полотна, намного опередившие его время...

Выдающийся английский художник Уильям Тернер умер в 1851 году, оставив после себя обширное наследие: более 300 картин маслом, 20 тысяч акварелей и 19 тысяч карандашных рисунков. Все это он завещал лондонской Национальной галерее.

P.S. История «Зонга» закончилась гораздо позже. 28 марта 2007 года Великобритания отмечала 200-летие Билля о запрете работорговли. В это день множество лондонцев, толпившихся вдоль набережной Темзы, увидели, как фрегат «Нортумберленд» торжественно провел копию старинного судна к его последней стоянке — рядом с прославленным крейсером-музеем «Белфаст», верным защитником лендлизированных поставок в СССР в годы Великой Отечественной войны. На палубе «Белфаста» для торжественной церемонии собрались представители лондонской мэрии, члены парламента, глава британской палаты лордов, дипломаты стран ЕС, США и стран Латинской Америки, представители различных африканских землячеств.

Весь мир увидел в телерепортажах, как был взволнован мэр Лондона Кен Ливингстон. Он произнес блестящую речь, которая нашла отклик в душах всех, кто ее слышал. «Готовясь к этому дню, — говорил он, — я задавал себе трудные вопросы. Почти два года лучшие корабели Гринвича трудились над воссозданием точной копии одного из самых зловещих кораблей, какие

когда-либо выходили в море под британским флагом. Надо ли было парламенту выделять на воссоздание страшного призрака такую массу денег налогоплательщиков? Сегодня я убеждаюсь: да, это было необходимо. Необходимо, чтобы мир осознал: нельзя забывать о преступлениях, подобных тому, что связано со зловещим именем этого парусника. Его плавание продолжается, ибо продолжается насильственное принуждение свободных граждан к подневольному труду, снова и снова воскресая на разных континентах и под разными именами. ...И мир по-прежнему нуждается в честных и мужественных людях, противостоящих злу!»

И действительно, рабство по-прежнему существует в жизни сегодняшнего мира. Оно бывает очень разным — и таким, какое было совсем недавно в Америке, и таким, каким было в нацистских лагерях, и таким, какое существует в современных странах третьего мира, где царят нищета и несправедливость. А еще рабство бывает идеологическим, когда подавляется свободная мысль и свободный поступок. Оно, рабство, столь многолико, что не всегда человек даже отдает себе отчет, что он — раб. А потому по-прежнему актуально мощное высказывание английского художника Уильяма Тернера, сделанное им с помощью красок и кисти, — призыв к благородству и добру, воплощенный в грандиозной картине «Невольничий корабль». □

Оксана Кардаш — прима-балерина Московского театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Она обладает яркой индивидуальностью, прекрасной техникой и все свои спектакли проживает на сцене так, что воплощенные ею образы надолго остаются в памяти зрителей. Это и Эсмеральда, и Хозяйка Медной горы, и Одетта-Одиллия, и Китри, и Анна Каренина, и многие другие партии, созданные этой талантливой балериной.

Оксана Кардаш:

«Творческий человек стремится к вечному поиску себя...»

— Оксана, с чего начинался ваш путь в балет?

— Я росла музыкальным ребенком, обладала врожденной гибкостью, и мама отдала меня на подготовительные занятия в хореографическую студию на Воробьевых горах. Мне все давалось легко, и, в итоге, я поступила в академию Натальи Нестеровой, где училась клас-

сическому танцу. Родители никогда не мечтали, чтобы я стала танцовщицей, но однажды, в детстве, я как-то заявила маме, что стану prima-балериной. Сейчас, спустя много лет, думаю, как же тяжело ей было, она возила меня, маленькую девочку, утром на занятия, потом ехала на работу, а вечером забирала домой. И так изо дня в день. В академии Не-

стеровой я училась у прекрасных педагогов: Ирина Евгеньевна Барышникова, Наталья Леонидовна Тришина, Валентина Тихоновна Курская. Барышникова — большой специалист по танцу модерн, возила нас, детей, на фестивали, конкурсы, и этот опыт помог мне в дальнейшем в моей профессии, когда пришло время современной хореографии.

— Артисты балета обладают сильным и твердым характером, вы не исключение?

— Профессия обязывает. Дисциплине и упорному труду учат нас с детства, закалывают наш характер.

— Чем нужно обладать детям, решившим учиться искусству балета?

— Выворотность, шаг, координация, природные данные, хорошие пропорции, музыкальность — это все нужно, чтобы стать танцовщиком, но, прежде всего, у человека должна быть творческая жилка. Можно все хорошо исполнять, обладать прекрасными данными, но не факт, что получится стать ярким артистом балета, если у тебя нет творческих задатков. Создание образа, вживание в роль будет невозможно.

— Вы танцуете главную партию в балете «Татьяна», в постановке балетмейстера Джона Ноймайера. Ноймайер с 1973 года возглавляет труппу Гамбургского балета. Кавалер ор-

дена ФРГ и французских орденов за заслуги в искусстве и литературе. Он, к тому же, — театровед, литературовед... А в начале двадцать первого века этот создатель прекрасных балетов решил обратиться к русской теме и поставил в театре, где вы служите, балет «Чайка», в Мариинском театре балет «Звуки пустых страниц» на музыку Альфреда Шнитке, а в Большом театре балеты «Сон в летнюю ночь» и «Даму с камелиями».

Расскажите, пожалуйста, как работало со знаменитым хореографом современности, с такой яркой личностью в мире искусства?

— Мне очень нравится творчество этого балетмейстера, Ноймайер — абсолютная величина в мире современной хореографии, среди его постановок много балетов сюжетных, драматических, где он придерживается классической литературной традиции: «Чайка» Антона Павловича Чехова, «Дама с камелиями» Дюма-сына, «Трамвай желание» Тенниси Уильямса, «Смерть в Венеции» Томаса Манна. Процесс работы над балетом был очень глубоким и интересным. Ноймайер умеет донести до исполнителя то, что он хочет увидеть. Умеет передать самую суть! В его постановки надо погружаться целиком.

Балет «Татьяна» построен на хореографических эпизодах, где сны

перемешиваются с воспоминаниями, когда предчувствие будущего врывается в реальность. Татьяна Ноймайера — натура поэтическая, обладает прекрасным воображением, прочитав много романов, она живет в созданном ею мире фантазий и мечтаний.

Ноймайер — один из немногих хореографов, кто общается с труппой и все подробно рассказывает, на репетициях он детально разбирает роль каждого артиста, даже самую, казалось бы, незначительную, небольшую, и это очень важно. Он знает абсолютно все о каждом своем персонаже. Я испытываю к нему глубочайшее уважение.

— Недавно прошла премьера балета «Анна Каренина» в по-

становке немецкого хореографа Кристиана Шпука, руководителя балетной труппы Цюриха, на музыку Рахманинова, Лютовского, где вы блестяще исполнили партию Анны... Невозможно не процитировать, как Шпук говорит о труппе вашего театра: «У них русская душа, танцовщики понимают Толстого. Хорошо профессионально подготовлены, сказывается фантастическая русская хореографическая школа...»

— Это была интересная драматургическая работа. В основе балета — классический роман «Анна Каренина». Лев Николаевич Толстой еще в девятнадцатом веке поднял вопрос морали и брака, страсти и любви, что актуально и сегодня.

В нашем современном мире тоже далеко не все люди могут следовать своему сердцу и желаниям. Будучи замужем, имея любимого

сына, Анна полюбила другого человека, и общество отвернулось от нее, во имя любви она теряет все, она обречена...

— Вы танцуете балет «Баядерка» в постановке легендарной балерины Натальи Макаровой, ее редакцию включили в свой репертуар многие театры мира. Впервые «Баядерку» поставил Мариус Петипа в 1877 году, и с того времени этот балет остается одним из самых прекрасных и знаменитых. Все великие балерины танцевали баядерку Никию: Анна Павлова, Матильда

Кшесинская, Галина Уланова... Сама Наталья Макарова является эталонной исполнительницей этой партии. Как вы работали с ней над этим балетом?

— Наталья Романовна — знаменитая балерина, яркая личность. В «Баядерке» я танцевала сначала Гамзатти, потом Никию. Никия мне интересней и ближе, это очень кра-

сивая партия. Работа над «Баядеркой» проходила сложно, в день я репетировала по несколько разных партий, что непросто. Наталья Макарова умеет убедить артиста в том, что он может сделать еще больше, поднять планку выше и выше. Перед отъездом она подарила мне свою книгу с дарственной надписью: «Ты доказала, что можешь».

Встреча с таким человеком — всегда событие, конечно, я бы хотела с ней еще поработать.

— Кто является вашим педагогом в театре?

— Маргарита Сергеевна Дроздова, прекрасная балерина, народная артистка СССР, известный балетный педагог, с 2005 года мы работаем вместе, и я ей за все очень благодарна. Ценно, что она всегда дает шанс артисту открыться самому, я никогда не чувствовала давления с ее стороны.

Когда артист раскрепощен, не зажат — это важно.

— Какие качества вы цените в артисте?

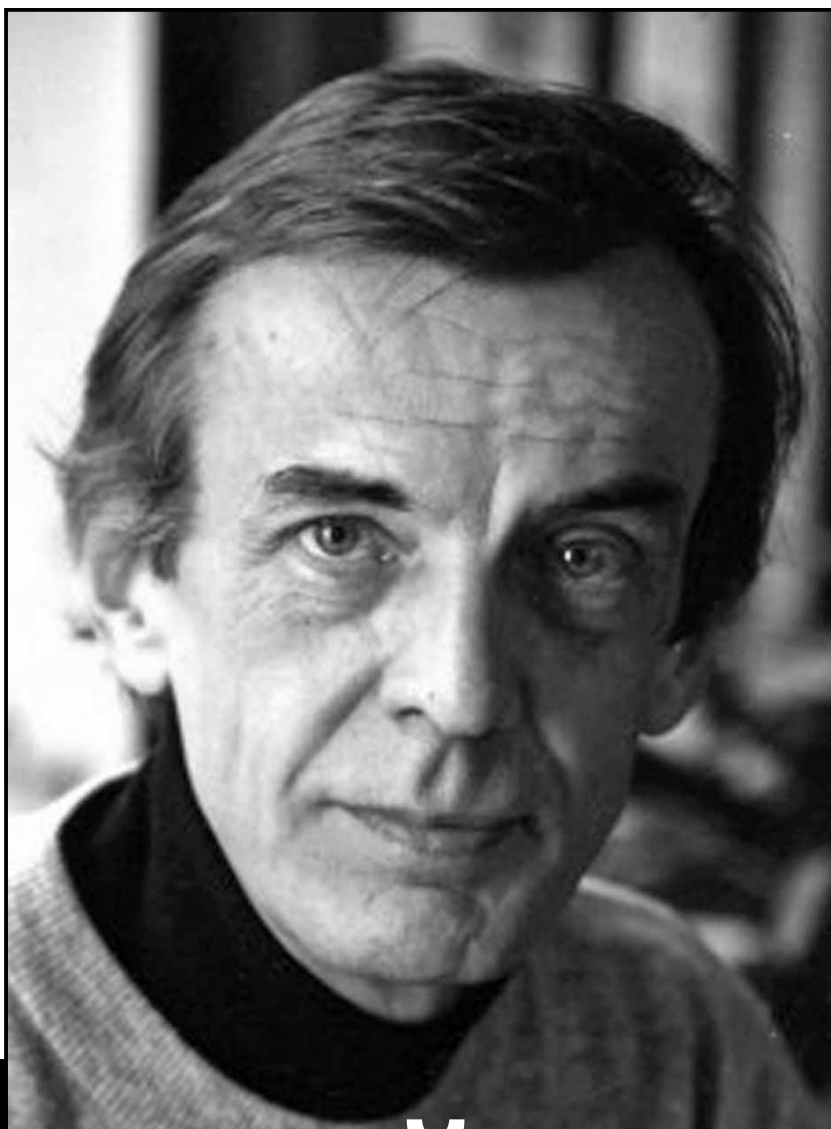
— Индивидуальность. Духовность. Неуспокоенность.

— К чему должен стремиться творческий человек?

— К вечному поиску себя, к постоянному развитию. Всегда нужно стремиться к чему-то большему... □

Беседовала Елена Воробьева

Когда уходит из жизни кто-то из великих, правило: «О мертвых или хорошо, или ничего» — часто не работает. Начинают всплывать грязные сплетни, внебрачные дети, бывшие возлюбленные... Но есть люди, которые прожили свою жизнь так, что про них просто невозможно ничего «накопать». И не потому, что они старались прожить свою жизнь праведно, а по той причине, что кроме искусства, кроме служения профессии

Георгий Тараторкин:

Евгения
Белогорцева

их практически ничего не интересовало. Таким был и Георгий Тараторкин, ушедший от нас совсем недавно — в феврале 2017 года.

*«Не играть,
а проживать
судьбу...»*

Он родился в год Победы — в январе 1945-го. Уже в семь лет мальчик лишился отца, умершего от тяжелой болезни, и мать была вынуждена растить Георгия и его младшую сестру Веру самостоятельно. Для нее было важно не только одеть-обуть детей, но и купить билет в Мариинский театр — пусть на самую дальнюю галерку, пусть на деньги, взятые в долг у коллег... Но Мариинка должна быть!

Когда не стало мужа, ей было всего тридцать. Георгий Георгиевич вспоминал потом: *«Я помню, как мне открылось, что мама осталась одна с нами — со мной и сестренкой, когда ей было 30 лет. А я уже понимал, что 30 лет — это так мало. Это просто начало начал. В ее жизни больше не было мужчин, никаких так называемых "потенциальных пап", она посвятила ее нам, детям, и, отдав все, в возрасте пятидесяти лет уснула как-то и... не проснулась».*

Правда, она успела увидеть первый — и, наверное, главный — успех сына, побывав на премьере фильма Льва Кулиджанова «Преступление и наказание», где он гениально сыграл Родиона Раскольникова.

Но до этого было еще далеко. А пока, после школы, в 1963 году, Тараторкин устроился на работу в ленинградский ТЮЗ. Но отнюдь не актером. Он вообще не мечтал пойти по этой стезе. То готовился стать учителем, то думал о том, чтобы стать художником — ему нравилось рисовать. Но что-то не складывалось,

а зарабатывать было нужно. И он стал работать в ТЮЗе — электриком и осветителем.

Именно там, в театре, судьба сама вышла к нему навстречу — в лице человека, который, важно шествуя по коридору, обратился к Георгию: *«Вы документы в студию отнесли?»* «Нет», — ответил он. *«Надо отнести».* В этот год как раз шел набор в студию при ленинградском ТЮЗе, а человеком, который встретился молодому осветителю, был Александр Маркович Рачковский, заведовавший набором.

Потом произошло еще одно вмешательство судьбы в лице Зезя — так студенты называли своего любимого преподавателя Зиновия Яковлевича Корогодского. Именно он вписал фамилию Тараторкина в список принятых в студенты ТЮЗа. Коллеги спрашивали его: *«А это вам зачем?»* И Корогодский отвечал: *«Посмотрим! Какой-то странный мальчик».*

Мальчик, как потом выяснилось, полностью оправдал надежды учителя. Уже через год после начала учебы «мальчику» было позволено выйти на сцену ТЮЗа в спектакле *«Тебе посвящается...»*

По окончании студии, в 1968 году, он серьезно заболел и попал в больницу, у него даже отнялись ноги. А спустя три месяца его — исхудавшего и бледного — нашел на больничной койке Лев Кулиджанов. И увидел в нем «своего» Раскольникова.

Съемки длились два года. Сам Георгий Георгиевич вспоминал об этом так: *«Это были на протяжении*

*К/ф
«Преступле-
ние и наказа-
ние». Роль
Родиона
Раскольников*

двух лет иные отношения с миром, потому что я старался ни на миг не расставаться с миром Родиона Романовича, с миром его мучений, открытий, отчаяния, неприятия мира... Два года жизни были связаны с этим удивительным человеком, режиссером замечательным, с его домом, с Натальей Анатольевной, его женой, с Сашкой и Сережкой — сыновьями. У меня даже было ощущение, что на эти два года я стал для них еще одним сыном. Такие отношения они мне подарили».

Тараторкин славился тем, что никогда не «играл». Он каждую судьбу пропускал через себя и проживал как собственную — на сцене или в кадре. И так каждый раз, выходя на сцену или на съемочную

площадку. Это требовало таких душевных затрат, что порой ни на что другое не оставалось сил. И два года он «жил» Раскольниковым. Как после этого можно было жить чем-то еще? Сам Георгий Георгиевич говорил о своей работе: «Самый тяжелый для меня момент — расставание не с ролью, а с судьбой персонажа. Выясняется, что, лишившись возможности проживать жизнь какого-либо героя на сцене, ты оказываешься еще теснее, еще интимнее связан с ним». Каково же было «расставаться» с Раскольниковым? Трудно. И даже общественное признание не спасало. Хотя стать лауреатом Государственной премии в 25 лет — тоже многое значило.

На премьере фильма произошло еще одно важное событие: он, наконец-то, познакомил двух самых дорогих ему людей — маму и режиссера Льва Кулиджанова, который на время съемок «принял» его в свою семью. Тараторкин так вспоминал об этом событии: *«Они не были знакомы. Мы подошли, я говорю: мама, это Лев Саныч, Лев Саныч,*

это мама. Мама никаких слов не произносила, и Лев Саныч — никаких. Они так непродолжительно, но так много и многим смотрели друг на друга, и никаких слов... Лев Саныч склонил голову, взял мамину руку поцеловал...»

Вскоре после этого мамы Георгия Георгиевича не стало. Но успех сына она успела увидеть.

Ленинградский период работы Тараторкина длился до 1974 года, когда он переехал в Москву, чтобы воссоединиться с женой — Екатериной Марковой. С ней, актрисой и будущим писателем, он познакомился на съемках того же «Преступления и наказания». На долгие годы она стала его музой и матерью его двоих детей.

В 1974 году у них только родился первенец, Филипп, и жизнь на два города — Москву и Ленинград — стала невозможной. Екатерина тогда служила в «Современнике», и Георгий Георгиевич принял решение переехать в столицу.

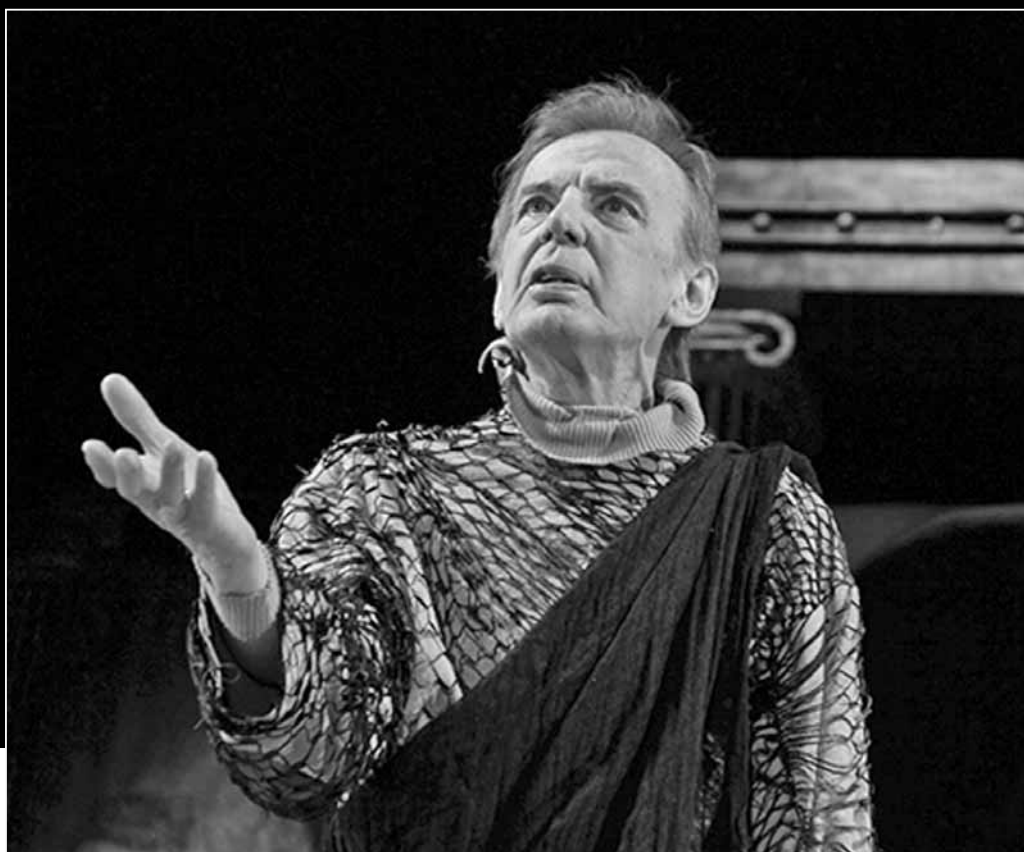
В Москве он был принят в труппу Театра имени Моссовета, к знаменитому Юрию Завадскому. И пер-

вой ролью, которую он должен был играть на прославленной сцене, стала роль... Раскольников в спектакле «Петербургские сновидения». Тараторкина вообще часто определяли, как актера «театра Достоевского» — с его тонким пониманием, абсолютным, нервным вживанием в роль. Но он, безусловно, был гораздо шире этих рамок, хотя и переиграл немало «из Федора Михайловича»: были среди его работ и Иван Карамазов, и Ставрогин.

Решение о переезде в Москву далось ему непросто: уезжая из Ленинграда, он оставлял в ТЮЗе роли Гамлета, Бориса Годунова, Петра Шмидта, Подхалюзина — «набор», о котором любой артист может только мечтать. И бросить все это в один

Слева:
*В кругу
семьи*

миг было невозможно. Придя в Театр Моссовета, Тараторкин сказал директору Льву Федоровичу Лосеву: «Я очень вам благодарен, очень рад приглашению, но я занят в нескольких спектаклях в ленинградском ТЮЗе, где нет второго исполнителя. Эти спектакли в одночасье не могут перестать жить, поэтому мне необходимо в течение нескольких месяцев или даже года ездить в Ленинград играть». Лосев был обескуражен и отправился вместе с ним к Завадскому. Тот выслушал взволнованного директора, внимательно посмотрел на Георгия и произнес: «Если бы для этого молодого человека не были святы интересы его театра, я бы не пригласил его в свой».

Играя Раскольникову в Театре Моссовета, Тараторкин попросил у

режиссера разрешения привнести кое-что свое в рисунок роли. Завадский позволил, а когда увидел результат, улыбнувшись, сказал: «Я про это не ставил, но очень благодарен тебе, что ты про это сыграл».

Георгию Георгиевичу удалось застать и знаменитых «стариков» Театра имени Моссовета. Вера Петровна Марецкая говорила ему: «Привет, Тараторочка!», а Фаина Георгиевна Раневская даже сделала ему «царский подарок». После того как был выпущен спектакль «Версия» о Блоке, она позвонила и пригласила его к себе домой. Конечно же, он с радостью навестил знаменитую актрису. Во время чаепития она вдруг сказала: «Я очень рада, что есть такой спектакль. Вряд ли мне удастся

*К/ф
«Открытая
книга»*

посмотреть. Все же три часа, это уже тяжело для меня», и протянула ему старинную фотографию Блока, которую ей в свое время подарила Анна Ахматова. Раневская даже сделала дарственную надпись самому Тараторкину: «Юрочке — за то, что люблю, а больше всего я люблю талант. Раневская».

Ему удивительно везло на людей. Редко кому из артистов удается прожить в одном — и очень счастливом! — браке всю жизнь. А Георгию Тараторкину и Екатерине Марковой это удалось. По словам актера, он часто ловил себя на том, что «не знает эту женщину», и каждая новая книга супруги открывала ему в ней что-то доселе неведомое.

Через несколько лет после сына Филиппа у супругов родилась дочь Анна — довольно известная сегодня актриса. Ее старший брат пошел по духовному пути: Филипп Тараторкин — православный священник, богослов, кандидат исторических наук. У него двое сыновей, у Анны — один, так что дети сделали Георгия Георгиевича трижды дедушкой.

С 1996 года Тараторкин преподавал во ВГИКе. Попасть на его курс было мечтой многих студентов. А во время выпуска курса дома его было не застать, возвращался он обычно в три-четыре часа утра. Анна вспоминала: «Помню, я тогда очень ревновала его, не понимала, почему у него вдруг стало много "детей"».

В последние годы Тараторкин не переставал играть: в родном Театре имени Моссовета у него была главная роль в спектакле «Не будите мам» по пьесе Ж. Ануя, а в антрепризе Петра Штейна «Сильвия» он играл вместе с Чулпан Хаматовой и Евгенией Симоновой. Последней его премьерой стала роль Диона в спектакле по пьесе Л. Зорина «Римская комедия. (Дион)». Успевал он руководить и театральным фестивалем «Золотая маска», а еще — обустрои-

вать дачу во Внуково, где многое сделано его собственными руками.

4 февраля этого года Георгия Георгиевича Тараторкина не стало. Ушел прекрасный человек и актер, никогда и ни в чем, на протяжении всей своей жизни, не замаравший себя, честный, бескомпромиссный и очень талантливый. Его нельзя было не любить, и он на долгие годы останется в памяти не только близких и друзей, но и многих почитателей его актерского таланта. □

Виктор Ом

ДАМА С КАМЕЛИЯМИ

«Наибольшей похвалой для этой особы может быть то, что, видимо, ее душе опротивела жизнь, которую вело ее тело, и потому душа, чтобы освободиться, убила тело».

Поль де Сен-Виктор

Писатель Александр Дюма-сын вдруг неожиданно уезжает в Сен-Жермен-эн-Лайе, и в течение месяца, на одном дыхании, словно одержимый, пишет навсегда прославивший его имя роман «Дама с камелиями». И почти сразу его печатает издательство Кадо.

В итоге — ошеломительный, сногшибательный успех!

Книга эта так и осталась единственным и неоспоримым шедевром Дюма-сына... несмотря на то, что писатель, в общем-то, был весьма плодовит.

И вот — наше время, 1983 год... В кинотеатрах Парижа демонстрируется экранизация «Травиаты». Либретто для этого фильма было написано по мотивам знаменитого романа Дюма-сына. Киноверсию этой оперы снял известный итальянский кинорежиссер Франко Дзефирелли, а главные роли в фильме сыграли всемирно известные певцы Пласидо Доминго и Тереза Стратас...

Паломничество к могиле Дамы с камелиями началось значительно раньше этих «художественных воплощений» романа. И началось оно с графини Нера де Жоншер.

Она почти ежедневно приходила на кладбище убирать могилу цветами, заботливо стирать непристойные надписи и обращалась в администрацию кладбища за разрешением закрыть памятник стеклянным колпаком, чтобы предохранить его от повреждений и надругательств.

Почему же эти намерения графини так и не осуществились? Это такая же загадка, как и мотивы жертвенного поклонения графини. Но еще более таинственными кажутся нам теперь причины бесконечного восхищения, которые побуждают наших современников осыпать цветами могилу Дамы с камелиями.

Вот как описывал Даму известный французский писатель и критик Жюль Жани: «Это была молодая, красивая женщина с прелестным лицом. Само ее присутствие рождало

вместе и восхищение, и почтение у тех, кто видел ее впервые и не знал ни ее имени, ни ее занятия. Манера поведения — живая и естественная, поступь — смелая и величественная,

выдавали даму из самого изысканного общества. Взгляд был серьезным, а пленительная улыбка — скромной... Глядя на нее, можно было сказать, как когда-то Элевьон по поводу одной придворной фаворитки: «Она, безусловно, или потаскуха, или герцогиня!»

Андре Моруа в своей книге «Три Дюма» рассказал о встрече Александра Дюма-сына в Театре де Варьете с женщиной, сыгравшей огромную роль в его жизни: «Она была высокого роста, хрупкого сложения, черные волосы, легкий румянец на нежной белой коже лица, глаза продолговатые, как у японки,

лотые браслеты — все это создавало образ поистине царственной красоты. Дюма был ослеплен, взволнован, повержен».

И... увековечил ее в романе.

Называла она себя Мари Дюплесси, а в метрике была записана как Альфонсина Плесси.

Происхождение будущей королевы куртизанок весьма необычно и достаточно драматично...

Родилась она в Нормандии. Отец ее, Марин Плесси, явился нежеланным плодом молодого священника — либертинца и местной проститутки. Когда он вырос, стал зараба-

Андре Моруа в своей книге «Три Дюма» рассказал о встрече Александра Дюма-сына с женщиной, сыгравшей огромную роль в его жизни, и описывал ее так: «Она была высокого роста, хрупкого сложения, черные волосы, легкий румянец на нежной белой коже лица, глаза продолговатые, как у японки, с живым и гордым взглядом, губы цвета спелой вишни и ослепительнейшие в мире зубы. Она напоминала изящную статуэтку из саксонского фарфора».

с живым и гордым взглядом, губы цвета спелой вишни и ослепительнейшие в мире зубы! Она напоминала изящную статуэтку из саксонского фарфора. Тонкий стан, лебединая шея, кроткое выражение лица, байроновская бледность, длинные локоны, вьющиеся на плечи, декольтированное платье из белого сатина, бриллиантовое кольцо, зо-

тивать на жизнь мелкой торговлей вразнос. И так, расхаживая по дворам и домам со своим нехитрым товаром, познакомился с прелестной Мари Дешай, в жилах которой текла дворянская кровь. Ее бабушка Анна была последней представительницей некогда очень известного рода д'Аржентель, разорившегося еще в XVIII веке. Анна вышла

замуж за чиновника и родила сына, будущего отца Мари Дешай.

Вот из такого невероятно фантастического переплетения родовых корней и судеб аристократов, люмпенов и вольноотпущенников явилась на свет женщина, которой предстояло завоевать Париж... Бросить его к своим ногам и долгие годы держать перед собой коленопреклоненным...

Жизнь нежной Мари с гулякой и выпивохой Марином Плесси обернулась кромешным адом. Однажды ей даже пришлось бежать из дому, когда пьяный муж пытался спалить жену вместе с дочерьми — старшей Дельфиной и младшей Альфонсиной, (родившейся 16 января 1824 года), и они лишь чудом спаслись... Мари была вынуждена отдать девочек

на воспитание родственнице, а сама уехала и вскоре умерла. Через некоторое время тетка, и сама отчаянно бедствуя, вынуждена была вернуть Альфонсину отцу, а тот — законченный негодяй! — продал двенадцатилетнюю девчущку старому развратнику. А когда ей исполнилось четырнадцать, старик перепродал ее в цыганский табор. Так,

с цыганами она и добралась до Парижа. Правда, есть и иная версия — пьяница-отец сам отвез Альфонсину в Париж, где оставил ее на попечение каким-то дальним родственникам.

Свою жизненную карьеру юная Альфонсина начала помощницей модистки. И очень скоро из провин-

циальной дикарки, одетой в лохмотья и деревянные башмаки, она преобразилась в хорошенькую и кокетливую гризеточку, пробавляющуюся случайными заработками и не пропускающую ни одного шумного загородного гулянья.

Там-то и нашел ее некий богатый владелец ресторана с Пале-Рояль, и, разумеется, влюбился до беспамятства... Вскоре Альфонсина стала его содержанкой — но, совсем не надолго. Теперь она сменила свое имя на Мари, и неожиданно обратила на себя внимание молодого вельможи Ажерона, герцога де Грамон и министра иностранных дел в правительстве Наполеона III. Мари к тому времени исполнилось 16, а ему 21. Он был красив, умен и лишен предрассудков. Но — главное — сказочно богат!

Ажерон снял для Мари роскошные апартаменты и с гордостью начал вывозить ее в свет. Уже через месяц весь парижский бомонд только и говорил о его новой любовнице.

Герцог сыграл роль Пигмалиона в жизни юной Мари, причем отнесся к своей роли весьма и весьма серьезно. Пригласил лучших учителей танцев, музыки и светских манер. Девушка стала много читать... После кончины Мари ее библиотека насчитывала 200 книг (достаточно большое собрание по тем временам). Главным образом, это была классика и поэзия. Училась она и игре на фортепиано. Одевалась с большим вкусом. А на прогулки

выезжала непременно в карете своего покровителя, и обязательно с черным спаниелем...

Ее «Пигмалион» был совсем не ревнив и великодушно делился своей подругой с близкими приятелями и друзьями, такими же рафинированными аристократами. А вскоре возник даже клуб Дамы с камелиями, в который вошли семь постоянных поклонников юной куртизанки. Каждый из них пользовался ее вниманием... раз в неделю.

Вращаясь в кругу изысканных господ, бывшая оборвашка быстро набрала светские манеры и лоску. Она овладела искусством поддерживать беседу, и очень скоро бульварная пресса стала восторженно писать о ней, как о *«женщине из высшего парижского общества, которая обладает самым утонченным деликатным аристократическим вкусом»*.

Мари часто появлялась в Опере, посещала театры, концерты и не пропускала ни одного вернисажа. И всегда была окружена толпой обожателей... Любой светский лев считал честью оказаться в ее свите. Она вела жизнь, полную развлечений и праздности, легко переходила из рук в руки, демонстрируя непостоянство натуры, но несколько этим не смущаясь. У нее было доброе сердце, и она охотно помогала нуждающимся, так как никогда не забывала о кошмарах, пережитых в раннем детстве.

Случалось, ее одолевали приступы безудержной веселости, и тогда она без меры пила шампанское...

По Парижу ходили слухи об оргиях, устраиваемых в ее изумительных покоех.

В это же время Мари познакомилась с человеком, который через несколько лет даст ей возможность надеть «диадему графини».

Эдвард де Перего влюбился в нее до безумия! Он бросил к ее ногам все свое состояние. Купил ей домик в Бужевале (кстати, это местечко вблизи Парижа фигурирует и в романе), взял ее с собой в длительное путешествие по Германии. Казалось, что и она его искренне любит, но в чувствах Мари было больше нежности, чем подлинной страсти. А еще — благодарности — он ведь так заботился о ней!

И все же через какое-то время этот почти уже супружеский союз начал ее тяготить. Мари была женщиной капризной, но по-своему преданной. Не она порывала со своими любовниками, просто заводила новых, но всегда хотела и с прежними оставаться в дружеских отношениях. Это они бросали ее, потому что содержание блистательной куртизанки было многим просто не по карману, а иных сжигала ревность к соперникам. Мари вообще была не способна на постоянное чувство — но и на низость тоже. В ее короткой жизни не было ни одного скандала, никому — преднамеренно — она не причинила зла, никто не дрался из-за нее на дуэли и не расставался с жизнью. Светская хроника, падкая на сенсации, всегда отзывалась о ней с неизменной симпатией.

Чтобы удержать за собой завоеванное реноме в аристократических салонах Парижа, Мари приняла «опекунство» весьма состоятельного восьмидесятилетнего графа фон Штакельберга, обрусевшего немца. По поводу их встречи ходила романтическая легенда (возможно, сочиненная самой Мари): будто почтенный старец увидел ее на водах в Баньере, где она лечилась от начинающегося туберкулеза, и его поразило абсолютное сходство девушки с недавно скончавшейся от того же страшного недуга любимой дочерью.

Так или иначе, безутешный граф купил и с размахом обставил для Мари апартаменты на бульваре де ля Магдален, напротив костела Святой Магдалины, ее покровительницы. Осыпал ее драгоценностями и мехами, подарил конюшню (Мари очень любила верховую езду), нанял многочисленную прислугу.

В нарядном голубом экипаже, всегда в одиночестве, она отправлялась от Елисейских полей к Булонскому лесу, где совершала прогулку пешком. Примерно в это же время она и стала известной как Дама с камелиями... Кстати, об этом говорили и бесчисленные счета из цветочных магазинов (надо сказать, что Мари была очень расточительна и с необычайной легкостью проигрывала — как, впрочем, и выигрывала — огромные деньги, но с рачительностью мещанки тщательно собирала и хранила у себя все счета).

*Александр
Дюма-сын*

Она была буквально помешана на камелиях. Они стояли в ее доме повсюду, ими она украшала волосы и декольте и всегда носила при себе букетик камелий. Двадцать пять дней месяца — это были белые, а остальные пять — красные. В те давние времена камелии были предметом особого шика и ценились так же дорого, как нынче орхидеи.

В расцвете славы и всеобщего поклонения двадцатилетняя красавица встретила однажды своего ровесника — Александра Дюма-сына. Он был очень хорош собой — темно-русый блондин с мечтатель-

ными светлыми глазами и громким именем. Дюма был просто обречен любить эту женщину до конца жизни, любовью страстной, всепоглощающей (не потому ли к старости он сделался ханжой и любил разглагольствовать, подобно своему герою — Дювалю, отцу Армана?)

Мари взаимностью не ответила, отведя ему роль сердечного друга. Вообще-то об их связи мало что известно. Обычно она посылала ему коротенькие записки, а после него сохранилось всего одно письмо к ней. Ясно, что быть его содержанкой Мари не могла, поэтому принимала

его у себя в определенные часы, после полуночи. И вряд ли она отдавала себе отчет в том, что даже выезд с ней в Оперу или на обед в модном ресторане был для него разорителен.

В романе Дюма-сына есть несколько моментов, действительно имевших место в их отношениях, длившихся всего одиннадцать меся-

цев. Самое начало знакомства, встреча в театре, аукцион, эксгумация. Все остальное в нем — плод авторской фантазии... Дюма повествует скорее о своих скрытых потаенных желаниях, нежели о подлинной истории их связи. Он и вправду хотел наставить свою подругу на путь добродетели. Обеспокоенный состоянием ее здоровья он забрал

Мари в Сен-Жермен-эн-Лайе, где они подолгу любовались панорамой Парижа с открытой террасы. И до конца жизни память его хранила эти упоительные мгновения, проведенные с Мари. После ее кончины он достаточно откровенно описал свои переживания в элегии, насчитывающей 88 строк!

Что до Мари, то она явно скучала, а виды Парижа манили ее поскорее вернуться к своей привычной и веселой жизни. Дюма же с трудом выносил ее бесконечные лавирования между любовниками и ее уклончивые объяснения. В результате их отношениям пришел конец! Мари в милой записочке попросила его сказать откровенно,

правился с отцом в длительное путешествие по Испании и Алжиру. Но забыть Мари он так и не смог. А через какое-то время отправил ей из Испании письмо, в котором написал, что знает о ее болезни, но все равно хочет вернуться к ней... Ответа не последовало.

После разрыва с Александром Дюма-младшим Мари добилась того, чего, как ей казалось, недоставало для полного успеха. Многолетний и верный любовник Эдвард де Перего поддался, наконец, ее уговорам, и они, выехав на несколько дней в Лондон, обвенчались там. Правда, их брак считался законным только в пределах Британии, поэтому по возвраще-

ная Альфонсина начала свою карьеру помощницей модистки. И очень скоро из провинциальной дикарки, одетой в лохмотья и деревянные башмаки, она преобразилась в хорошенькую кокетливую гризетку, пробавляющуюся случайными заработками и не пропускающую ни одного шумного гулянья

хочет он, чтобы она была его любовницей или другом: «Я буду одинаково предана». Дюма ответил, что не настолько богат, чтобы любить ее, как бы он хотел, и не настолько беден, чтобы любить ее так, как бы она того желала.

Молодой писатель, конечно, страдал, пытался утешить себя новой подругой и, в конце концов, от-

нии в Париж все оставалось прежним.

Мари все равно радовалась как дитя... Украсила графским гербом почтовую бумагу и конверты, столовые приборы и, конечно же, дверцы выездного экипажа. О ее праве на титул знали только самые близкие друзья. Но вскоре уже все окрестные поставщики высылали ей счета на

имя «графини дю Плесси». (Что же касается «супруга», то он исчез из ее жизни и объявился только к ее кончине, чтобы купить место под усыпальницу, в связи с чем возникла необходимость эксгумации и идентификации останков...)

Тем временем болезнь агрессивно наступала... Мари пыталась забыть в шумном водовороте светских приемов, но за маской ее беззаботности скрывалось глубокое и безнадежное отчаяние. Она надела огромных долгов... Достигнув всего, что так сильно жаждала, она вдруг осознала, какой ценой пришлось заплатить за этот свой «судбоносный реванш». Сохранилась одна запись, сделанная как признание: *«Все прекрасное мне нравится, и все, что мне нравится, я хочу по-*

гие считали гением) по фамилии Корейф. Он применял странную терапию: назначил ей стрихнин в прогрессирующих дозах. Мари его просто боялась и часто повторяла: *«Он отравляет меня»...*

Надо сказать, что они с Корейфом были знакомы давно. Ведь именно он представил ее, Даму с камелиями, Ференцу Листу, который стал ее «сердечным другом», как некогда Дюма-сын, а, по свидетельствам некоторых близких, даже самой большой любовью ее жизни...

С Листом Мари познакомилась в конце 1845 года в фойе театра. Ослепительная красота собеседницы произвела на композитора огромное впечатление. Она говорила с ним свободно и с достоинством, восхищаясь его виртуозной игрой, а он да-

Мари была буквально помешана на цветах. Камелии стояли всюду в ее комнате, ими она украшала волосы и декольте и всегда носила при себе букетик камелий. Двадцать пять дней месяца — это были белые, а остальные пять — красные. (Надо сказать, что в те времена камелии были предметом особого шика и ценились так же дорого, как сегодня орхидеи.)

лучить. Все знают, что я трачу все, что у меня есть и даже то, чего у меня нет, а нет у меня будущего»...

Мари угасала день ото дня. Ее мучили жуткие приступы кашля. Врачи были уже не в силах чем-либо помочь. За дело взялся подозрительный шарлатан (хотя в свете его мно-

же не подозревал, что перед ним дама отнюдь не благородного происхождения. Лист был очарован, покорен! Влюбился пылко, как и во многих других женщин, встречавшихся на его пути странствий. Он обещал взять ее в Веймар, показать ей Константинополь... Но, разъезжая с концертами

по Европе и не испытывая недостатка в поклонниках, «прекрасный герцог флорентийский» — так называли тогда Ференца Листа — быстро забыл о своей возлюбленной. После смерти Мари он скажет: *«Эта женщина была верхом совершенства, когда-либо созданного природой... Путеше-*

ствие в Константинополь, которое так пленяло ее воображение... этой странички моей жизни я никогда не смогу простить себе».

А долги Мари все больше росли... Вокруг дома точно коршуны кружили судебные исполнители. Рядом с ней уже не было многочисленных

любовников, осталось лишь несколько близких людей... Изредка она еще выезжала в Оперу, едва держась на ногах. Как и всегда, была одета безупречно, но уже невозможно скрыть мертвенную бледность лица. На барьере ложи, где она сидела в одиночестве, лежали бинокль, коробка с конфетами и букетик камелий...

Когда Мари уже не могла подняться с постели, все газеты помещали сводку о течении болезни. Перед смертью она успела увидеть своего «супруга», протянула к нему свою прозрачную руку и прошептала: «Ты пришел. Прощай. Я ухожу»...

Умерла Мари Дюплесси 3 февраля 1847 года, в самый разгар городского карнавала... Трехдневная агония длилась под звуки бурлящего за окнами праздника. Как здесь не вспомнить заключительную сцену из «Травиаты» Джузеппе Верди?!

Весь Париж говорил о ее смерти, некролог поместили все газеты, даже правительственные.

Жюль Жани подробно описал распродажу обстановки дома Дамы с камелиями и ее вещей. Когда перед аукционом были открыты ее покои, чтобы сделать опись, весь салонный Париж устремился в это «гнездо разврата», сгорая от любопытства. Она ведь очень любила роскошь, значит, оставила после себя предметы, достойные ее вкуса!

«Я слышал, как благороднейшие дамы и самые модные кокетки Парижа захлебывались от восхищения каждым принадлежащим ей пустя-

ком. Гребень, щетка для волос проданы были за сумасшедшие цены. Нарасхват раскупались ее перчатки, а туфли эти добропорядочные особы выхватывали друг у друга и силились натянуть на ногу, как хрустальный башмачок Золушки. Все пошло на торги, даже старая шаль, даже разноцветный попугай, которого Мари научила насвистывать грустную песенку. С молотка были проданы ее портреты, любовные записки, ее волосы — абсолютно все. А ее родственники, отводившие глаза, когда она проезжала мимо в своем графском экипаже, запряженном чистокровными английскими лошадьми, торжествовали, получив деньги от распродажи имущества после ее смерти. Для себя не сохранили ни одной вещицы, праведники!»

На аукцион съехались люди из самых разных сфер парижского общества. Наблюдая этот ажиотаж, Теофиль Готье, известный поэт-романтик, выдохнул с горечью: «Господи, знали бы эти милые дамы, какую цену заплатила несчастная за все эти драгоценные безделушки!» А присутствующий рядом Ричард Уоллес отозвался с усмешкой: «Думаю, они приняли бы их с восторгом и на тех же условиях!»

Что же касается Дюма-сына, весть о смерти Мари застала его в Марселе, и он тут же вернулся в Париж. Ее он увидел только неделю спустя, во время эксгумации. Волею судьбы их могилы теперь находятся на расстоянии нескольких шагов друг от друга... □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

24

Больше недели ушло на рабочий объезд всех пяти отделений совхоза, готовящихся к уборочной. За это тяжелое время, когда в сутки удавалось поспать не больше пяти часов и порой оставаться без обеда, Анатолий Петрович сильно спал лицом, скулы обострились, живот втянулся — и он стал походить на себя — студента-заочника после сдачи полуторамесячной сессии за десять, максимум двенадцать дней! Но его синие глаза, ставшие еще больше, от сознания на совесть выполненного намеченного плана, удовлетворенно светились тем светом, когда жизнь кажется прекрасной, а о неминуемой смерти совсем не думается даже в самые тягостные минуты. Ведь бешеный рабочий ритм оказался оправданным, и точно двадцать четвертого августа, как и было условлено на совещании, управляющие по телефону доложили, что подготовка к уборочной в полном объеме завершена. Лишь в одном отделении, самом ближнем, после центрального, но находящимся за Леной — Наторинском, из-за внезапного выхода из строя двигателя единственной самоходной баржи необходимое для проведения уборочных работ количество горюче-смазочных материалов закончат завозить только сегодня.

Но Анатолия Петровича это не пугало, ибо он был уверен, что упущенный день наторинцы быстро наверстают: живя на протяжении многих веков по несколько месяцев в году — и в наводнение, и в ледостав — оторванно, как на острове, от всего мира, они привыкли бытовые и производственные проблемы разрешать всем коллективом — дружно, с полной самоотдачей не только рабочих, но и приходивших на помощь их подростковых детей. Поэтому Анатолий Петрович не без основания спокойно подумал: «А какой будет день — двадцать шестого?» — и, быстро посмотрев на настольный перекидной календарь, прочитал: пятница! Это значило, что если даже немного позже, чем намечалось, он прикажет начать уборку картофеля хотя бы в одном, центральном отделении, то его точно до понедельника — аж целых три дня! — никто из райисполкомовских чиновников или управления сельского хозяйства не одернет, не попытается поставить на место, заставляя придерживаться спущенных сверху, как с потолка, сроков уборочной компании, а тем временем производственный маховик раскрутится настолько, что его остановить не решится даже первый секретарь райкома!

«Ну не здорово ли? Здорово!» — про себя воскликнул Анатолий Петрович. Его душу охватила радость, с которой тотчас захотелось поделиться с любимым человеком, и он направился в кабинет растениеводства. Проходя через приемную, весело подмигнул секретарше, от чего она, смутившись, опустила подкрашенные черной тушью глаза. В коридоре приветливо поздоровался с главным инженером, направлявшимся к экономистам с какими-то важными бумагами текстов, расчетов и графиков. Однако когда, словно весенний свежий ветер, распахнул дверь с табличкой «Главный агроном», вынужден был встать, как вкопанный, ибо увидел перед собой сидящего как ни в чем ни бывало на стуле между столами жены и Виктории Николаевны Хохлова, одетого поверх светлой рубашки в строгий черный костюм, к которому был тщательно подобран свободно повязанный, темный в белую полоску шелковый галстук. В таком одеянии он походил на какого-то великосветского щеголя, срочно приехавшего на очень важный для себя праздник, а не в качестве представителя управления в рабочую командировку. Внимательно оглядев своего бывшего подчиненного, Анатолий Петрович, конечно, напрочь забыв о причине своего появления у агрономов, подчеркнуто не поздоровался с Хохловым первым, что не делало ему чести, и, понимая это, он, недовольный собой, вошел в кабинет с многозначительным вопросом:

— А что тут у нас главный агроном района делает?

— Так я ведь к вам не в первый раз приезжаю! — немного смутившись, как можно важнее ответил Хохлов, автоматически пригладив русые во-

лосы, зачесанные набок. — Да все никак вас заставить не могу, говорят, вы с утра до ночи по отделениям мотаетесь! А цель моей командировки состоит в том, чтобы окончательно определиться с урожайностью капусты в совхозе, поскольку в других хозяйствах района виды на него, честно говоря, неважные.

— Что так? Вовремя не пропололи, не полили, как надо, не подкормили необходимыми минеральными удобрениями?

— А я-то откуда знать могу!

— Согласен! И вопрос свой снимаю! Но задам другой: «Что следует ожидать от выполнения тобой задания руководства?»

— Думаю, пересмотра разрядки поставок!

— А как же в таком случае быть с договорами, ведь для того они и заключаются, чтобы выполняться, ибо за ними живые люди стоят?!

— Правильно вопрос ставите! Но отцам района, как говорится, своя рубашка ближе к телу. Исходя из этого, они думают в первую очередь о рабочих родного города, тем более что многие из них трудятся на предприятиях алмазной промышленности. Таким образом, договора поставки не сильно-то и будут нарушены.

— Ну а что тогда сидишь, лясы с женщинами точишь! Думаю, пора вспомнить, зачем приехал! Или дорогу на капустные поля забыл — без провожатого никак не обойдешься?

— Да не мешало бы кого-нибудь из агрономов со мной отправить! — словно утопающий за соломинку, жадно схватился за предложение директора почему-то враз покрасневший Хохлов.

— Виктория Николаевна мне самому срочно нужна! Значит, Мария Васильевна, ты одна остаешься! — обратился он к жене. — Пойдешь к представителю управления в провожатые?

— Как скажете!..

— А я промолчу — сама решай!

Анатолий Петрович вышел из кабинета. На прозвучавший ему вслед голос Виктории Николаевны: «Так мне с вами идти?!» — ответил не без удивления: «А как же! И побыстрее, пожалуйста!»

Когда они пришли в директорский кабинет, он сразу же, лишь дав Кокорышкиной сесть поудобней на стул, заговорил:

— В общем, так — с завтрашнего дня начинаем уборку картофеля своими управленческими силами, да и других пока нет. Необходимый приказ сроком действия до первого сентября по совхозу я подпишу сразу, как он будет готов. Организацию работ и их ход возлагаю на тебя. В конторе, чтобы меня по пустякам не отвлекали, оставь одну секретаршу, а в мастерских — лишь техническую бригаду, монтирующую капустный конвейер.

Всех женщин отряди для работы на сортировке и на комбайнах, а мужиков — во главе со мной! — под мешки! Все поняла?!

— Кажется, да! А вам вопрос можно задать?

— Можно! Но коротко!

— А вы, Анатолий Петрович, не боитесь судьбу всех своих предшественников разделить?

— Даже и не думаю об этом! Знаешь, волков бояться — в лес не ходить! Да и потом — я ведь максималист! Мне — или грудь в крестах, или голова в кустах! Ладно, иди уж. Хотя постой-ка! Я все хотел тебя спросить, да все никак время не находил.

— О чем?

— Скажи как на духу, что за черная кошка между тобой и моим отцом в недалеком прошлом пробежала?

Кокорышкина, глубоко вздохнув, задумалась, словно решала — отвечать или не отвечать. Наконец, собравшись с духом, заговорила:

— Тогда в отделении работал трактористом Дмитрий Николаевич Авдеев, небольшого росточка, но страсть как вечно, то тем, то другим не довольный. В твоём отце ему конкретно не нравилось то, что тот всячески помогал, порой и за счет совхоза, рабочим: одному за полцены пиломатериал на постройку личного дома отпустит, другому трактор на вспашку приусадебного участка по льготной цене даст, третьему выделит машину для перевозки на городской рынок сельхозпродукции, выращенной своими руками. Все это, может быть, было бы и ничего, но Авдеев еще и доносы в дирекцию на твоего отца строчил, и не случайно, ибо знал, что многие главные специалисты совхоза все никак не могли простить своему управляющему то, что он в обход их заключил с алмазными предприятиями в Мирном шефские договора, на основании которых они за свой счет мощными бульдозерами за одну зиму аж целых сто гектаров леса свели! Сколько же денег совхоз на этом сэкономил! За такое дело вместо того, чтобы к государственной награде представить, твоему отцу за самоуправство строгий выговор нехристи объявили! А потом вообще по-иудски поступили: взяли и голую землю на баланс отделению как полноценную пашню поставили, пустили в оборот и уже следующей весной в приказном порядке заставили посадить на ней картофель. Будто не понимали, что, как бесплодная женщина рожать не может, так и от земли ни грамма не удобренной, с нулевым содержанием гумуса, урожая ждать все равно что у моря погоды!

Естественно, план по выращиванию картофеля отделение завалило! А спрос за это с кого? С руководства! Вот твоего отца, не посмотрев даже, что ему до пенсии чуть больше года оставалось, сняли с должности

управляющего и, как в насмешку, в разнорабочие перевели! Лучше бы, чтобы враги в глаза заслуженному человеку не злорадствовали, вообще уволили из совхоза. Но твой отец на такую подлую поверку оказался человеком очень сильным духом. Выполнил все тяжелые работы так, как будто ничего с ним плохого не произошло, лишь задумчивый взгляд порой говорил, как ему было обидно. Потом, уже накануне выхода на пенсию, зимой в цеху по изготовлению из торфа горшочков для капустной рассады ночами печку топил да посадочные ящики из обрезного теса сколачивал, а летом, вооружившись лопатой, кайлом и ломом, продолжал претворять в жизнь свою сокровенную мечту, заключающуюся в том, что за счет разницы высот между озером Теллях и совхозными пашнями пустить на них самотеком для полива картофеля и овощей воду, считай, задарма — деньги требовались лишь на эксплуатацию нескольких дождевальными установок! Благо гидросооружение в виде дамбы, позволяющей поднимать уровень воды в озере до необходимой отметки, было сооружено шефами еще во время, когда отделением он сам руководил.

И оставалось ему только до нужных отметок спланировать по нисходящей сваренный из толстенных труб водовод. Помню, в воскресенье идешь в лес по ягоды, грибы ли, а он все, как заводной, то землю тяжелую — суглинистую — лопатой копает под листовничными лежками, то ломом орудует, выравнивая трубы, то кайлом плитняк долбает. Рубашка на нем от пота была мокрая до того, что хоть выжимай. Но как бы ему тяжело, с надрывом ни дышалось, он на обычное при встрече с работающим человеком «Бог — в помощь!» обязательно, пусть через силу, но светло улыбался, благодарил. И добился же своего — потекла вода самотеком, как миленькая! Года три трудом твоего отца пользовались.

— Всего? А что с ним случилось потом?..

— Суп с котом! Пшик! Да и только!

— Это как же?

— Очень просто! Создали еще одну обслуживающую совхозы организацию «Мелиорация». Строительные объемы для работы ей нужны были? Нужны! Так вот в погоне за ними даже на то пошли наши бывшие районные горе-руководители, что дармовую, высокоэффективную поливную систему — детище твоего отца — забросили. Да и почему это не сделать? Ведь, во-первых, совхоз на ее строительство никаких затрат не понес, во-вторых, на балансе она нигде не числилась, как бы и вовсе не существовала никогда. Значит — и спроса за нее никакого! Вот и сварили новый водопровод, только уже от Лены, вогнали в это дело миллионы рублей — и никакого мошенничества! А то, что совхозу пришлось покупать мощные дорогостоящие насосные станции, а потом еще за их эксплуатацию и ремонт серьезно

тратиться, никого из дирекции не волновало, ведь рубрики, можно сказать, на ветер выбрасывали не свои кровные, а государственные. Одним словом, бардак!

— Может!.. Но сейчас газетчикам стало модно это характеризовать как застой! Хотя хрен редьки не слаще! Но ты свой рассказ закончила?

— В общем-то, да!

— Слушал я тебя, Виктория Николаевна, и еще раз удивлялся: ведь получается, что годы сменяются годами, десятилетия — десятилетиями, с ними меняется природа окружающей среды, усовершенствуются орудия труда, в квартиры приходит бытовая и электронная техника, а вот пороки человеческие лишь из одной души в другую перетекают, обедняя жизнь своих хозяев и делая нетерпимой для порядочных людей. Понимать это настолько противно и обидно, что порой даже жить не хочется, а надо! Причем во чтобы то ни стало! Может быть, только потому, что, как говорят в народе, надежда умирает последней! — Анатолий Петрович посмотрел на часы: — Да, Виктория Николаевна, быстро мы с тобой поговорили, только так увлеклись, что время обедать пришло! А ты мне так даже словом не обмолвилась о своих отношениях с отцом.

— Согласна! Но и сказать-то мне нечего, кроме того, что я по старой дружбе, начавшейся еще в школе, связалась с Авдеевым, поддерживала его везде, где только могла. Вот и выходит, что грешна я!

— Бог рассудит! Только воистину верно сказано об осознании вины таких, как ты: «Лучше поздно, чем никогда!..» На этом разговор заканчиваем?

— Нет, уж если коснулись прошлого, то давайте выясним все до конца!

— Я не против! — легко согласился Анатолий Петрович. — Но при одном обязательном условии, что ты накормишь меня своим вкусным обедом, ведь на дорогу домой и обратно не меньше часа уйдет! А дел важных, запланированных на сегодня, еще — хоть будь возможность — я бы отбавил!

— Да без вопросов! Тем более что, как в поселке говорят, фазенду, положенную директору по должности, вы нашей семье выделили, а я вас даже на новоселье не пригласила, застеснялась что-то!

— Ладно, спрашивай, что еще тебя волнует!

— Почему вы, в то время молодой, работающий, вскоре после отстранения отца от руководства отделением уволились и, если верить поселковым бабам, то даже в Мирный уезжали, где работали мотористом, то ли в алмазоперерабатывающем комбинате, то ли в автобазе, на машинах которой руду из карьера возили?

— Точно, уезжал! И причина для этого на самом деле была. Заключалась она в том, что новый управляющий как-то в начале осени по-обычному под хмельком приехал на картофельное поле, посмотрел со стороны, как

споро идет уборка, да и поднялся на ходу на мостик машиниста — ко мне. Несколько минут вглядывался в поднятую ножами земляную ленту с ботвой и клубнями, которая по транспортеру должна поступать, пройдя между коммодавителями, на поднимающий элеватор, и, прекрасно видя, что в накопительном бункере нет ни одной даже поцарапанной картофелины, все же, издевательски улыбаясь, спросил меня:

— А тебе не кажется, что мелко копаешь?

— Не кажется! А вообще-то, чем это вы так обеспокоены?

— Только тем, что не весь картофель будет выкопан!

— Извините, но как такое может быть, если сами прекрасно видите, что все клубни невредимы? Если я ножи опущу ниже, то земля, не успев просеяться, поступит на стол, где женщины, откидывающие мусор, еще будут вынуждены откидывать и ее. То есть, по сути, делать пустую, лишнюю работу. В результате этого запурхаются, а главное — в результате этого комбайн встанет или того хуже — не выдержав неоправданной земляной нагрузки, надолго выйдет из строя!

— И все-таки! — не унимался хмельной управляющий, продолжая идиотски улыбаться, — попробуй копать поглубже!

Вдруг я понял, что он просто не доверяет мне! Подло думает о моей мести за отца! Мерзавец, и только! И вместо того, чтобы исполнить просьбу этого, так сказать, начальника, я сказал, как отрезал:

— Знаете, я бы еще понял ваше незнание технологии уборки, но простить вам мелочную подозрительность, унижающую меня как честного работника, — никогда! Не мешайте работать другим, если сами к своему седовласому возрасту ничему не научились!

А назавтра я без объяснения причин уволился по собственному желанию!

— Ну и правильно сделали! Тем более что ваша судьба в скором времени пошла в гору. И словно во имя восстановления справедливости, вернула, можно сказать, в родной совхоз, где началась ваша трудовая биография, и не в должности управляющего, а самого директора! Представляю, как тот же Авдеев сейчас задыхается в бессильной злобе. Но хватит ли вам, Анатолий Петрович, сил — для начала поставить окончательно на место некоторых главных специалистов, все еще работающих не по совести, а из-за страха перед вашим крутым характером, вашей напористостью, которой они словно оглоушены! Но ведь придут в себя, сговорятся против вас!

— Не переживай, — этого не случится! Во-первых, потому, что некогда будет им подлой ерундой заниматься, во-вторых — себе же станет дорожке, ну, а в-третьих, терпения не хватит, ведь я, пока совхоз, как прежде другие предприятия, из отстающих в передовые не выведу, никуда, даже на очередное повышение не пойду!

— Хотела бы я дожить до исполнения вашей мечты, да боюсь, не получится — годы-то свое берут! Уже на следующий год на пенсию выйду, внучат буду нянчить, у меня их о-го-го сколько!

— А за нашими с Марией детьми будешь приглядывать, когда мы в отпуск на мой любимый Кавказ уезжать будем?

— Почему бы и нет!

— Несмотря ни на что, все же ты, Виктория Николаевна, хороший человек! — как бы подытоживая разговор, сказал Анатолий Петрович. Но вдруг по глазам собеседницы увидел, что она до конца не удовлетворила свою любознательность. И предоставляя ей возможность задать все волнующие вопросы, нетерпеливо спросил: — Если я не ошибаюсь, у тебя еще что-то вертится на языке?

— Да! Но даже не знаю, как сформулировать вопрос — уж больно он деликатный, касающийся лично вас!

— А ты не мудри! Задавай его напрямую, в лоб!

— Хорошо!.. В общем... Вы на Марии, правда, женились по любви?!

— Интересный вопрос!.. — многозначительно сказал Анатолий Петрович и сделал продолжительную паузу, словно решил не отвечать или хотел собраться с мыслями. Наконец спросил встречно: — Если не секрет, пожалуйста, скажи-ка мне, чем именно вызвано такое внимание к моей личной жизни?!

— Понимаете, в поселке родственники вашей первой жены распускают слухи, что вы женились по расчету!

— Почему?! Почему?! — Анатолий Петрович удивился вопросу не меньше, чем внезапному дождю в ясный день.

Но Виктория Николаевна, хотя и поняла, что вызвала горькое недоумение в душе человека, все же решила получить исчерпывающий ответ, тем более что привыкла любое дело доводить до конца:

— Потому, чтобы стать директором!

— Вот глупость какая! Но меня огорчает другое, а именно — что ты, прекрасно это понимая, пошла у сплетен на поводу! Зачем? Не пойму!

— Да Марию жалко! Больно добрая она! И, как мне кажется, на своем небольшом жизненном веку уже много страдала!

— В таком случае я тебя понимаю и со всей ответственностью серьезного человека отвечаю: люблю я свою жену, люблю! Такое признание, надеюсь, тебя успокоит?

— Вполне! И еще раз извините меня!

— Ладно! Как говорится, с кем не бывает!..

Вернувшись после обеда в кабинет, Анатолий Петрович, чтобы не отрываться от уборочной работы в пятницу и субботу, решил подписать все

важные документы, подготовленные службами главных специалистов. Но их оказалось так много, что, когда он поставил подпись на последнем и положил его в растолстевшую папку «К исполнению», за конторским окном стало быстро смеркаться. К своему дому подходил в почти непроглядной густой темноте. Мария давно приготовила, как всегда, вкусный ужин, но, почему-то на удивление сухо поприветствовав мужа, пошла на кухню разогревать еду у и накрывать на стол. Анатолий Петрович, помыв руки, сел на свое место у окна, невольно искоса следя за женой, поскольку она, обычно разговорчивая, интересующаяся, как прошел рабочий день, в этот поздний вечер была словно не своя...

Черные — тонкими дугами — брови сдвинула к самой переносице, тем самым говоря, что ее одолевают какие-то больно уж непростые раздумья.

— Мария, что-нибудь случилось, уж не заболела ли ты?! — тревожно спросил ее Анатолий Петрович.

На мужний голос жена, вскинув голову, посмотрела отсутствующе в сторону и лишь через некоторое время, как будто собиралась с тяжелыми мыслями, словно через силу ответила:

— Да вроде все нормально! Может, просто мне что-то нездоровится!.. А ты почему сегодня на обед не приходил?

— Так получилось, что из-за нехватки времени к твоей начальнице на обед напросился, да заодно и посмотрел коттедж, в котором мы с тобой должны были проживать. Он мне понравился — отдельно стоящий на самом берегу, четырехкомнатный, с большими окнами, выходящими на красавицу Лену, по которой, в какое время суток ни посмотришь, обязательно увидишь то вниз по течению, то вверх плывущие грузовые и пассажирские суда! А моторные лодки вообще одна за другой снуют как пчелы. Мне даже ярко вспомнилось одно лето, когда я, девятиклассник, в отделении временно подрабатывал мотористом: возил на дальнюю ферму — это аж за тридцать километров! — каждый день, неважно, дождь ли льет или ведро стоит, свежесыпеченный в сельповской пекарне хлеб. Вот налюбовался то речными пейзажами! А скалы-то, скалы какие напротив старого, исконно русского, поселка Джерба — одно загляденье: высоченные, как пики, острые, уходящие глубоко в черную, затененную от солнца, воду, которая мимо них течет, как на стремнине, — смотри не зевай, а то ахнуть не успеешь, как о гранитные стены лодку в щепки разобьет!

— Ты с таким упоением вспоминаешь! — сказала Мария. — На таком душевном подъеме говоришь о бывшем директорском коттедже, о событиях юности, связанных с ним, что невольно возникает вопрос: а ты в самом деле не жалеешь о таком щедром подарке семье Кокорышкиной?

— Что ты, милая, такое говоришь! Разве можно жалеть о добром поступке, самим добровольно, с душой сделанном?! Конечно, нет! Не знаю,

поймешь ли меня правильно, но в ранней юности на моторной лодке-казанке я часто в выходные ездил на другой берег Нюи, где от ее широкого устья в обе стороны — и вверх по течению таежной реки до самого Красного камня — это кварцевые, восхитительно величественные, отвесные, можно сказать, самые что ни на есть неприступные скалы! — и вниз — вплоть до Туруктинского острова — тянутся более чем на десять километров заливаемые в паводок вешними водами раздольные луга с таким богатым и высоким разнотравьем, чтоходишь в него, как в воду, аж по самые плечи, а местами и с головой скрываешься!.. Красота! Причем, в нем ни мошкара, ни комары не досаждают. И даже в самый знойный день там стоит пряная тенистая прохлада, сладко пахнущая резедой, мятой и терпко — пыреем. В общем — блаженно лежал и лежал, словно осязаемо чувствуя, как в тело невидимыми, но как бы звенящими ручейками перетекают, делают его упругим, сжатым, как хорошая стальная пружина, земляные силы! А какой на заречных лугах дикий лук вырастает! С ладонь, не меньше, вымахивает щавель! А саранкам — этим нашим якутским диким розам — вообще нет числа! Любуешься их светло-красными, бархатными, в белых крапинках, большими бутонами — и от красоты аж дух захватывает!

Как-то раз, набрав для стола по заданию матери по несколько тучных пучков лука и щавеля, а ей в подарок — огромный букет саранок, я возвращался на берег к лодке. Недалеко от меня, сразу за ветвистыми тальниковыми кустами, увидел пожилого мужика, якута. Пригляделся к нему — и ахнул! Представляешь, он без руки, самый настоящий инвалид, а как же лихо управлялся и с лошадьми, и с конной сенокосилкой, намотав на культю вожжи, а здоровой рукой, как пушинку какую-то, поднимая на крутых разворотах полотно с режущими сегментами! Я, наверное, не меньше часа удивленно наблюдал за его работой! За это время он почти со всего луга до самого болотистого озера траву скошил — и не разу не остановился передохнуть, лишь зычным кличем погонял и погонял вспотевших, с пеной на губах лошадей!

Вечером, когда отец вернулся с работы, я узнал у него, что этот пожилой, убеленный сединой якут — ветеран войны, боевой офицер-разведчик, кавалер многих боевых орденов и медалей — перед самой победой, можно сказать, дойдя до вражеского логова — Берлина! — потерял руку, но, вернувшись домой, не записался, как некоторые, в нетрудоспособные, а стал продолжать на равных с молодыми рабочими работать в совхозе. И к любому порученному делу относился настолько ответственно, что его каждое лето руководство стало назначать бригадиром сенокосной бригады. И жил он, оказывается, рядом с нами — буквально через проулок! — в старой, рубленной еще в царские времена из кондовых сосновых бревен

избе-пятистенке, окна которой были обрамлены резными наличниками, тоже с резными глухими ставнями. Дом вроде большой, но, когда сначала сын Дмитрий женился, а потом старшая дочь Виктория вышла замуж и, понятно, один за другим дети пошли, стало трем семьям под одной крышей тесновато. Но, ничего, жили в мире и согласии и, понимая, как тяжело в отделении с жильем, даже заявление на разделение в совхозный профком не подавали!

Тут Анатолий Петрович почувствовал, что жена его не слышит. Оторвался от тарелки с супом, который за рассказом даже и не заметил, как уплел за обе щеки, — и точно: Марии в кухне не было!

— Милая, ты где? — расстроено спросил он, ведь получается, что самому себе так вдохновенно и долго рассказывал о делах юности, об удивительном ветеране, наконец, о ее прямой начальнице, которая, между прочим, еще в молодости трагически, при до сих пор ни местной, ни районной милицией не выясненных до конца обстоятельствах потеряв мужа, с тремя малыми ребятишками на руках осталась.

— В гостиной, на диван прилегла! — недовольно ответила жена. — Говорила же, мне что-то нездоровится!..

— Да, болезнь — это в любом случае дело серьезное! Шутки не терпит! — встревоженно, сразу забыв о своем рассказе, сказал Анатолий Петрович. — Так, может, завтра ты не на работу пойдешь, а на прием к своей новой знакомой Ирине Дмитриевне Климовой — главному врачу поселковой больницы. Она специалист толковый, с большим опытом и вообще — как человек порядочный!

— А ты откуда знаешь?

— Да совсем недавно она заходила ко мне с просьбой о выделении для машины «Скорой помощи» горюче-смазочным материалов, поскольку свой фонд на них на местной автозаправке закончился. Теперь на срочные вызовы, как в стародавние времена, хоть на лошади верхом ездить!.. Конечно, я ей помог. И, опять же по ее просьбе, воспользовавшись случаем, обговорил с ней все условия для удобства рабочих центрального отделения, да и работников конторы тоже, расширить деятельность уже существующего фельдшерского пункта — вплоть до выдачи больным листков о временной нетрудоспособности на месте, чтобы больным не тащиться аж на другой конец поселка в поликлинику! И так еще утомительно сидеть, дожидаясь врачебного приема.

25

В первый раз Анатолий Петрович не проснулся по своим «внутренним часам»... Разбудил его залиvistый звонок будильника, поставленного Марией

для себя. Еще толком не протерев глаза, он ошарашенно подумал: «Ничего себе, проспал!..» Лихорадочно оделся по-рабочему, махнув рукой на ставшее с годами необходимостью обливание холодной водой. На кухне достал из холодильника пакет кефира, открыв его, выпил в прикуску с черным хлебом, с вечера так и оставшимся не убраным в навесной шкаф. Тут услышал, что и Мария проснулась, стала одеваться, полусонным голосом не совсем ясно произнесла:

— Анатолий, подожди — я сейчас хоть глазунью сделаю!

— Спасибо! Я уже позавтракал! Лучше скажи, как себя чувствуешь?

— Настолько нормально, что, надеюсь, работать смогу!

— А куда тебя Виктория Николаевна направила?

— На сортировку!

— Можешь сильно не торопиться — первый картофель раньше чем через полтора часа после начала рабочего дня вряд ли с поля на сортировку поступит!.. — сказал Анатолий Петрович и, на ходу надевая брезентовую куртку, пулей выскочил на улицу.

Свежий воздух за ночь остыл настолько, что ободряюще свежо пахнул в лицо, огнем обжег гортань. С силой выдохнутой, он мгновенно превратился в белесый пар и, как хорошо просушенное сено, весело зашуршал. А вокруг — и на вянущей траве, и на желтеющих листьях деревьев, и на дворовых постройках и оградах — влажно лежал самый настоящий — с белыми иглами! — первый иней. В розово-золотистых лучах, радуя глаз, он сверкал чистейшим серебром! Казалось, что это лебяжий пух по воле свыше был щедро рассыпан... Солнце незаметно для глаз, медленно, словно в глубоком раздумье о земле и жизни на ней, вкатываясь в небесную гору, светило приветливо, зажигая верхушки деревьев золотым огнем и как бы стекая по их стволам вниз, делало все бронзовее и бронзовее шершавую, но так ярко желто-красно блестящую, словно тщательно отполированную кору.

Однако любоваться природной красотой было некогда — и, плотнее запахнув куртку, Анатолий Петрович, как ни жаль было ступить на первый, такой ослепительно красивый иней, быстрым шагом, оставляя за собой влажные, темные следы, пошел через сосновую рощу на одно из картофельных полей. Оно находилось сразу за капустным полем. Лишь показалось светло-зеленое море, тоже росисто переливающееся звездным светом, подумалось: «Надо же, как удачно получилось: на капусту, верней, задавленную мощными сорняками рассаду, от недостатка влаги и света завянувшую, многие в совхозе махнули рукой, мол, Бог дал, Бог и забрал! А она, считай, всем поселковым миром спасенная, агрономически грамотно выхоженная, так разрослась, что листья-лопухи завернулись в вилки,

которые с каждым днем, прибавляя в весе, все увеличивались и увеличивались! И теперь на фоне районного неурожая являлись для горожан главной надеждой, что без тех же борщей и голубцов в эту зиму они ну никак не останутся!.. Однако праздновать успех было еще рано. Якутская суровая погода крайне не предсказуема — вот запланировал я начать убирать капусту не ранее двадцатого сентября, а снег к этому времени возьмет да за одну ночь выпадет в таком количестве, что уже до весны не растает, как за последние десять лет уже не раз бывало... И что тогда? Нет, об этом, особенно в такой погожий день, лучше не думать».

Еще на подходе к картофельному полю Анатолию Петровичу было хорошо видно, что один комбайн на тракторной тяге не просто начал копку, а уже произвел ее в таком объеме, что бункер-накопитель заполнился доверху клубнями — об этом говорили горящие фары «Беларуса», являющиеся по установившейся практике сигналом для водителя самосвала, чтобы он, не медля, подъезжал под погрузку... «Это кто же такой ответственный, трудолюбивый — ни свет ни заря приступивший к работе?!» — удивленно подумал Анатолий Петрович. Подойдя ближе, увидел Иннокентия Авдеева, своего друга, который, держась за открытую дверцу, всем телом подался наружу, вглядываясь в дорогу... Видимо, смотрел, не едет ли самосвал.

Первыми подходящего директора увидели девчата-сортировщицы. В своих слегка утепленных болоньевых куртках и в платочках, повязанных поверх голов, с задорными огоньками в глазах, они смотрелись весьма привлекательно. Едва увидели директора, быстро подходящего к комбайну, тотчас приветливо замахали ему... Заметив это, Иннокентий резко повернулся и, увидев своего старого товарища, вместо того чтобы с ним тепло поздороваться, недовольным, суровым голосом заворчал:

— Петрович!.. С такой организацией труда мы и до следующей осени картофель не уберем!.. Время уже давно рабочее, а самосвала все нет и нет! Хоть на межу клубни выгружай! И давно выгрузил бы, да больно уж они знатно богатые уродились в этом году!

— Вот расшумелся, как старик-ревматик поутру! Будто не знаешь, что первый блин почти всегда комом выходит! — И, уже обращаясь ко всем, Анатолий Петрович тепло сказал: — А за трудовое радение весь девичий коллектив комбайна сердечно благодарю! Петухи еще не допели, а вы уже в поле! Молодцы!

Наконец, поднимая огромные, клубящиеся столбы пыли, на краю поля показался запоздавший самосвал. Облегченно вздохнув, Анатолий Петрович все же не удержался — уж очень хотелось посмотреть своими глазами на новый урожай — и, как в рабочей юности на этом же самом поле, поднялся по железной лестнице на мостик машиниста. Выкопанные клубни,

размером с ладонь, в утренних лучах красиво отливали розовыми боками. Хотелось взять их в руки, погладить по шершавой крепкой коже, хотя бы приблизительно определить вес, но и так было видно, что они уродились на славу! Вспомнив о задании главному экономисту, Анатолий Петрович про себя удовлетворенно отметил, что его решение — основной упор сделать на развитие продукции растениеводства — верно, значит, непременно даст положительный результат!

Когда самосвал подъехал, он с согласия машиниста переключил тумблер на подъем бункера, а едва кузов оказался под ним, включил двигатель, приводящий в движение засыпанную картофелем ленту, при помощи рычага открыл бункер — и клубни, сплошной массой двинувшись, начали выгружаться в самосвальный железный кузов. Не прошло и пяти минут, как Иннокентий, увидев, что можно трогаться, снова включил вал отбора мощности, до упора нажал на педаль газа... Картофель вместе с земляными рядками устремился в комбайн, где, пройдя весь процесс отделения от ботвы и очищения от разного мусора, стал сыпаться в бункер в таком количестве, что уже через час заполнил его с верхом. Комбайн остановился — и девчата, с потными, запыленными лицами облегченно вздохнули. Ой, непросто, сосредоточенно вглядываясь в ленточный, переборочный, медленно двигавшийся стол, чтобы не пропустить мимо своих быстрых рук ни одного некачественного клубня, безостановочно работать и работать!..

Выгрузив и этот, до краев наполненный, бункер, Анатолий Петрович, махнув Иннокентию рукой — пока! — сел в кабину самосвала, чтобы быстрее доехать до работы. Едва выехали на дорогу, ведущую в поселок, он удовлетворенно увидел, что и на других полях три комбайна в сцепке с тракторами приступили к копке. Проехав в конец совхозной улицы, самосвал, поскрипывая от тяжелого груза рессорами и степенно переваливаясь с бока на бок, подрулил к сортировочному комплексу, который технические работники «Сельхозтехники», несмотря на краткий срок — всего в десять дней! — оговоренный договором, все же успели собрать и настроить к началу уборки. Выпрыгнув из кабины и захлопнув дверцу, Анатолий Петрович тревожно огляделся, но, увидев Марию, с облегчением вздохнул. Она стояла вместе с другими сотрудницами управления, сгрудившимися и, как синицы, воркующими между собой, у самого въезда на территорию овощехранилища. А неподалеку мужчины, успев разжечь из старых досок небольшой костер и присев вокруг него, на корточках с наслаждением покуривали...

Но при появлении директора все, как по команде, быстро встали, тем более что самосвал, развернувшись, уже начал подъезжать к приемочному бункеру для выгрузки в него картофеля — и надо было с минуты на минуту приступать к работе.

— Здравствуйте! — громко, чтобы слышали все специалисты управления, временно переведенные в связи с производственной необходимостью в рядовые работники, произнес Анатолий Петрович, и тотчас, повернувшись в сторону пестро одетых женщин, спросил: — А где наша уважаемая Виктория Николаевна? Не скажете?!

— Да здесь я, здесь! — ответила она сама, выходя их овощехранилища. И, поздоровавшись с директором, продолжила: — Ходила посмотреть — верно ли оборудованы системой вентиляции закрома, ведь пока стоит сухая, солнечная погода, надо в первую очередь успеть как можно больше засыпать на зимнее хранение семенного материала!

— Очень правильно думаешь! — похвалил ее Анатолий Петрович. — А я по дороге с утра пораньше успел зайти на поле, даже свою трудовую юность вспомнил — аж целый бункер картофеля накопал вместе с конторскими девчатами и смог сам убедиться, что все запланированные на сегодня четыре комбайна выехали для работы в поля.

— То-то я смотрю, у вас хорошее настроение!

— А когда оно было на работе плохим? Думаю, никогда! Строгим, суровым — это часто! Но по-другому быть не может с руководителем, болеющим за свое хозяйство. — И тут Анатолий Петрович, посмотрев в сторону жены, резко понизил голос: — К, сожалению, в отличие от меня, Мария что-то вчера неожиданно плохо себя почувствовала. И хотя сегодня сказала, что у нее со здоровьем все хорошо, я продолжаю переживать! Пожалуйста, присмотри за ней — и, если она вновь занеможет, то на дежурном автобусе отправь ее в больницу. Лады?

— Конечно!

— Теперь поговорим об организации сегодняшней работы. Урожай картофеля, как я сам убедился, в этом году неплохой, и у меня есть сомнение, что три самосвала вряд ли справятся с его вывозкой. Но торопиться выделять еще один не будем — до обеда посмотрим, как дело пойдет. А здесь, непосредственно на сортировке, думаю, надо сделать так: женщин расставить вдоль лент, подающих картофель в закрома и на затарку мешков... Мужчин же разделить на две группы, — первая пусть встанет у конца транспортера, чтобы вовремя сменять наполняющиеся мешки, а вторая, во главе со мной, будет их относить и складывать у забора, рядом с курящими сейчас мужиками. Ритм работы установим такой: через каждый час труда — десять минут отдыха! Возражений нет?

— Нет!

— Тогда командуй!

И, махнув рукой механику центрального отделения, на которого временно были возложены обязанности машиниста сортировального комплекса,

уверенный, что тот его верно понял, быстрыми шагами подошел к пульту управления, вмонтированному в несгораемый железный довольно большой шкаф с закрывающейся на ключ дверцей.

— Анатолий Петрович, запускать? — спросил механик.

— Конечно! Пока картофель из бункера поступит на выгрузочные транспортеры — минут пять пройдет, не меньше!

— А, может, — дело-то важное, даже в какой-то мере праздничное! — вы сами произведете первый рабочий пуск?!

— Мысль хорошая! Говори, на какую кнопку нажать!

— На красную!

— Понял!

И зычно крикнув сотрудникам управления, занимающим свои рабочие места: «Внимание! Будьте осторожны — я произвожу пуск!» — Анатолий Петрович произвел первый рабочий пуск сортировочного комплекса! Тотчас огромная, величественно возвышающаяся машина — высотой не менее чем с двухэтажный дом! — пришла в движение, стройно загудев электромоторами, зашуршав прорезиненными лентами транспортеров, захлопав выгребающими из бункера и подающими на сортировочный стол пластмассовыми лопатками. Смотреть без восхищения на сортировочный комплекс было нельзя — настолько солидно и мощно он выглядел в работе! Но в первые же минуты выяснилось, что мужчины, поставленные для затарки мешков, не справляются с той массой товарного картофеля, которая потоком хлынула по транспортерным рукавам, — и Анатолию Петровичу пришлось им в помощь из своей бригады срочно выделить еще четырех человек, таким образом значительно увеличив объем складирования картофеля на оставшихся под его руководством работников.

«Ничего, до обеда как-нибудь сдюжим!..» — подумал он, взваливая на плечо первый мешок, который показался ему не таким уж и тяжелым, как со стороны представлялось. Но нельзя было по своему опыту не понимать, что с каждым часом, по мере уменьшения сил, каждый мешок будет казаться ему все тяжелей и тяжелей. Поэтому Анатолий Петрович принял единственно верное решение: без суеты, размеренно, с самого начала в посильном темпе делать свою сегодняшнюю тяжелую работу. И все равно до первого отдыха-перекура он успел основательно разогреться до такого состояния, что его уже в пот бросало. В висках, как ночной филин, заухала горячая кровь, дыханье еще не сбилось, но значительно, как при беге на крутой подъем, участилось.

Ближе ко второму перерыву, омывшись сполна и первым и... пятым потом, Анатолий Петрович стал чувствовать, как еще и ноги наливаются такой свинцовой тяжестью, что удается лишь с трудом переставлять их.

А самосвалы с картофелем продолжали четко, как по часам, выгружаться и выгружаться... Это одновременно и радовало, что уборка идет полным ходом, и настораживало, поскольку надо было во что бы то ни стало до обеда выдержать, нет, даже виду не подать своим подчиненным, что ему тяжело, тем более многие из них, как и он, их начальник, давно физически, да еще в таком режиме, не трудились, но, вдохновленные его примером, тоже старались быть на высоте.

А беспощадное солнце, малиново-золотое, как раскаленная чугунная плита, войдя в полную августовскую силу, давно уже растопило выпавший на рассвете иней и ближе к двенадцати часам настолько прогрело воздух, что он больше не драл гортань, но не остужал лицо и тело, чем ускорял накопление усталости в руках и ногах! Можно сказать, для всех без исключения работников, переносящих мешки с картофелем, сделался еще одной трудностью, которую невозможно было не учитывать, с чем нельзя было не считаться. Вдыхая неуклонно теплеющий воздух как можно глубже, чтобы окончательно не задохнуться, Анатолий Петрович, когда горячие лучи ослепительно ударяли по глазам, чуть ли не со злостью взглядывал на небесное светило. Тем не менее старался по нему не определять, скоро ли наступит время обеда. Но едва дежурный автобус, взвизгнув тормозными колодками, остановился у самых ворот, облегченно, даже радостно вздохнул: «Пора!..» и, уложив в штабель мешок, который, казалось, стал за несколько часов изнурительной работы вдвое тяжелее, громко, чтобы услышали все работники, произнес:

— Уважаемые коллеги! Объявляю обеденный перерыв! — и, не без жалости посмотрев на распаленные лица мужчин, потом на женщин и, подумав, что они, бедные, по приезде домой, вместо того чтобы хоть немного передохнуть, станут, едва сполоснув руки, хлопотать у плиты, накрывать на стол, сказал: — Продлеваю обед до полутора часов, только, пожалуйста, уж не задерживайтесь!

— А вопрос можно?! — обратилась к нему молоденькая, вся в рыжих веснушках, с голубыми задорными глазами, с запыленными розовыми щеками сотрудница бухгалтерии.

— Можно!

— Анатолий Петрович, будьте добры, скажите, а детский садик тоже переведен на десятичасовой рабочий день?!

— А разве вас с приказом по управлению не знакомили?!

— Нет! Просто главный бухгалтер предупредила, что до первого сентября будем трудиться на сортировке и просила одеться соответствующим образом — по-рабочему!

— Плохо, если это действительно так! Но для вас и всех, кому интересно, объявляю: садик будет работать аж до восьми часов вечера! — И, добродушно улыбнувшись, добавил: — Так что не волнуйтесь, успеете забрать своих ненаглядных ребятишек! А теперь, еще раз прошу всех в автобус!.. Время, к сожалению, не ждет!

После обеда стало еще теплее. Однако Анатолий Петрович почувствовал по первым перенесенным и уложенным в штабель мешкам, что молодой организм успел за полтора часа физически почти полностью восстановиться. Это вдохновляло. И хотя к вечеру усталость с новой силой навалилась на плечи, свинцом налила ноги, отчего снова каждый шаг приходилось делать с трудом, при одном взгляде на выросший с добротный дом-пятистенок штабель пересортированного и затаренного в мешки картофеля, на душе становилось радостно от совершаемой — на совесть, с полной самоотдачей! — работы.

В десятиминутные перерывы женская половина продолжала собираться в свой кружок, кто-то хотя и покуривал, но успевал поддерживать оживленный разговор. По тому, как часто раздавались задорные возгласы, можно было судить о его веселости и, конечно, еще на одном примере убеждаться в удивительной выносливости, как говорят, слабого пола, а на самом деле в упорстве не уступающего сильному... Между тем его представители тоже не падали духом — рассказывали по очереди забавные, а иной раз, приглушив голос, и любовные анекдоты, подтверждая древнюю, как мир, истину: «Кто о чем, а мужики — о бабах...» Анатолий Петрович хотя порой и морщился от слишком откровенных слов, но не обрывал несколько развязных рассказчиков, хорошо понимая, что раз шутят, значит, еще далеко не выдохлись, а его некстати резкое вмешательство хуже всякой усталости лишь притушит их душевный огонь.

Так поддерживая друг друга свободным общением и трудовым примером, работники управления совхоза дружно закончили рабочий день. На случай ночного заморозка Анатолий Петрович распорядился закрыть огромным брезентовым пологом плоды богатого нового урожая. Когда все было сделано, перед посадкой людей в автобус он выразил глубокую благодарность своим сотрудникам, особенно отметив женщин за их самоотверженный труд, чтобы хоть как-то поднять им настроение, поскольку для них хлопоты закончатся лишь с отходом ко сну — еще ох как не скоро!.. Потом хотел окликнуть Марию, но, повернувшись, увидел, что она стоит рядом, с усталыми глазами, казавшимися от этого еще огромнее, еще грустнее... Ему стало жаль ее, чувство огромной нежности окатило волной, и захотелось обнять родного человека за плечи, прижать к груди, но он лишь дрогнувшим голосом произнес:

— Садись в «уазик», Петр отвезет тебя домой!

— А ты? — спросила она.

— А мне еще надо зайти к себе в кабинет, кое-какие документы просмотреть... Но слово даю, что надолго не задержусь!

Анатолий Петрович, честно говоря, на необходимость поработать в конторе лишь сослался. На самом деле душу вдруг охватило какое-то тягостное, тревожное предчувствие чего-то неожиданного — и ему казалось, что именно в своем кабинете он найдет ответ на него. И как в воду глядел!.. На рабочем столе лежал лист бумаги, на котором размашистым, крупным почерком секретарши был записан текст телефонограммы: «...Приглашаетесь в понедельник к десяти часам утра в районное отделение милиции, кабинет номер десять. Следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры Зайцев».

Как сильно ни было притуплено усталостью сознание, Анатолий Петрович от нежданной вести недоуменно произнес вслух: «Что за чертовщина?!» Но сколько ни напрягал мозги, ни насиловал память, найти на свой вопрос необходимый ответ так и не смог.

Тут его внезапно, как молниевая вспышка, озарила мысль: «Может, Эльза знает, для чего меня вызывает следователь, ведь как-никак в городе живет, а земля, не зря говорят, слухами быстро полнится...» И тотчас набрал ее телефонный номер. Ему повезло — Эльза только что вернулась с работы и, еще не успев снять пальто, подбежала к аппарату и взяла трубку. Услышав знакомый голос, она искренне обрадовалась. «Молодец! Не забывает...» — довольно подумал Анатолий Петрович. Но затем, чем больше говорил с ней, тем сильнее и сильнее мрачнел душой, все ближе и ближе сдвигал к самой переносице брови. И хотя все услышанное от своего бывшего заместителя по экономическим вопросам в «Сельхозхимии» искренне посчитал большим недоразумением, даже чьей-то грубой, невероятной ошибкой, твердо решил: чтобышний раз не расстраивать Марию, пока сам до конца не переговорит со следователем, о вызове к нему сообщать не будет. □

Продолжение следует.

ИЗРАСТЬ, ТАК МИЛЛИОН

Знакомясь с неутомимой деятельностью казнокрадов, взяточников, воров и просто мошенников, поневоле приходишь к неожиданному выводу, что среди этих авантюристов попадаются весьма энергичные, изобретательные, хитроумные люди, часто наделенные недюжинным артистическим даром. Есть среди них персонажи весьма образованные, а иногда и вовсе безграмотные. Воровскую науку каждый из них постигал самостоятельно, университетов и магистратов по этой, хотя и востребованной, тематике в мире до сих пор нет. Тем не менее, довольно быстро им удавалось освоить необходимый в их работе «инструментарий»: откаты и распилы, финансовые пирамиды и фиктивные контракты, офшоры и банковские аферы, создание банков и фирм-однодневок, «отмывание» денег и увод их за границу и многое другое. Мы хотим показать, в несколько иронической форме, бессмысленность и даже трагикомичность этого беспокойного занятия, которое, как правило, не приносит счастья не только им самим, но и их потомкам. Существует известная легенда о том, что у приехавшего во Францию Н.М. Карамзина русские эмигранты спросили: «Как там, в России?», на что тот ответил: «Воруют-с...» Однако историки утверждают, что это всего лишь анекдот, и что такого разговора никогда не было. Поэтому мы воспользуемся высказыванием другого классика, истинность которого не вызывает сомнений. «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют...» — высказался Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, что и говорить, сильно, «как в граните отлил». Приходится с сожалением признать, что взяточничество и казнокрадство на Руси имеет богатую историю, а в наше время стало реальной угрозой для подрыва моральных устоев общества.

Мы познакомим читателей лишь с некоторыми «выдающимися хапугами» прошлого, незавидная судьба которых, возможно, заставит задуматься нынешних поклонников «золотого тельца».

Начнем, конечно, с друга, собутыльника и сподвижника Петра Великого, незабвенного князя Александра Даниловича Меншикова, без него никак не обойтись. Считается, что светлейший князь был первым в истории России олигархом. Он был абсолютно неграмотный человек, с трудом мог начертать свою подпись на государственных бумагах. Совершенно непонятно, как он разбирался со своими счетами в иностранных банках? Ведь там у него числилось 9 миллионов наворованных рублей (для сравнения, бюджет Российской империи в 1724 году составлял чуть более 6 миллионов). Он был владельцем 9 городов, 99 сел с 90 000 крепостных крестьян, в Лефортовском дворце и в загородной усадьбе имелось более 200 пудов золотой и серебряной посуды. Многочисленные лавки, мельницы, склады и погребов никто и не считал.

Петр I всеми силами пытался искоренить взяточничество. Под самыми окнами юстиц-коллегии по его приказу был повешен сибирский губернатор князь Гагарин, которого потом несколько раз «перевешивали» в показательных целях в разных местах Петербурга. Однажды, слушая в Сенате доклад о хищениях, Петр вышел из себя и велел обнародовать указ, грозивший, что, если

кто украдет из казны даже столько, чтобы купить веревку, будет на ней же и повешен. Генерал-прокурор при Сенате П.И. Ягужинский осмелился возразить царю: *«Разве, Ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой»*. Петр рассмеялся и не стал издавать такой указ.

Своего друга Алексашку он прилюдно бил дубинкой, учинял над ним следствия — ничего не помогало. Но после смерти царя у Александра Даниловича все богатства отобрали, лишили всех должностей, титулов и наград, а самого отправили в ссылку в небольшой городок Березов в Тобольской губернии. По дороге в эти «отдаленные края» скончалась его любимая жена Дарья Михайловна. Сам Александр Данилович умер в возрасте 56 лет, обратившись с наставлением к потомкам: *«Я готов ко всему, и чем больше у меня отнимут, тем менее останется у меня беспокойств. Сожалею только о тех, которые будут пользоваться моим падением»*. Перед смертью бывший генерал-губернатор Санкт-Петербурга, президент Военной коллегии Российской империи и даже генералиссимус пришел к глубокомысленному заключению: *«С простой жизни начал, простой и закончу...»*

Императрица Екатерина II также рьяно принялась искоренять эту неистребимую российскую беду. Уже через три недели после своего воцарения она выпустила «Манифест

*Князь
Александр
Данилович
Меншиков*

о лихоимстве», в котором указывалось на многочисленные злоупотребления в государственном управлении и судопроизводстве, и объявила им войну. Однако очень скоро ей пришлось убедиться в тщетности своих усилий. Более того, при ней пышным цветом распространился еще один порок, которым любила пользоваться сама императрица, — фаворитизм. От взяточничества он отличался тем, что подношения шли не снизу вверх, а, наоборот, сверху вниз, и, конечно, за счет казны.

Александр Сергеевич Пушкин, как бы специально для Николая I, гениально кратко и в доступной для понимания форме нарисовал картину казнокрадства в России: *«Временщики не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные род-*

ственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа, от канцлера до последнего протоколиста все крали и все были продажны». Николай I, этот всемогущий жандарм Европы, очевидно, понимал масштабы воровства в империи и с горечью жаловался наследнику: *«Мне кажется, что во всей России не воруют только мы с тобой».*

Теперь перенесемся во времена царствования Николая II и познакомимся с вполне образованным, в отличие от князя Меншикова, человеком — тайным советником, директором Горного департамента Констан-

тином Аполлоновичем Скальковским. Занимая столь высокий административный пост, он, в то же время, был литератором, писал книги по истории горного дела, а также считался знатоком балетного искусства и даже написал книгу на эту тему. При столь широком диапазоне творческих интересов и нагрузке на государственной службе, Константин Аполлонович выкраивал время и для взяточничества. Он никого и ничего не боялся и любил не просто брать взятки, а делать это публично и, как выражаются в наше время, «прозрачно». Однажды к нему в департамент явился посетитель с просьбой наложить положительную резолюцию на некую сомнительную бумагу. Заикаясь и потев от страха, проситель выложил на стол директора 10 000 рублей и стал заверять, что «не выдаст, не продаст», будет молчать, как могила. Скальковский пересчитал деньги и успокоил посетителя: *«Вот что, милейший, добавь к этому еще 20 000 и можешь болтать на каждом углу и даже в газетах напечатать, что Скальковский брал, берет и будет брать!»* Журналисты петербургских газет «пошли ему навстречу» и с удовольствием публиковали статьи об его «успехах» по вымогательству взяток. В результате за Константином Аполлоновичем в Петербурге прочно закрепилось звание первого взяточника в мире, несмотря на обилие конкурентов. Для одной из своих книг — «Мнения русских о самих себе» — он в течение восьми лет

упорного труда собрал высказывания и отзывы именитых людей о русском человеке, причем только самого негативного характера. Например, читаем такой пассаж: *«Как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, <...> хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов <...> и благодетелей-взяточников...»* А в предисловии к этой книге о самом себе написал следующее: *«Испытав на своей шее все "прелести" отечественной административной, общественной и литературной деятельности, я удалился в Париж на покой».* Видимо, взяточники самих себя за таковых не считают.

А вот еще один «джентльмен удачи» с замысловатой фамилией Клейгельс. Он не интересовался ни балетом, ни даже балеринами. Будучи выпускником кавалерийского училища, увлекался он лошадьми и скачками. За хорошую выездку и участие в конкурсах он получал многочисленные призы и восхищенные взгляды светских девиц на выданье. Можно совершенно определенно и без тени юмора сказать, что именно лошади проложили Николаю Васильевичу «путь наверх». Этот красавец-гренадер достиг высоких постов, был оберполицмейстером в Варшаве, петербургским и киевским градоначальником. Граф Ю.С. Витте вспоминает: *«Клейгельс представлял собой человека весьма ограниченного,*

*Константин
Аполлонович
Скальковский*

малокультурного и гораздо более знающего природу жеребцов, нежели природу людей. <...>Он полюбился государю, вероятно, за свою наружность бравого кавалериста. Но как человек Клейгельс был недурной и довольно комичный. <...> Говорил крайне возвышенными словами, часто иностранного происхождения. Любил начинать разговор с многозначительной фразы: "Дамы и господа! Вы сами понимаете, я человек известных форм!"» Получив пост обер-полицмейстера Варшавы и набрав «известную форму» вкупе с шикарными бакенбардами,

он приступил к делу, руководствуясь народной мудростью: «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода приносит». Первой успешной операцией Николая Васильевича, когда он, выражаясь современными терминами, «наварил немалые бабки», была поставка унитазов. Николай II выделял Николая Васильевича из числа других сановников: «Когда мне докладывает Дурново, я все понимаю, зато сам Дурново ничего не понимает. Когда я выслушиваю Витте, я не понимаю его, зато он меня понимает.<...>Один только Клейгельс прост и ясен, как деревянный

*Николай
Васильевич
Клейгельс*

чурбан!» И назначил «чурбана» градоначальником Петербурга. Здесь творческая мысль Николая Васильевича по взиманию взяток приняла прямо-таки причудливые формы. Неожиданно вышел грозный указ о том, чтобы все двери и вывески питейных заведений были перекрашены в зеленый цвет. За невыполнение — штраф! Трактирщики в страхе бросились выполнять распоряжение, а тут оказалось, что зеленая краска из продажи исчезла. Ее заблаговременно скупили «свои» люди, затем втридорога продавали, после чего делились барышом с гра-

доначальником. Далее последовал еще более грозный указ, предписывающий (с целью борьбы с пьянством!) закрывать рестораны для посетителей в 11 часов вечера. Среди рестораторов поднялась паника, ведь серьезные дамы и господа появлялись в ресторанах как раз после 11 часов. «Решальщиком» всех этих проблем был доверенный человек, ротмистр конной стражи, служивший с Николаем Васильевичем еще в Варшаве. Газеты печатали разоблачительные статьи, градоначальника не раз вызывали в суд, но он заявлял: *«Господа! Вы же знаете*

меня как человека известных форм, скрупулезно выполняющего законы!» Министр внутренних дел В. Плеве, который, как это ни странно, взяток не брал, уже был готов отправить взяточника за решетку, но не успел — был убит бомбистами. А дальше случилась и вовсе мистическая история: пропал пароход, на котором петербуржцы совершали прогулки по Неве и добирались до своих дач на соседние острова. В городе начался переполох. Царь недоумевал: *«Ведь не иголка же... Прямо какой-то "Летучий голландец!"»* Был объявлен международный розыск, но пароход как сквозь землю, то бишь, сквозь воду провалился. А ведь еще император Александр II предупреждал своего потомка: *«Они украли бы мои линейные суда, если бы знали, куда их спрятать»*. Клейгельс попросил Николая II поручить расследование этого загадочного дела лично ему. Однако царь вместо этого отправил его подалее... от себя, назначив его киевским генерал-губернатором. Когда до Киева докатилась революция 1905 года, Николай Васильевич как-то незаметно самоустранился от дел и был уволен с поста генерал-губернатора. Тем не менее, он был очень озабочен, как бы революционеры не разграбили покинутый им губернаторский дворец, и посему принял мудрое решение сделать это самому. Из дворца в усадьбу на берегу Днепра было вывезено практически все: люстры, картины, ковры, столовые и чайные сервизы, се-

ребро, скатерти и постельное белье и даже ручки от дверей и паркет. Но тут из Петербурга внезапно нагрянула ревизия во главе с сенатором Е.Ф. Турау. Отставной губернатор «на голубом глазу» докладывал о беспорядках и грабежах, учиненных революционерами, а сенатор с нескрываемым интересом слушал этот увлекательный рассказ, а сам при этом с недоверием рассматривал роскошные ковры, люстры и севрский чайный сервиз, на котором был подан чай. Вдруг со стороны Днепра донесся протяжный гудок, и перед изумленным взором инспектора проплыл, как белый лебедь, «пропавший без вести» пароход. На этом чаепитие Евгения Федоровича и Николая Васильевича завершилось, и сенатор отбыл в столицу на доклад Николаю II. Неумного казнокрада царь к суду привлечь не стал, и без того хлопот хватало. А сам Николай Васильевич, всеми забытый, скончался в финском госпитале в 1916 году.

Казнокрадство и взяточничество существовало во все времена и на всех континентах, за исключением, разве что, Антарктиды, нередко достигая самых высоких властных вершин. А.Н. Радищев пишет: *«Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого. Ведаю, что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгами, ограбил Францию, но не был казнен. Ведаю, что Султан Турецкий удавлял богачей, когда имел нужду в деньгах,*

*Ли
Хун-джан*

и преступником не почитается. Но что мне в этих примерах?»

Настоящим чемпионом мира по взяткам в то время был, пожалуй, самый важный китайский чиновник и дипломат Ли Хун-джан. За взятку в 3 миллиона рублей он подписал соглашение, которое позволило России проложить по территории Китая часть Восточно-Китайской железной дороги, сократив ее длину на 1500 километров. Первый миллион китайскому чиновнику, с огромными предосторожностями, был вручен наличными. Уплата второго и третьего транша должна была осуществляться через банк. Однако не менее важные российские чиновники не спешили. И не зря: «истомившийся в ожидании старик» (так докла-

дывали банкиры) в 1901 году скончался, так и не получив оставшейся части. Царские чиновники показали свое умение не только брать, но и давать взятки, правда, не из своего кармана. Но все-таки это был не тот масштаб...

В 1892–1893 годах во Франции разразился мировой коррупционный скандал. Он получил название «Панамское дело». Созданная в Париже «Всеобщая компания по строительству межконтинентального канала» потерпела финансовый крах. Следствие установило, что из полутора миллиардов франков, ассигнованных на строительство, две трети ушло на подкуп министров, депутатов парламента, руководителей

*Еити
Масудзоэ*

стройки и представителей прессы. Многие из них оказались в тюрьме, в том числе знаменитый создатель Эйфелевой башни А. Эйфель и руководитель стройки Ф. Лессепс, который, не выдержав позора, скончался. Проект выкупили вовремя подсуетившиеся американские компании и завершили строительство.

Для полноты картины расскажем о любопытном случае казнокрадства, случившемся этой осенью в Японии. Выяснилось, что губернатор Токио Еити Масудзоэ использовал служебный автомобиль для семейных поездок на дачу, а пожертвования простых японских граждан тратил на покупки картин и, представьте себе, шелковой одежды для занятий написанием иероглифов. Разгорелся, как сейчас говорят, резонансный коррупционный скандал, и губернатор был вынужден покинуть свой пост. Но вот что поражает: при

увольнении Еити-сан получил в виде пенсионного пособия \$650 000. Такая схема ухода с госслужбы могла бы заинтересовать и наших чиновников, но есть опасения, что бюджет нашей страны ее не выдержит.

Наверное, еще не было такого случая, чтобы схваченный за руку казнокрад заявил бы в суде: *«Уважаемые судьи! Мне мучительно стыдно, что я докатился до такого разложения, что подло обокрал свое государство. Готов понести за это справедливое наказание!»* Нет, он будет нагло утверждать, что это гнусная провокация, что найденные в его кабинете чемоданы с миллиардами незаметно подкинули с целью замарать его кристально чистое имя. Адвокаты создадут легенду с «аргументами и фактами» о его невинности, а люди из других кабинетов пообещают «вытащить» товарища, если толь-

ко тот не сболтнет чего-нибудь лишнего. И, смотришь, дело вскоре закроют «в связи отсутствием состава преступления», или вообще отпустят досрочно за примерное поведение. Практикуется и другая тактика: миллиарды заработаны честным и упорным трудом.

В этой связи как не вспомнить чеканную, классическую формулировку Карла Маркса: «*Все крупные современные состояния нажиты нечестным путем*». Страшно даже подумывать, но, может быть, это утверждение давно устарело и «в отдельно взятых случаях» не соответствует действительности? А что, если крупные, и не очень крупные, состояния нажиты все-таки честным путем? Своими мозгами, руками, или, как футболисты, своими ногами. Например, состояния таких миллионеров недавнего прошлого, как династии Демидовых, Строгановых и Морозовых (в наше время они были бы миллиардерами), американцев Корнелиуса Вандербильта и Генри Форда, миллиардера наших дней Билла Гейтса?

Всем известно, что различные международные агентства, проводя рейтинги коррумпированности практически всех государств мира, публикуют их в порядке нарастания этого позорного показателя. Этим занимаются и многие журналисты. Например, итальянец Роберто Савиано, которого называют самым авторитетным экспертом в этой области, уверяет, что на звание мировой столицы казнокрадов и мошенников претен-

дует Лондон (уж не имеет ли он в виду наше «специфическое» землячество?) Не будем с ним спорить, итальянцам вполне можно доверять, они в этих вопросах всегда были большие доки. К сожалению, в эти рейтинги попадает и наша страна, причем находится в них далеко не на лучшем месте. И все же этим публикациям не следует слишком сильно доверять, особенно учитывая развернувшиеся в мире информационные войны. «С чувством глубокого удовлетворения» мы можем отметить, что в последнее время в стране, наконец-то, развернулась борьба с взяточничеством и коррупцией, за грубые нарушения антикоррупционного законодательства был уволен 461 чиновник! Рейтинг России неуклонно повышается, и будем надеяться, что в скором времени приблизится к таким странам, как наши соседи — Финляндия и Швеция. Но нельзя исключать, что при таких темпах борьбы с этим злом Михаилу Евграфовичу придется поспать еще несколько лет, чтобы, проснувшись, увидеть, что взяточничество в России раз и навсегда побеждено.

P.S. Читатель может подумать, что упомянутые в тексте господа ничем другим, кроме как взяточничеством и воровством, не занимались. Это далеко не так. Они немало сделали не только для себя, но и для пользы государства, просто удавалось совмещать одно с другим. Но об этом следует изучать уже совсем другие, более серьезные источники... □

Ольга Гаврилина

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОНАШКИ

*Все совпадения с настоящими именами и реальными событиями случайны
и являются фантазией автора.*

ГЛАВА 12

Следующее утро не принесло ничего нового — повторный допрос ребят был назначен на вторую половину дня, и все ждали заключения вскрытия тела утонувшей женщины.

Сидя в холле, Лола вдруг услышала у стойки администратора английскую речь и подумала: «Уж не английское ли телевидение заинтересовалось делом Монашки?» Но говоривший явно не был англичанином. Она поднялась с кресла и подошла к стойке — в руках мужчина держал темно-красную книжечку с российским гербом.

Администратор, не зная, видимо, других языков, кроме итальянского, с трудом пыталась объяснить, что паспорт она отдаст только после регистрации, и протянула ему ключ, но мужчина не уходил.

— Вас зарегистрируют и паспорт вернут, не беспокойтесь, — сказала Лола по-русски.

— Вы — русская, и знаете итальянский! Как же мне повезло! А то я в Риме измучился! — радостно воскликнул мужчина и, окинув Лолу внимательным взглядом, неожиданно попросил: — Не могли бы вы помочь мне с переводом? Я вам заплачу. — Дело конфиденциальное, поэтому... — Он замялся.

Окончание. Начало в №2, 2017 г.

— Что такое?!— тут же встрепенулась Лола.

— Видите ли, я — частный детектив, приехал на остров разыскивать одну женщину. Здесь кроме вас есть русские? — добавил он почти шепотом. — Не хочу, чтобы кто-нибудь еще слышал.

— Нет, я одна, — так же тихо ответила Лола.

— Сможете уделить мне несколько минут? Я бы вам все объяснил и фотографии показал.

— Хорошо, — кивнула она, прикидывая, стоит ли пройти в ресторан, где толпились журналисты, или остаться в холле, — давайте здесь присядем, — и подошла к одному из инкрустированных столиков со стопкой разноцветных журналов с краю.

— Вы на острове живете или как туристка приехали? — спросил мужчина, устраиваясь рядом с ней.

— Я из Рима, а на Искию приехала по делам.

— Давайте знакомиться. Николай Иванович, — протянул он руку.

— Ольга, — назвалась она, отвечая на рукопожатие.

Николай Иванович открыл портфель, достал из него несколько фотографий и разложил их перед ней.

— Вот эта женщина не вернулась из Италии, и я думаю, что не вернулась она отсюда, с Искии. Она была здесь с мужем и, как он уверяет, уехала вместе с ним в Рим, откуда он улетел на переговоры в Испанию, а она должна была вернуться в Россию, но не вернулась.

Взглянув на один из снимков, Лола вскрикнула и зажала ладошкой рот. С фотографии на нее смотрела Надежда из Казани. Они познакомились прошлым вечером в ресторане Убалдо. Надежда с каким-то хмурым мужчиной сидела за соседним столиком и все стреляла глазами в Стефано. А потом вообще пересела к ним и предложила ему прогулку на катере. Он вежливо отказался, поэтому более тесное знакомство так и не состоялось...

— Вы ее знаете? — впился в Лолу глазами Николай Иванович.

— Да, — одними губами ответила она, не сводя взгляда с фотографий.

На одной Надежда сидела за столом, держа в руке бокал с красным вином. На следующей она снята в полный рост, и этот снимок был сделан в России — на заднем плане виднелась белая стена, скорее всего, Казанского Кремля. А вот на последнем, снятом перед Колизеем, обнявшись, стояли Надежда и... Енцио, и женщина крепко прижималась к нему! Господи, они, оказывается, были хорошо знакомы! И не просто знакомы, они были любовниками!

— Ольга, вы меня слышите? — дотронулся до ее локтя Николай Иванович.

— Так Надежда в Казань не вернулась?! — ахнула Лола.

— Откуда вы знаете, что она из Казани?! — чуть не подпрыгнул от удивления сыщик.

— Я Надежду видела всего один раз, здесь в ресторане отеля, но она успела рассказать, что она из Казани, и что приехала с мужем по турпутевке в Рим, это все, что я помню.

— Кто-то еще присутствовал при вашем знакомстве?

— Да, в ресторане со мной находился мой оператор, Стефано, муж Надежды, официант и хозяин, — спокойно ответила Лола.

— Значит, муж присутствовал... — Николай Иванович задумался на какое-то время, а потом спросил: — Вы сказали «мой оператор», это что значит? Вы кем работаете?

— Я — журналистка и телеведущая криминальных программ на итальянском телевидении, — пришлось представиться Лоле.

— Русская, на итальянском телевидении?! — изумился Николай Иванович. — Час от часу не легче!

— А почему вы считаете, что Надежда здесь пропала, а не в Риме или в Москве, например, она ведь наверняка через Москву летела, не думаю, что в это время года есть прямые рейсы из Казани, — заметила Лола.

— Должна была вылететь, действительно, через Москву, только она туда не прилетала и на рейс не регистрировалась. Да и в Риме в гостинице не останавливалась, так что остается Иския.

— Я считаю, что мы можем быть взаимно полезны друг другу, так как я как раз занимаюсь поиском вот этого парня с вашей фотографии — Енцио Бротто.

— Что, он тоже пропал? — недоверчиво спросил Николай Иванович.

— Вот уже более двух недель назад. И не просто пропал, полиция считает, что его убили. Вчера взяли троих подозреваемых! А вам что известно об Енцио? — наседала Лола.

— Практически ничего. Отец Надежды нашел эту фотографию, запрятанную в ее личных вещах, она была сделана, когда год тому назад Надежда ездила в Рим. Фотографий было несколько, и все с этим Енцио. По всему видно, что они были любовниками. Когда муж их увидел, заорал, как резаный: «Вот с кем она удрала! Вот кого надо искать!» Конечно, проверять надо все, но я склоняюсь к другому мнению.

— К какому же?

— Если можно, я пока воздержусь от объяснений. Я бы хотел обратиться в местное отделение полиции, вы мне поможете с переводом? Может, у вас там и знакомые имеются? Я же понимаю, что здесь без личных связей вряд ли чего добьешься.

— А у меня другое предложение — вы мне даете фотографию, где изображены Енцио с Надеждой, и я показываю ее в своем репортаже с опре-

деленными комментариями и с просьбой сообщить, видел ли кто эту женщину. Представляете, сколько людей сразу увидят лицо Надежды?! Вы за десять лет такое количество не опросите! — Лола тут же прикинула, какой рейтинг оторвет на этой фотографии и на сообщении, что у Енцио была русская любовница. — Но если вы настаиваете на полиции, я готова пойти с вами в отделение.

— Конечно, для расследования это очень удачный ход, но мой работодатель просил о конфиденциальности, — с сомнением в голосе произнес Николай Иванович.

— Как же вы можете заниматься розыском, если все должно сохраняться в тайне?!— разозлилась Лола.

— Я попробую связаться с отцом Надежды и объяснить ему ситуацию, — сказал Николай Иванович, доставая мобильник и отходя в сторону. Говорил он тихо, отвернувшись к дверям, и, как ни старалась Лола, так ничего и не расслышала.

Она вдруг заметила, что среди журналистов началось странное оживление, голоса стали громче, многие потянулись к выходу.

— Получены данные аутопсии трупа женщины, — подошел к ней Стефано. — Тебе Дана, наверное, уже заключение сбросила, посмотри.— И положил Лоле на колени компьютер.

— Из-за этого шевеление среди наших коллег?— спросила она, глядя, как загорается экран.

— Да, только я очень надеюсь, что наша Дана оказалась на высоте, и мы первые будем посвящены в тайну вскрытия тела, — взглянул через ее плечо на дисплей Стефано и вдруг, встрепенувшись, махнул головой в сторону Николая Ивановича: — А это кто с тобой?

— Потом объясню. Готовься, сейчас в прямой эфир будем выходить! — быстро проговорила Лола и вдруг почувствовала какую-то необъяснимую тревогу, от которой сердце гулко забилося.

— Но ты же еще заключение не открыла, а уже в эфир рвешься! Откуда ты знаешь, что там что-то из ряда вон выходящее?

Она не успела ответить, к ним подошел Николай Иванович.

— А вот и мой оператор, Стефано, — представила его Лола и на всякий случай добавила: — Он не говорит по-русски.

— Можем показать фотографию Надежды, — сказал сыщик, вытирая платком вспотевший лоб, видимо, нелегко дался ему разговор с хозяином.

Текст заключения аутопсии занимал почти всю страницу, но в приложении Лола увидела фотографии. Она тут же вывела первую из них на экран — снимок медленно открывался, в верхней части показались при-

брежные камни и часть моря, сердце бухнуло в грудную клетку, от волнения заложило уши. Лола уже знала, что она увидит на дисплее.

ГЛАВА 13

— Черт подери! Так и не добились ничего внятного от этих ребят! — Боссети был вне себя от бешества. — Самые идеальные свидетели не говорят так складно и одинаково, как они! А парни совсем молодые, неопытные, неужели так трудно получить от них реальные показания? Ясно же, что они договорились!

Полицейские сидели понурившись.

— Ну, положим, не такие уж и неопытные, у двоих уже по два привода за хулиганство, — заметил Мауро.

— Что там по телефонным распечаткам? — уже спокойнее спросил Боссети.

— Ничего, — ответил один из братьев Гризанти, отрываясь от черчения квадратиков на белом листке бумаги. — С Енцио никто из ребят не созванивался, во всяком случае, за последний месяц.

— То, что Енцио и ребята были из разных компаний, все на острове знали, — уточнил Мауро.

— Дарио, самый старший из трех, перед праздником Монашки звонил Франческе всего один раз, а после исчезновения Енцио — еще три раза. Вот тут у меня точные числа и время. — Гризанти подвинул к себе распечатанную страницу. — Дружьями они с Франческой не были, так что вообще не понятно, зачем он ей звонил...

— А вы у него спрашивали? Насколько я помню, они угрожали Франческе, или все уже забыли?!

— Почему же, спрашивали, — примирительно проговорил Гризанти. — До праздника интересовались, правда ли, что ей главную роль дали, а потом, говорят, испугались, когда Енцио пропал, вот и созванивались несколько раз. Не хотели, чтобы о драке полиция узнала.

— Та-а-а-к, — протянул Боссети. — И что скажете? Где Енцио искать будем?

— Думаю, труп надо искать и собак-ищеек заказывать, — произнес Мауро, — без него мы не сможем ребяток прижать.

— Наконец-то дельное предложение. Значит, так: парней еще потрясти, собак из Неаполя заказать, и вот еще что, перепроверьте более тщательно записи с придорожных видеокамер в ночь праздника. Ведь не испарился же Енцио, в самом деле! — Боссети обвел подчиненных строгим

взглядом. — Все, переходим к Монашке. Что там у нас по аутопсии? — Он придвинул к себе компьютер. — Надеюсь, заключение все читали? Понимаете, что время смерти обнаруженной в море женщины имеет разницу в восемь часов со временем падения Монашки со стены замка, которое видела журналистка. Как могла женщина так долго продержаться в воде?

— Тем более без спасательного жилета, — вставил Мауро.

— Вскрытие подтвердило асфиксическое утопление. Совершенно четкая картина, в легких морская вода и все остальное, как положено в таких случаях. Что она делала восемь часов в море? Как выдержала? И почему потом утонула?

— Как мы знаем, ей удалось скинуть верхнюю одежду, и, если она схватилась за торчащий из моря каменный мыс, каких здесь много, то возможно... — попытался выстроить картину происшедшего Мауро.

— А как мы ее могли не заметить, ведь прошерстили весь залив, да и рыбаки помогали с поисками? Вот вопрос! — перебил его младший Гризанти. — Да и площадь поиска была относительно небольшая.

— Получается, что Монашка бросилась со стены где-то в двенадцать-пятнадцать ночи, когда поступил звонок от журналистки. По заключению экспертов, смерть наступила в 7.40–8.20 утра, то есть почти через восемь часов. Мы обнаружили тело примерно в 9.15, через каких-то час-полтора после того, как она утонула. Что-то здесь не складывается, не нравится мне этот промежуток во времени между звонком журналистки и временем смерти. Да еще эти пятна на теле от ударов, то ли о камни при падении, а то ли еще отчего-то... Видите, как они пишут, чтобы себя обезопасить: «Пятна на теле женщины могут соответствовать ударам от подводных камней». — Боссети выделил слово «могут». — А нам остается только гадать, ударилась она о камни, или ее стукнул кто-то.

— А кто ее мог стукнуть? Кроме сторожа замка там больше не было никого! — сказал старший Гризанти.

— А откуда ты знаешь, что не было? Ты со стариком поговорил и в порт спокойненько вернулся! Ты же крепость тогда ночью не проверял?! — вспылил младший.

Братья, как всегда, завелись не на шутку.

— Хватит! — остановил их начальник. — А ведь журналистка эта уже побывала в замке и, насколько я помню, рассказала, что там за ними кто-то следил. — Он раздраженно закрыл компьютер. — Кто место падения Монашки обследовал?

— Я! — четко ответил один из братьев. — Ничего подозрительного обнаружено не было, точнее, вообще ничего. Ни следов, ни предметов, ни свежих сколов на стене.

— Ты со стариком еще раз переговорил?

— Да. Повторил все то же: «Спал, ничего не слышал, в замке был один, никому дверь не открывал».

— Понятно, — проговорил Боссети. — А что вы скажете по поводу кадров с упавшей со стены монашкой?

Все отвели глаза — младший Гризанти усиленно зачертил квадратики на листе, старший тут же подошел к окну прикрыть жалюзи, а Мауро углубился в распечатки телефонных звонков.

— Мистика какая-то, — сам себе ответил начальник.

— Вот и я так думаю, — сразу подхватил Гризанти. — Только привидение может пройти на такой высоте и по такой узкой стене! Да и по кадрам видно...

— Что же видно по кадрам? — свел брови Боссети.

— Фильм отправлен на изучение специалистам в Неаполь, — выручил Гризанти Мауро, не дав ему окончательно уйти в область фантастики. — Но я и без аппаратуры могу утверждать, что Монашка на стене выглядит худее и невесомее утонувшей женщины, — уверенно заявил он.

— Я бы так не сказал, — заметил старший Гризанти, — это все из-за летящей походки.

— Походка привидения! — брякнул младший брат.

— Хватит уже! Вы в полиции работаете или за призраками охотитесь?! — возмутился Боссети. — Никаких запросов на пропавших людей не поступало, не из гостиниц, не от туристов?

— Нет, — ответил Мауро. — Кто она такая, черт ее знает...

— Фотографии утонувшей разослали по всем отделениям Италии, я надеюсь, или только в Неаполь отправили, как всегда? — спросил Боссети.

— Да нет, по всем отделам разослали, — ответил Гризанти.

Вдруг раздался стук в дверь, и в кабинет заглянул совершенно лысый полицейский:

— Извините, там журналистка эта по телевизору говорит...

— Не до журналистки нам сейчас, не видишь, у нас совещание! — рявкнул Боссети.

— Так она уверяет, что знает личность утонувшей женщины! — выпалил полицейский.

— Как это знает?! — повскакали все со своих мест. — Да что она может знать? Обычная журналистская «утка»!

— Да вы сами послушайте! — осмелел лысый.

— Пойдем посмотрим, что там такое, — поднялся Боссети, и полицейские направились в комнату отдыха, где стоял телевизор.

— Они познакомились в Риме и влюбились друг в друга, — говорила Лола на фоне замка, которой стал визитной карточкой этого дела.

— О ком это она? — спросил один из Гризанти.

— Сейчас, сейчас, слушайте дальше! — проговорил лысый полицейский.

— Пропал Енцио, утонула Надежда, могло ли это быть случайностью? Посмотрите еще раз на эту фотографию и запомните их улыбки.

На экране возникло изображение Колизея, перед которым стояли, обнявшись, Енцио и грудастая блондинка.

— Это она самая! Утонувшая женщина! — завопил один из братьев Гризанти.

— Так они были знакомы! — вторил ему второй.

— Откуда она взяла это фото?! — негодовал Мауро.

Репортаж закончился, и все ошарашено замолчали.

— Журналистку в участок! Сейчас же! Вместе с этим материалом! — скомандовал Боссети.

— Есть! — радостно отозвались братья Гризанти и бросились к выходу.

— Стоять! — гаркнул начальник. — Пусть этим Мауро займется. А то я вас знаю, подлетите с сиренами, да еще и наручники не забудете! А здесь совсем не тот случай.

ГЛАВА 14

Закончив прямой эфир, Лола подошла к Николаю Ивановичу. На него было жалко смотреть.

— Как я ее отцу скажу?! Как?! Бедная Надежда! Поехал разыскивать сбежавшую женщину, а нашел труп! — Он переступал с ноги на ногу и нервно проводил руками по ежику волос, словно пытался собраться с мыслями.

— Не переживайте вы так, — сказала Лола, — вы же ни в чем не виноваты!

— Были у меня подозрения, были! Но как хозяину о таком скажешь?!

— Знаете, что? Давайте сделаем по-русски. Пойдемте все вместе в бар, выпьем по чуть-чуть, вы успокоитесь, а потом и отцу Надежды позвоните. — После «убойного репортажа», как назвал ее выход в эфир директор канала, у Лолы было прекрасное настроение. Она взяла Николая Ивановича под руку: — Не волнуйтесь, вы же задание выполнили, нашли Надежду.

— Видите ли, мой хозяин когда-то был моим начальником и даже другом, в некотором роде, им и остался. А Надежда... Надежда, можно сказать, росла на моих глазах... — Николай Иванович странно хрюкнул, и Лола поняла, что он вот-вот заплачет.

Они зашли в бар, все столики были заняты журналистами, но в дальнем углу нашелся один свободный, за которым они и устроились. Лола заказа-

ла для себя чашечку кофе, Николаю Ивановичу виски, и, с удовлетворением наблюдая, как с каждым глотком виски сыщик приходит в себя, подумала о том, что алкоголь для русского человека был и останется лучшим лекарством.

— Ба!! Кто к нам пожаловал! — вдруг воскликнул кто-то из журналистов.

Лола оглянулась — за ее спиной стоял заместитель начальника полиции Мауро.

— Можно вас на минутку? — вежливо обратился он к журналистке и, отводя ее в сторону, пояснил: — У меня задание доставить вас в участок.

— То есть, как в участок?! И интересно бы знать, за что?! — возмутилась Лола.

— Я, наверное, не совсем правильно выразился... Наш начальник хочет с вами переговорить, срочно! — Мауро неловко переступал с ноги на ногу.

— А если я не поеду? — Она прищурилась, прикидывая, как лучше поступить.

— Можно, конечно, и здесь вам несколько вопросов задать, но сами видите, какая тут обстановка, так что лучше к начальнику. Это по поводу фотографии Надежды и всего, что с ней связано, — утончил он.

— Хорошо, — кивнула Лола, — только ребят предупреджу. — Она быстро вернулась к столу и тихо попросила Стефано: — Я в полицию ненадолго. Ты здесь за Николаем Ивановичем присмотри, пожалуйста. А вы не забудьте отцу Надежды позвонить, — уже по-русски обратилась она к слегка опьяневшему сыщику.

Мауро и Лола направились к выходу.

— Я за вами на мотоцикле приехал, вы не против? — сказал он, протягивая ей шлем.

Она высоко подняла ногу, перемахнула через обтянутое кожей сиденье, уселась на место, вцепившись в бока полицейского, и мотор тут же взревел...

Боссети уже ждал их. Разговор затянулся, а когда полицейские узнали, что Лола видела Надежду накануне убийства в ресторане, вопросы посыпались с новой силой.

Отвечая спокойно и обстоятельно, она не забывала про свою программу и, пользуясь доброжелательной обстановкой, исподволь узнала подробности, которые могли ей пригодиться в передаче.

Зачем Надежде понадобилось нестись после ужина в замок, лезть там на стену, а потом прыгать вниз, даже с учетом всех открывшихся обстоятельств, никто не имел ни малейшего представления.

Версию братьев Гризанти, что, узнав о пропаже Енцио, влюбленная в него Надежда решила покончить жизнь самоубийством, все дружно

отвергли. Женщина не только не была на празднике, но и не знала о сопутствующей ему легенде, и могла бы свести счеты с жизнью более доступным и простым способом.

Учитывая, что Надежда была сильно пьяна, никто не исключал, что она могла просто свалиться со стены. Но на вопрос, как и зачем она там оказалась, ответа ни у кого не было.

— Но именно муж Надежды, со слов Николая Ивановича, сообщил, что оставил ее в гостинице Рима, когда, на самом деле, она была уже мертва. Это вам ни о чем не говорит?— заметила Лола.

— Могло бы сказать, если бы мы знали, кто такой этот внезапно появившийся у нас на острове Николай Иванович, раз события мы можем восстановить только с его слов.

— Он — частный сыщик, его отец Надежды нанял, — пояснила журналистка.

— Надо с Римом связываться, отправлять снимки, где Надежда и Енцио вместе перед Колизеем, мы теперь все данные Надежды знаем, так что пусть и римская полиция напряжется, проверит, где они «наследили». Может быть, Енцио мобильник новый купил и давно по Риму разгуливает с другой красоткой, — сказал Боссети.

— Мы все камеры в портах проверили, его нигде нет, так что он должен быть где-то на острове, — напомнил Мауро.

— Все, пора закругляться, — устало проговорил Боссети, — голова уже кругом идет.

Мауро захлопнул компьютер, Гризанти толкнул локтем клевавшего носом младшего брата.

Последнее, что удалось узнать Лоле, — на завтра была назначена очная ставка троих ребят, подозреваемых в убийстве Енцио, с Франческой, о чем никому из журналистов еще не было известно.

Пообещав привезти в участок Николая Ивановича и договорившись о взаимном сотрудничестве, она распрощалась с полицейскими и вышла к Мауро, который пообещал довезти ее до отеля.

Войдя в полутемный холл — все постояльцы отеля давно уже спали — Лола вдруг услышала голос, доносившийся из кабинета Убалдо:

— А что будем с Монашкой делать?!

Она остановилась, затаив дыхание, и прислушалась.

— То есть, как нельзя?! А что полиция?! Что они могут сделать?! Вы же не хотите это все бросить, когда все так удачно закрутилось! — взволнованно говорил хозяин гостиницы, затем, немного успокоившись, добавил: — Ну, хорошо, давай еще подумаем, только не долго. — Положив трубку, он подошел к двери.

Лола стремглав кинулась к лестнице и, стараясь не шуметь, побежала в свой номер.

ГЛАВА 15

Черт подери! Только этого еще не хватало! Пропал Николай Иванович! Никто не видел, куда и когда ушел сыщик. На завтраке он не появлялся, ключ от номера не оставлял, на стук в дверь не отвечал.

Куда он мог пойти так рано? Ребята из Неаполя сказали, что все разошлись в первом часу после грандиозного спора о демократии, который затеял сам Николай Иванович, и в котором под конец приняли участие все присутствующие в баре, даже не знавшие английский.

— Надо бы двадцать пятый номер открыть, — подошла Лола к хозяину, — проверить, не случилось ли чего.

— А что такое?!— взволновался Убалдо.

— Да я еще накануне договорилась с Николаем Ивановичем, что в полицию его подвезу, а он пропал!

— Ну, уж, так и пропал, отошел человек, вот и все, — успокоил Лолу хозяин.

— Давайте все-таки дверь его номера откроем, — попросила она, — что-то мне после здешних событий неспокойно.

Они поднялись на второй этаж, и Лола, на всякий случай, еще раз постучала в дверь.

Убалдо открыл номер запасным ключом. Комната была пуста. Кровать аккуратно заправлена, двери на балкон закрыты, занавески задернуты. Лола прошла в ванную комнату — ни зубной щетки, ни бритвенного прибора.

А где его вещи?

Она открыла левую створку шкафа — полки были пусты.

— Уехал и не заплатил! — возмутился Убалдо. — Где я его теперь буду искать?! Ну, есть у меня копия его паспорта, и что?! Паспорт-то русский, кто мне заплатит!

Открыв другую створку, Лола увидела внизу серую сумку и показала на нее хозяину:

— Нет, он не уехал, вот его вещи.

— Ну, ну... — Убалдо с подозрением оглядел убранную комнату.

И где теперь искать Николая Ивановича? День расписан по минутам, а обещание привезти сыщика в участок отменять было не желательно.

Закрыв номер на ключ, они спустились в холл. Лола ходила кругами по помещению и не знала, что делать.

— Ты случайно не сыщика русского ждешь? — подошел к ней журналист из Неаполя.

— Да! А где он? Ты его видел?

— Только что, в баре на площади. Если я правильно понял, он там тебя дожидается.

— Спасибо! — Она выскочила на улицу и побежала к своей машине.

Лола еще издали увидела Николая Ивановича, он сильно выделялся среди расслабленных туристов, сидящих за столиками на улице.

— Здравствуйте! А я вас в гостинице ищу! — с укором проговорила она, подходя к сыщику.

— Извините, что поменял место дислокации, но здесь я вам смогу объяснить все наглядно. Думаю, что я разобрался в смерти Надежды, — придвинул ей стул Николай Иванович. От его вчерашних переживаний не осталось и следа, голос сыщика был тверд, как у человека, уверенного, что он решил сложную задачу. — Когда вы мне рассказывали, как познакомились с ней, то обмолвились, что на другой день, перед отъездом с Искии, она с мужем собиралась на прогулку на катере, даже вашего оператора приглашала.

— Да, было такое, — подтвердила Лола.

— Для меня эта прогулка стала ответом на основной вопрос, оставалось только проверить кое-какие детали, что я и сделал сегодня утром.

— Я догадываюсь, вы имеете в виду, что она утонула во время этой поездки на катере. Но есть момент, о котором я вам не говорила, а вы не могли его знать, — я видела, как погибла Надежда!

— То есть, как?! — Лицо Николая Ивановича выразило искреннее удивление.

— Знаете что? Рассказывайте сначала вы вашу версию, а потом я расскажу, что видела. Возможно, общими усилиями мы сможем объяснить, что же все-таки произошло.

— Я только что посмотрел место, где нашли тело Надежды, поговорил, как смог, с хозяином моторной лодки, которую арендовали Надежда с мужем, и, наконец, проработал фотографии тела и заключение экспертов по аутопсии, перевод которого вы мне сделали. Мой вывод однозначен — муж ударил Надежду веслом по голове и столкнул в воду.

— Интересный подход! — Мысли Лолы закрутились в бешеном хороводе: «А мы все заклинились на этой легенде! Но я же видела, как она полетела со стены! Спокойно, спокойно! — осадил она себя. — Посмотрим, что там он дальше скажет».

— Если учесть, что муж Надежды материально полностью зависел от нее, точнее от ее отца, на фирме которого работал в должности генераль-

ного директора, и что его секретарша ждала от него ребенка, рождение которого повлекло бы за собой огромный скандал, с моментальным увольнением и разводом, то все очень похоже на правду. — Договорив, Николай Иванович допил кофе и вопросительно посмотрел на Лолу: — Теперь ваша очередь.

— Да-а-а,— озадачено протянула она. — А если прибавить к этому, что муж узнал о связи Надежды с Енцио. Кому же захочется быть рогатым, даже если у тебя самого есть любовница! Что касается меня, я видела ночью со своего балкона, как женщина в белом ходила по стене замка, а потом упала в море. А на следующее утро, в заливе, прямо напротив крепости, было обнаружено тело утонувшей Надежды. Вот так...

— Но этого не может быть! Всю ночь Надежда провела в своем номере, она не могла свалиться ни с какой стены, так как на другой день, рано утром, живая и здоровая, поехала с мужем на катере вокруг острова, — уверенно заявил Николай Иванович.

— Черт подери! Почему до сих пор никто не связал эти два обстоятельства? Я даже не помню, говорила ли я про намечавшуюся водную прогулку Надежды в полицию... Теперь понятно, что никто не бултыхался в воде восемь часов с двенадцати до восьми! Муж столкнул Надежду в море утром, что совпадает со временем смерти! Но кто же тогда упал со стены?!!

— А это уже вам расследовать, — сказал Николай Иванович, — и я хотел бы попросить вас еще раз переговорить с рыбаком, у которого Надежда с мужем лодку на прокат брали.

Рыбак оказался худым, как жердь, мужчиной лет сорока, одетым в черную робу, и с ярко-красной банданой на голове, оттеняющей его загорелое и обветренное лицо.

— Я их уже накануне возил, этих русских, замок со стороны моря показывал. Но уже поздновато было, вот и договорились, что завтра утром подойдут, и я им ключи дам, сами вокруг острова поплывут. Мужчина управляться с моторкой умел, а у меня дел по горло, вот и решили, что они сами поедут. Так и сделали, я ему ключи, а он мне паспорт оставил. Я же вам все уже рассказывал, — обратился он к Николаю Ивановичу, — мне показалось, что вы все поняли.

— Ключевой вопрос — видел ли он их обоих, когда они вернулись? Я так понял, что нет, но надо бы уточнить, — попросил Лолу Николай Иванович.

— Скажите, а вы видели женщину, когда они ключи брали и когда вернулись? — спросила она у рыбака.

— За ключами он подошел один, но, когда я показывал, где лодка стоит, видел женщину на набережной.

— А потом?

— Потом, где-то через час-полтора, они вернулись, он показал, где лодку поставил, расплатился и паспорт забрал. Я так понял, что они уже уезжали, так что женщина пошла к машине.

— Говорит, что женщина направилась к машине, — обескуражено перевела Лола.

— Что?! Он сам это видел? — заволновался сыщик.

— Вы ее видели или нет, когда они с прогулки вернулись? — наседала Лола.

— Нет, не видел, но какое это имеет значение, раз они на паром спешили. Чего здесь странного?

— Не видел, — перевела Лола и уже от себя добавила: — Можно на лодку посмотреть?

— Так ведь смотрели уже! Вон она! — Рыбак привстал и показал рукой на качающийся на воде ряд лодок и катеров.

— Пойдемте, я вам покажу, — сказал Николай Иванович.

— Сейчас, секунду, мне еще один вопрос надо выяснить. — Лола повернулась к рыбаку и спросила: — А вы передачу видели, где показывали фотографию этой женщины вместе с вашим Енцио?

— Может, и видел, не помню, — недовольно пробурчал он.

— А почему в полицию не заявили?

— О чем? Промелькнуло какое-то изображение на экране, я и разобрать не успел!

— У вас фотографии с собой? — повернулась Лола к сыщику. — Дайте мне ту, где Надежда с Енцио снята. Николай Иванович протянул ей снимок, и она тут же сунула его под нос рыбаку: — Эта женщина?!

— Вроде эта, ну и что? — ответил он, меланхолично перебирая сеть.

— Я вам полицию пришлю, подтвердите им! — Лола завелась не на шутку.

— Присылайте, расскажу что знаю, а сам не пойду, — невозмутимо ответил рыбак.

— Полицию нигде не любят, но не до такой же степени! Когда речь идет о жизни и смерти! Как это можно, не понимаю! — негодовала Лола, пока они подходили к лодке.

— Вот эта! — Николай Иванович указал на недавно выкрашенную голубую моторную лодку. На дне ее лежали весла, на случай, если забарахлит мотор. — Весла я проверял, никаких пятен и волос на них нет, наверняка морем отмыло.

Буквально все встало на свои места.

Но кто же упал со стены замка?! И где искать Енцио?

Лола подъехала к участку полиции и припарковалась у самого входа.

Николай Иванович с трудом выбрался из «смарта», и они сразу прошли в кабинет начальника, где все уже были в сборе.

— Я вам Николая Ивановича оставляю на растерзание, — пошутила Лола, — а сама, с вашего позволения, уеду, мне на студию нужно. Он вам здорово облегчил работу, найдя убийцу Надежды, — не удержавшись, съехидничала она, — а вам осталась самая малость — определить, кто же упал со стены замка и найти Енцио.

Полицейские вопросительно переглянулись и погрустнели.

— Можно вас на секунду? — обратилась она к Мауро.

Он молча вышел за ней в коридор.

— Я вас хочу пригласить на свою программу, начальник вас отпустит?

— Правда?! Прямо туда, на телевидение?! — Он покраснел и расплылся в довольной улыбке.

— Да, прямо туда. Передача будет посвящена делу Енцио, Монашке, ну, и расследованию убийства Надежды.

— Убийства?! Это вам русский сыщик сказал? — сразу занервничал полицейский.

— Да, Николай Иванович. Он вам сейчас сам все расскажет. Ну, так что, придете на мою программу?

— Не знаю... А о чем говорить, если вы уже в курсе всего расследования!

— Я жду вашего звонка с подтверждением, вот моя визитка. — Лола протянула ему твердую карточку с темно-синим текстом. — Если вам нужен официальный запрос с канала, я вам вышлю сразу же, только скажите, — улыбнулась она на прощание.

ГЛАВА 16

Лола вернулась в гостиницу и, зайдя в свой номер, сразу прошла на балкон. Арагонезский замок загадочно смотрел на нее, поблескивая на солнце серебристыми от воды и старого мха стенами.

— Давно не виделись! — приветствовала его Лола и села в плетеный стул, стоящий тут же. — Ну, как ты? Все сторожишь свои тайны?

Она откинулась на спинку, прикрыла глаза, греясь на мягком весеннем солнце, и уже почти задремала, как в кармане куртки заиграл и задергался мобильник. Это звонила Дана.

— Лол, пока новостей никаких, я у техников задержусь, — сказала она.

— Хорошо. — Двигаться не хотелось, Лола подставила лицо теплым солнечным лучам и снова бросила мимолетный взгляд на замок. Он смотрел на нее строго и как-то укоризненно.

Вдруг на стене она заметила какое-то странное шевеление и внимательно присмотрелась — за старинной кладкой стоял человек, его голова и плечи ясно выступали над неровной каменной поверхностью, седые волосы серебрились на солнце.

Это же сторож!

Лола боялась пошевелиться, фотоаппарат был на самом дне сумки — пока вытащит его, старик уже скроется...

Вот он двинул плечами и наклонился вниз.

Боже!! Да не прыгать же он собрался!!

— Эй!! — изо всех сил крикнула она, надеясь, что вода разнесет эхо, и, возможно, сторож ее услышит, и замахала руками: — Эй! Что вы делаете!

Кажется, он обратил на Лолу внимание и распрямился, но неожиданно опять нагнулся и демонстративно бросил что-то в море, потом еще и еще. Вниз летели какие-то палки, тряпки и, наконец, что-то круглое, похожее на пузатую вазу.

Лола не выдержала, подскочила к сумке, одним рывком раскрыла молнию, выхватила фотокамеру и кинулась на балкон, — на стене уже никого не было.

«Надеюсь, он не спрыгнул в воду, пока я с сумкой возилась», — с ужасом подумала она, приглядываясь к тому месту, где только что виднелась голова старика. Затем опустила взгляд к морю — на волнах плавали какие-то предметы и несколько белых тряпок.

Лола быстро спустилась в гостиничный холл, который, как нарочно, был пуст, только один хозяин стоял за стойкой ресепшен.

— Вы сторожа на крепостной стене сейчас не видели? — спросила она.

— Опять этот сторож! — Убалдо подошел к окну и недовольно проговорил: — Нет там никого.

— Я только что наблюдала, как старик какие-то вещи в воду выкидывал... А потом отошла на секунду, а его уже нет, вот думаю, не бросился ли он вниз...

— Вещи, говорите, бросал? — Хозяин надвигался на Лолу, глаза его сверкали злобой.

Она попятилась и мысленно отругала себя, вспомнив ночной разговор хозяина о Монашке и о том, что полиция, по его мнению, ничего не сможет сделать. Положение спас громкий голос, произнесший:

— Привет! — В холле стоял знакомый журналист из Неаполя.

Убалдо молча уставился в окно, и Лола перевела дыхание.

— Привет! — облегченно ответила она.

— Всей группой твою программу вчера смотрели. Поздравляю! Динамично, да и с гостями на этот раз угадала, — сказал журналист.

Комплимент был какой-то половинчатый, и Лола немного огорчилась. Это как понимать? Значит, обычно она приглашает не понятно кого, а на этот раз, наконец, угадала? Вот и не скажет, что видела на стене крепости старика. А вдруг он действительно вниз прыгнул, пока она за фотокамерой отбежала? Может, все-таки позвонить в полицию?

— С тобой все нормально? — спросил он, с недоумением глядя на ее напрягшееся лицо, и тут же ревностно поинтересовался: — Или опять эксклюзив «нарыть» успела?

— Еще нет, но очень надеюсь, — ответила Лола и поспешно направилась к дверям.

— Чего-то она странная какая-то... — обратился парень к Убалдо.

— Да не знаю... вроде опять что-то на замке увидела.

— Опять! На замке!!! А что она там углядела-то?! — разволновался неаполитанец.

Выйдя на улицу, Лола решила посоветоваться с Даной и набрала ее номер.

— А я тебе звонить собиралась! — взволнованно проговорила та. — Подъезжай в участок, есть новости!

— Прямо в участок? Они что, пресс-конференцию устраивают?

— Да нет! Мы же теперь сотрудничаем с местной полицией, так что они нас обещали первыми информацией снабдить!

— Еду!

Подъехав к участку, Лола увидела, что небольшая парковка перед входом полностью забита машинами, и стала прикидывать, куда же приткнуться своей «смарт».

— Эй! Остановись на секунду, я сяду! — услышала она крик непонятно откуда вынырнувшей Даны.

— А что, в полиции нас уже не ждут? — притормозила Лола. — Что, уже дружба врозь?

— Да нет! К ним внезапно начальство из Неаполя нагрянуло, так что встреча отменяется. Но они мне все рассказали. Давай остановимся где-нибудь в тихом месте. Да вот, хотя бы и здесь. — Дана махнула рукой в сторону стоявших на краю откоса скамеек.

Лола втиснула машину между каменным столбиком, ограждающим обрыв, и стволом лимонного дерева.

— Тепло-то как! Чувствуешь? — Дана уселась на высокую лавку и стала болтать ногами. — А красота какая!

Впереди, до самого горизонта блесло гладкое, без единой волны, море. Замка не было видно, он остался за холмом справа.

— Давай, выкладывай, что там полиция нарыла, да и у меня кое-что есть, хотела с тобой посоветоваться, — прервала Лола восторженные излияния Даны.

— Значит, так. Удивительная это вещь реклама!

— При чем тут реклама? Что ты городишь!

— Пришел ответ из Неаполя по нашему фильму, если его так можно назвать, где Монашка падает в море.

— Ну, и? — не выдержала Лола.

— Мне даже показали увеличенные во много раз распечатки. — Дана замолкла, посмотрела куда-то вдаль и вдруг выпалила: — Это не человек!

— Как?! А кто?! Привидение?! Нет! Не может быть!

— Это искусно сделанная кукла!

— Кукла?! Черт подери, как я сразу не догадалась! Вот откуда эта странная летящая нечеловеческая походка! Эти неживые глаза и лицо чересчур темное!

— Небольшая группа местных хозяев прогорающих отелей, ресторанов и магазинчиков решила воспользоваться приездом столичных журналистов и создать настоящий миф Монашки для притягивания туристов, — продолжила Дана. — И для этого задействовала сторожа замка, который, как выяснилось, приехал сюда из Сицилии, где работал в известном театре марионеток, в отделе по ремонту и производству кукол.

— Но, насколько я знаю, кукловод обычно стоит рядом с марионеткой, а здесь он, скорее всего, куклу снизу держал, — заметила Лола.

— Да, именно так, — подтвердила Дана. — Старик лицо постарался сделать, а все остальные части закрепил на длинной палке и надел сверху белую рубашку. Все происходило на достаточно далеком расстоянии, поэтому и производило жуткое впечатление чего-то загадочного и необъяснимого. Рано или поздно эта мистификация, конечно, выплыла бы наружу, что и произошло. Но дело сделано, туристы повалили на остров. Компания заговорщиков предполагала, что обман раскроется, но особенно не волновалась. Зная, что за розыгрыш еще никого не забирали в полицию, они решили продолжить появление куклы-Монашки даже после того, когда все узнают, что это не приведение, а обыкновенная марионетка. Для гостей острова это могло стать неплохой приманкой, тем более что история обросла предыдущими событиями. А как на острове умеют раздувать слухи, ты сама видела.

— Но, похоже, у этой компании что-то со стариком-кукловодом не срослось! — задумчиво произнесла Лола.

— А ты откуда знаешь?

— Наблюдала, как он куски куклы в море бросал, причем делал это демонстративно, видел, что я на него смотрю. Только я тогда не поняла, что это всего лишь кукла.

— Они сторожу денег пообещали за появление Монашки, а он и рад был свою старую профессию вспомнить. Но потом, когда в дело вмеша-

лась полиция, да еще тело утонувшей Надежды обнаружили, старик, как он рассказал Мауро, просто испугался и отказался от дальнейшего представления, но это с его слов, а со слов организатора всего действия, сторож запросил двойную ставку, мотивируя это тем, что ему надо сделать новую куклу. И тут среди группы заговорщиков начался «разброд и шатание» — кто-то считал, что им ничего не грозит, и надо продолжать игру с куклой, а кто-то засомневался и предложил переждать, пока полиция успокоится. Кстати, Убалдо, хозяин нашего отеля, был основным координатором и сообщал, где ты находишься, чтобы в нужный момент Монашку на стену вывести так, чтобы ты могла хорошенько ее разглядеть.

— А когда я видела падение женщины, старик не удержал куклу, и она у него упала в море. Вот как, оказывается, все просто.

— Правильно, именно это он и подтвердил полиции, — кивнула Дана.

— Все, — решительно поднялась Лола, — готовим репортаж по кукле-монашке. Пора открыть глаза зрителям и объяснить, что здесь не было никакой мистики, а всего лишь самый обыкновенный рекламный ход. Я надеюсь, что этой информацией еще никто не обладает?

— Думаю, нет. Но лучше поторопиться, кто их знает, какие там связи у неаполитанских журналистов.

Они сели в машину, и Лола набрала Стефано:

— Заказывай прямой эфир с площади напротив замка, через полчаса мы туда подъедем и окончательно обсудим все детали.

ГЛАВА 17

Все встало на свои места — и убийство Надежды ее мужем, и совсем не относящееся к нему падение куклы; и странное поведение хозяина гостиницы, и сцена с Монашкой, устроенная сторожем замка на его стенах, который, как выяснилось, действительно подслушивал и следил, пытаюсь понять, догадались ли эти столичные журналисты о том, что Монашкой на самом деле была всего лишь сделанная им кукла, и невообразимые слухи, распускаемые группой заговорщиков и подхваченные остальными жителями острова. Все сложилось и получило свое логическое объяснение, и только история с Енцио продолжала топтаться на месте.

Его отец, Карло, ездивший, по слухам, в Неаполь подстегнуть из центра местную полицию, вернулся на Искию вместе с начальством. Но пока и эти его усилия ничего не привнесли в выяснение обстоятельств исчезновения сына.

Лола открыла глаза и блаженно потянулась. Первое, что она увидела, — все тот же сказочный замок, царственно возвышавшийся над морем.

Она потянулась, вскочила с кровати и быстро натянула на себя джинсы. Пока чистила зубы, план сложился сам собой — еще раз проверить тот пяточок, а, главное, само кладбище, поговорить со зрителем, и, если не будет ничего интересного, после обеда вернуться в Рим, устроить Николе сюрприз!

Дана и Стефано отпросились у нее и пошли в бассейн. Лола в полном одиночестве позавтракала в баре. Несколько неаполитанских журналистов натужно поздоровались, проходя мимо ее столика. Она понимала их недовольство — обыграть команду на их поле вдвойне неприятно для хозяев, а ей это удалось! Конечно, спасибо Дане, успевшей подскочить в участок до приезда начальства из Неаполя, а то не видать бы им эксклюзива! Но только она, Лола, запустившая в эфир историю с появлением и падением Монашки, должна была преподнести зрителю полное разоблачение этого загадочного события и рассказать о стороже, сделанной им кукле и заговоре предпринимателей Искии. Что она с успехом и сделала!

Лола допила кофе и поднялась, кинув мимолетный взгляд на замок — на стене виднелись головы посетителей и вспышки фотоаппаратов.

«Надеюсь, мой последний репортаж не отобьет охоту у туристов приезжать на остров», подумала она, выходя из бара и направляясь к машине...

Кладбищенская калитка открылась с легким скрипом. Высокие кипарисы встретили Лолу тихим шорохом ветвей, кругом не было ни души. Лола невольно сжалась, ступая на центральную дорожку и оглядываясь. Почему-то ей совсем не хотелось опять столкнуться с садовником.

— Ах, карнавал, цветной карнавал! — послышался чей-то веселый голос из-за дальней часовни.

Очень интересно! Вокруг могилы, а кто-то вспомнил про карнавал!

— Здравствуйте! — поздоровался с ней уже знакомый садовник, появившийся на соседней тропинке. Лоб его, казалось, дергался еще больше, белесые брови поднимались и опускались, невразумительные глаза смотрели в сторону.

Да здесь полно народу, подумала Лола, отвечая на приветствие и прислушиваясь к песне.

— Кругом улыбки и шумные танцы! — выводил дальний голос, набирая силу.

— А кто это поет? — спросила она.

— Это падре Грациано, он из Бразилии у нас, — с гордостью пояснил садовник, переминаясь с ноги на ногу.

Не успел он договорить, как на дорожке показался человек в длинной одежде и с зеленой лейкой в руке. Лола сразу узнала падре, судившего

игру мальчишек на футбольном поле за церковью. Распевая в полный голос, он, с изяществом профессионального танцовщика, отбил несколько па «степа» на коричневой плитке.

Лола застыла в изумлении, а падре, слегка сконфузившись, улыбнулся.

— Пусть и они повеселятся немного, — указал он на блеклые фотографии на мраморных досках.

— Конечно, конечно, — обескуражено ответила Лола. — А когда здесь последний раз кого-то хоронили, можно узнать?

— Три дня назад, — без всякой грусти ответил падре Грациано, — Лучию Цаникели, один год до ста лет не дожидая и умерла легко, во сне.

«Это совсем по времени не подходит», — подумала Лола и уточнила: — А до этого, не помните?

— А до этого точно не помню, но не меньше полугода.

— У нас ведь еще одно кладбище на острове, — вставил служитель, нервно раскачиваясь.

— А во время праздника Монашки вы ничего странного здесь не заметили? Сами видите, что след Енцио заканчивается совсем близко.

— Что мы здесь можем заметить, праздник-то начался вечером и чуть ли не до утра продолжался, а мы здесь ночью не гуляем.

— А на другой день? — не сдавалась Лола.

— Я сюда каждый день не хожу, а вот Джованни... — Падре повернулся к служителю.

— Я — да, работал здесь, цветы поливал... Все было, как всегда, — сбивчиво произнес садовник.

— И правда, ты же в пароккии тогда пару дней ночевал, ничего не слышал? — спросил падре.

— Нет, ничего не слышал, — неуверенно ответил служитель, и лицо его испуганно сморщилось.

Они медленно продвигались вперед по центральной дорожке. Солнце пригревало совсем по-летнему. Лола рассматривала причудливые часовни.

— А пароккия где находится? — спросила она.

— Так здесь совсем рядом, к церкви пристроена со стороны кладбища. — Падре вытянул шею и, поднявшись на цыпочки, указал на покатую крышу, отходившую от церковной стены.

Лола посмотрела в ту сторону — действительно, небольшое строение почти примыкало к кладбищу.

— Так вы после праздника здесь несколько дней ночевали? — уточнила она, обращаясь к Джованни.

— Да. Я же сказал. Только не видел ничего.

Они дошли до конца дорожки и уперлись в блеклое здание.

— А откуда здесь новый замок, я что-то не пойму? — удивился падре Грациано.

— А что это за строение? — спросила Лола, разглядывая высокую дубовую дверь и не видя на ней никакого замка.

— Это старый крематорий, уже не работающий. Его закрыли за несоответствие очистных фильтров в трубах современному стандарту. Чтобы окружающую среду не загрязнять. Кстати, чуть было не забыл, — расстроено заметил падре, — придется в Центрогаз ехать разбираться. Целый день терять.

— А что такое? — поинтересовалась Лола.

— Да квитанция пришла на девять кубов газа. Откуда они эти цифры берут, уму непостижимо! Крематорий год как не работает! У вас не бывает такое в Риме, чтобы расход газа или электроэнергии завышали?

— Бывает и у нас... — задумчиво произнесла Лола.

Мысли судорожно завертелись в голове — неработающий крематорий... квитанция на девять кубов газа... смотритель, ночевавший в прилегающей к кладбищу парокии...

— Эй, Джованни! — крикнул падре остановившемуся вдали служащему. — Ты зачем замок на ворота крематория повесил?!

Только теперь Лола заметила в стороне еще одну дверь, прикрытую решетчатыми воротами, на которых блеснул новый замок. Отдельный вход в печной зал, догадалась она.

Вопрос падре Грациано застал Джованни врасплох, он хлопнул себя по бокам, потом еще и еще раз и попятился, взгляд его стал стеклянным, лицо обрело вид испуганной морщинистой маски.

— А до этого как у вас этот вход закрывался? — быстро спросила Лола, не спуская глаз с крутившегося на месте садовника.

— Ворота просто на задвижку, а дверь, что за ними, на ключ, который у меня в церкви висит.

— А эта дверь куда ведет? — на всякий случай уточнила она.

— Эта — в отдел, где камера сжигания, а та, центральная, — в зал прощания. Они разделены полностью. Только ведь не работает ничего, — напомнил падре.

Квитанция и новый замок! Джованни хотел быть уверенным, что никто кроме него не сможет подойти к печи! — взорвалось у Лолы в мозгу. — Вот оно что! Бедный Енцио!

Она увидела, как Джованни бросился к выходу и, оставив падре в полном недоумении, неуклюже, но прытко выбежал с кладбища.

ГЛАВА 18

На этот раз Лола не совершила своей вечной ошибки и не рванула догонять Джованни, оставив его поимку полицейским, а быстро вскочила в машину и, визжа тормозами на серпантине, уже кричала в трубку:

— Дана! Готовимся к прямому эфиру! Мне стало известно, кто и как убил Енцио! — Она еле справилась с крутым виражом. — Срочно выясни, кто такой Джованни, смотритель кладбища, и почему он не в психиатрической больнице?!

Она услышала, как ахнула Дана, и тут же переключилась на Мауро: — Добрый день, это Лола с пятого канала! Только что я узнала, что на адрес закрытого крематория, который на кладбище, совсем рядом с местом, где пропал Енцио, пришла квитанция на девять кубов газа! А на входе новый замок повешен, хотя раньше ворота только на задвижку закрывались! Думаю, что это сделал Джованни, садовник и служитель в одном лице, чтобы никто войти не мог! А, главное, когда он понял, что я начала о чем-то догадываться, рванул так, что только мы его и видели!

— На девять кубов, говорите, — как-то слишком спокойно, на ее взгляд, произнес Мауро. — Джованни, значит...

— Да! Да! И убежал! — повторила Лола, удивляясь холонокровию полицейского. Неужели из ее слов непонятно, что Енцио был убит и сожжен тут же, в крематории?!

Наверняка этот служащий, хоть и ненормальный, умел управляться с печью, раз работал на кладбище, а в спешке не просчитал, что Центрогаз всегда на страже своих интересов. Убить молодого парня и сжечь его труп в крематорской печи! А если его сожгли живым? А что с больного взять?.. От одной этой мысли желудок свернуло в узел. Нет, этого не может быть, концлагерь какой-то... Остается надеяться, что полиция проверит печь крематория и сможет определить время последнего поджига, а, возможно, найдет и материал для проведения анализа ДНК, но на это необходимо время, а зритель ждать не любит.

Лола уже подлетала к площади, ставшей их постоянным местом прямых эфиров, которая была заполнена отдыхающими и имела вид веселого балагана. Она тут же представила, как всполошится и загудит народ после ее репортажа.

Дана и Стефано издали увидели Лолу и бросились навстречу.

— Ну что там, рассказывай! — тут же потребовала Дана.

— Как тебе это удалось узнать?! — вторил ей Стефано.

— Когда нам эфир дадут?! — не отвечая на их вопросы, выкрикнула Лола.

— Через двадцать минут, — ответил Стефано, посмотрев на часы.

— Есть информация по Джованни?!

— Да. Родился и вырос на Искии, десять лет назад во время землетрясения попал под завал, но был спасен, находился в состоянии клинической смерти, и его мозг полностью так и не восстановился, — сказала Дана.

— Молодец! Значит, так, Дана связывается с Мауро, которому я уже все доложила, узнает, когда они собираются брать преступника, и с другим оператором выезжает на место, я же со Стефано выхожу отсюда в эфир через двадцать минут и ставлю всю Италию на уши!

— Ты можешь поставить Италию на уши, вверх тормашками, как хочешь, но нам-то расскажи сначала, что ты нарыла?! — запальчиво произнесла Дана.

— Пошла я на площадку, откуда исчез Енцио, чтобы еще раз проверить, версий-то пока никаких. Вышла на кладбище, что прямо на тот пятачок смотрит. Решила пройтись, подумать в тишине и, как оказалось, не зря. Там у них крематорий, не рабочий уже как год, а квитанция пришла на девять использованных кубов.

— На девять кубов можно сто килограммов спалить! — заметил Стефано.

— А ты откуда такие подробности знаешь?! — поразилась Дана.

— Да подожди ты, — отмахнулся Стефано, — потом объясню. Давай, Лол, рассказывай!

— Падре Грациано на входных воротах, что в печной зал крематория ведут, обнаружил новый замок, тоже удивился и стал служащего с кладбища спрашивать, как, мол, он тут оказался. А этот Джованни уже изначально все от нас пятился, а тут как рванет к выходу! Вот у меня все и сложилось.

— Цепочка действительно стройная — квитанция, крематорий в двух шагах от места, где пропал Енцио, новый замок, а, главное, служащий испугался и убежал... Только зачем ему было Енцио убивать? — с задумчивым видом спросила Дана.

— Все, некогда дискутировать, потом выясним. — Лола взяла в руки микрофон, услужливо поднесенный подбежавшим техником.

— Ты все-таки этого Джованни пока в открытую убийцей не называй, это же только предположения. Да и полиция его еще не схватила, — попыталась охладить ее пыл Дана.

— Вот именно! Его теперь найти надо! Вы же поняли, что он не в себе, так что от него чего хочешь можно ожидать! — Лолу было уже не остановит. Уверенная в своем открытии, она «закусила удила» и понеслась вперед.

Стефано дал отмашку, и она сразу начала:

— Как видите, мы находимся все там же, перед Арагонезским замком. Затянувшееся расследование исчезновения Енцио, кажется, подходит к своему логическому концу. Надеюсь, что полиция сумеет задержать подозреваемого, а наша Дана не упустит момент захвата. А сейчас я вам расскажу все по порядку...

Закончив репортаж, Лола опустила микрофон и, посмотрев на замок, проговорила:

— Вот так-то!

Народ, столпившийся вокруг и только охавший во время ее рассказа, начал с энтузиазмом обсуждать услышанное.

— Это тот Джованни, которого из-под завала вытащили? Его еще откачать долго не могли?

— Ну да. Он еще и в церкви помогает, тихий такой.

— Да уж, в тихом омуте...

— Да он же ненормальный! Ему и не будет ничего!

— Вот-вот, а все сторожа замка подозревали!

— Так они приятели вроде со сторожем! Так что неизвестно еще, может, они и подельники!

— А чем ему Енцио так насолил, чтобы вот так убить?!

— Енцио, конечно, заносчивый и грубый до ужаса, но за это не убивают!

— А у Джованни не было дочки? Сами знаете, как Енцио с женщинами...

— Да он женат то не был никогда!

Люди волновались, высказывали свое мнение, перебивая друг друга, распаляясь и взвинчиваясь все больше.

В стороне Лола заметила Франческу, дочку начальника пожарной охраны. Она стояла молча и внимательно прислушивалась к окружающим.

ГЛАВА 19

Мауро находился в полной растерянности. Нет, надо еще раз проверить! Этого просто не может быть! Нечеткие фотографии еще оставляли надежду, но время... Цифры, указывающие часы и минуты, с укором смотрели с экрана. А тут еще журналистка позвонила, и он, раздосадованный, что его оторвали от работы, вызвал братьев Гризанти.

— На захват поедете! Джованни Вольпини в участок привезете.

— Это тот, смотритель кладбища ненормальный? — с разочарованием протянул один из братьев.

— Какой же это захват! — удрученно добавил другой.

— Ишь, разжужжались, распустил я вас, — вздохнул Мауро. — Джованни подозревается в убийстве Енцио и, возможно, в данный момент пытается скрыться! Так что — вперед!

— Ух, ты! — радостно гаркнули братья.

— Только без насилия там! Учтите, что ордера на арест нет. Если откажется ехать, мне звоните, я сам подъеду.

Гризанти бойко затопали по коридору, и вскоре на улице взревела сирена.

«Сейчас весь остров взбаламутят, здесь и так все жители обалдели от происходящих событий, — подумал Мауро, прислушиваясь к удаляющемуся вою полицейской сирены, и снова придвинул к себе компьютер. — Доклад подождет, пока я Джованни не допрошу. А квитанция эта на девять кубов?! Сам поеду проверять крематорий», — заключил он, в который раз внимательно сравнивая цифры.

Вот ночь праздника Монашки — нечеткая тень машины двигается по дороге, на лобовом стекле прикреплен пропуск, номерного знака не видно, и марку машины можно определить с трудом. Следующая камера через два километра берет ту же машину через двадцать три минуты. Даже если учесть, что несоответствие во времени все еще осталось, то оно минимально, все камеры проконтролировали и учли все погрешности. Слишком большая разница... На преодоление данного отрезка требуется две минуты, а он задержался на двадцать три! Где он был? Что делал в том месте, где исчез Енцио?

Мауро оторвался от компьютера, все еще не веря самому себе.

Эти кадры все давно видели, но, зная, чья это машина с пропуском, и то, что старые камеры давно не выставляли по времени, разнице в двенадцать минут никто не придал значение.

Да, да, разница была в двенадцать минут, что тоже не мало, но после четкой сверки выяснилось, что промежуток увеличился почти в два раза.

А вот следующая ночь после праздника. Туман белым молоком окутывает дорогу, на первой камере видны только два светлых пятна фар проезжающей машины. На следующей отсчитываются секунды, минуты, часы... Вот! Она появляется через полтора часа! А если это не та машина? Но здесь живет только Роза, у которой старый «форд», похожий на клопика. Автомобиль, разрезая плотный туман, медленно приближается, в разрыве между клоками тяжелой ваты мелькает его передняя часть. На лобовом стекле прикреплен тот же пропуск!

Мауро отодвинулся от стола, взъерошил волосы. Первый раз он оказался в такой ситуации!

Девять кубов газа! А что, если журналистка права, и это, в самом деле, Джованни?

Понятно, что он не в своем уме, но никогда не был замечен в жестокости, скорее, наоборот, вечно подбирал и выхаживал больных кошек и со-

бак... Но отношение к животным это нечто другое, полно безжалостных убийц и насильников, которые обожают котят или выкармливают птенцов, упавших из гнезда.

Он порылся в справочнике и набрал нужный номер на телефоне.

— Алло! С вами говорит заместитель начальника полиции Искии. Кто мне может дать справку по необходимому объему газа для сожжения одного тела? Да, да, хорошо, я жду.

— Мауро! — раздался, наконец, в трубке радостный голос. — Как у тебя дела? Все работаешь, света не видишь?

— Данило, это ты?! Как ты здесь оказался?

— Как, как? Работу поменял. Здесь к дому ближе, да и платят больше. Жена довольна, говорит что...

— Слушай, давай как-нибудь встретимся, о жизни поговорим, а сейчас мне ответь, на девять кубов газа можно тело сжечь?

— А какая марка печи?

— Ну, этого я не знаю, — растерялся Мауро, не предполагавший, что понадобятся технические данные. — Крематорий, который закрыли, на кладбище на склоне, рядом с лимонным садом.

— А, это наверняка старая печь, на нашей можно и два уложить, а на той, думаю, да, одно... Но зависит еще от массы. Какой вес имело тело?

— Думаю, килограммов восемьдесят.

— Тогда так и есть, восемь кубов, да и еще печь разогреть, девять и получится. Только я не пойму что-то, ты же сам сказал, что крематорий этот давно закрыли?

— В том то и дело. В общем, разбираемся, — неопределенно сказал Мауро и повесил трубку.

Не успел он вернуться к кадрам на компьютере, как раздался телефонный звонок.

— Ведем преследование сбежавшего преступника! — истошным голосом вопил один из Гризанти. Было слышно, как братья тяжело бегут, постукивая по земле полицейскими ботинками и ломая ветки.

— Вы где находитесь?! Я сам сейчас подъеду! — Мауро вскочил из-за стола, поправил кобуру и бросился к выходу.

— Преступник выбежал из дома и двигается по направлению к церкви! — крикнул запыхавшийся полицейский.

— Поднимаемся по склону, рядом с лимонным садом! — добавил второй.

— Захват отставить! Окружить его и ждать моего приезда!

Не доехав до церкви, Мауро еще издали увидел, что добрая половина жителей всего острова столпилась на дороге, остальные, кто бегом, а кто на машине, быстро подтягивались и вливались в общую сутолоку.

«Так я и знал! Весь остров взбудоражили!» — разозлился он.

Один Гризанти стоял перед окном пароккии, другой маячил у входа, где, как понял Мауро, и прятался Джованни.

— Ну? Что здесь происходит?! — выйдя из машины, обратился он к братьям.

— Да мы, как положено, поехали на захват. В дом постучали, никто не отвечает, а дверь открыта.

— Мы и вошли, — встрял второй брат.

— Внутри не было никого, только слышим скрип в спальне. Подбежали на звук, а это рама оконная скрипит, а по кустам под окном кто-то шаркает. Ну, мы за ним. А Джованни к лимонному саду рванул, а потом в пароккию вбежал и закрылся.

— А главное, у него пистолет в руке!

— Что!! — не поверил Мауро. — Вы ничего не перепутали?! Откуда у него оружие?!

— То ли пистолет, то ли обрез, непонятно, уж больно здоровый для пистолета, а разглядеть хорошенько не удалось, — пожали плечами братья.

— Звони в участок, вызывай подмогу, — сухо приказал Мауро одному из Гризанти. — Веди к пароккии, докладывай все по порядку! В каком помещении, по-вашему, он находится?

— А приближаться-то зачем? Я вам отсюда все объясню! — осторожно проговорил самый громогласный из братьев.

Мауро посмотрел на дорогу, народ продолжал прибывать. Самое неприятное, что в первых рядах уже стояли журналисты. Операторы, кажется, снимали все подряд, а Дана с пятого канала что-то говорила на камеру, воинственно взмахивая ежиком волос. Лолу он не заметил.

Среди людей на дороге вдруг произошло движение, журналисты раздвинулись, и из толпы выскочил падре Грациано. Подхватив полы темной одежды и лихо оттолкнув загородившего ему путь полицейского, он подбежал к Мауро:

— Что здесь происходит?! Что с Джованни?! Где он?!

— Вы не волнуйтесь и ступайте домой, пожалуйста. И хорошо, если бы прихожан убедили уйти отсюда, — терпеливо произнес полицейский.

— Убеждать здесь кого-либо бесполезно, никто с места не сдвинется. А вот что с Джованни, я должен знать, он же у меня в церкви работает, мой подчиненный, как никак!

— Джованни ваш с пистолетом в пароккии заперся! — проговорил один из Гризанти.

— Вот сторожим его, чтобы еще кого-нибудь не убил, — добавил второй.

Мауро метнул в их сторону уничтожающий взгляд, но в присутствии падре промолчал.

— А пистолета я у него никогда не видел! — изумился падре. — Так, значит, сторожите его? — растерянно посмотрел он на полицейских.

— Я вас настоятельно прошу уйти! Сейчас приедет подмога, и вас проведут, если сами не хотите... — Мауро был непоколебим.

— Не поверю никогда, чтобы Джованни в кого-нибудь выстрелить решился! — Падре как будто его не слышал. — Сторожат они! Да он, может, давно через церковь сбежал!

— Как сбежал! — хором воскликнули братья.

— Так парокия проходом с церковью соединена!

Мауро помнил, что к старинной церкви сделали пристройку, когда он только заступил на работу в полицию, но никак не предполагал, что долбили толстенную кладку, чтобы можно было пройти и в сам храм.

В толпе снова произошло движение, и к ним подбежал сторож замка. Глаза его метали громы и молнии.

— Что там с Джованни случилось?! Почему он в парокии закрылся?! — запыхавшись, спросил он, обращаясь, в основном, к Мауро.

— Мы бы тоже хотели это понять, — строго сказал Мауро, решив пока не прогонять сторожа, а только отодвинул его в сторону, подальше от окна парокии. — Иди проконтролируй церковь и вход в парокию, — командовал он, обращаясь к одному из братьев.

— Я тебя провожу, — засуетился падре. — У меня и ключ есть от двери, которая с пристройкой соединяет, и второй, что висит на крючке, тоже проверить надо, там ли он, или им Джованни воспользовался. Без меня не найдешь!

— В пристройку не входить, только проверить, закрыта дверь или нет, и мне доложить. А ключ забрать, если он там еще висит! — приказал Мауро, услышав дальний вой приближающихся полицейских сирен.

— А правда, что Джованни с пистолетом видели? — спросил сторож замка, который так и стоял рядом.

— Да, — пылливо посмотрел на него Мауро, ему показалось, что старик что-то скрывает. — Хотите что-то добавить?

— Да что добавлять-то? — отвел глаза сторож. — Вы мне лучше скажите, зачем Джованни запугали так, что он в парокии спрятался?

— Я вам ничего докладывать не обязан, а вы, если что знаете, должны сообщить.

Старик нервничал все больше, и Мауро был почти уверен, что он вот-вот выложит все, что ему известно.

— Да я...да мы... — испуганно замялся сторож и, вдруг схватив полицейского за локоть, потащил его в сторону: — Я хочу сделать заявление! Но говорить буду только с вами!

— Хорошо, можно пройти в машину, — кивнул Мауро.

Старик резко развернулся и почти побежал к парковке.

— Весь остров здесь собрали! — проворчал подошедший к полицейским Боссети. — Ну, что тут у вас, докладывайте!

— Вам Гризанти сейчас все доложит, — торопливо проговорил Мауро и поспешил за удаляющимся стариком.

— Черт знает, что у вас здесь творится! Говорю «докладывайте», а мне спину показывают! — обескуражено произнес Асканио, но тут вперед выступил Гризанти и, встав по стойке смирно, чем сразу привел начальника в хорошее настроение, начал объяснять обстановку.

Мауро догнал сторожа и, усадив в машину, пытливо посмотрел на него:

— Я вас слушаю.

— В общем, так, — собравшись с духом, выпалил тот, — это я Джованни пистолет дал!

— А у вас он откуда?! — удивился Мауро. Он знал, что старик приехал из Сицилии и вел отшельнический образ жизни, который так не нравился местным и вызывал много необоснованных слухов, но никогда ни в чем противозаконном замечен не был. И вдруг — незарегистрированное оружие!

— Из запасника взял... — замямвшись, ответил сторож.

— Но зачем?

— Ко мне Джованни часто в замок захаживал. Мы любили по крепости вместе прогуляться, музеи посмотреть, в реставрационный зал заглянуть. Недавно туда столько аппаратуры новой навезли, что теперь даже из Неаполя к нам всякие предметы присылают на реставрацию. Вот мы с Джованни и пошли посмотреть, что там нового привезли. Зашли в запасник, видим, ящиков нескончаемый ряд, и все уже открыты. Ну, мы перчатки надели, знаем, как с антиквариатом управляться, вытащили первый предмет — крест потемневший с каменными вкраплениями, вынули второй — пистолет, на вид пиратский. Джованни сразу он понравился, схватил его в руки и давай вертеть. Вовнутрь заглянул, курок взвел и попытался нажать, а тот не поддается. Я ему еще сказал: «Оставь в покое, не ровен час, сломаешь!» Не успел я договорить, как в пистолете что-то скрипнуло, и на пол какая-то штучка выпала. Я на него тут же набросился, а он и говорит: «Я его домой возьму, у меня там станочек есть, постараюсь починить». Вот так оружие у Джованни и оказалось, — вздохнул сторож. — А упаковку, где пистолет был, мы спрятали, нельзя же пустой ящик на виду оставлять, понадеялись, что среди остальной массы не заметят пропажи. А тут как раз стихия разгулялась, замок не открывали, потом журналисты понаехали, и все буквально обезумели. Только и разговору было про исчезновение Енцио, да про Монашку, так что пока никто и не хватился пистолета.

— Понятно, — произнес Мауро, а про себя подумал: «Дело-то совсем запутывается, а времени почти нет!» Он посмотрел на толпу, на полицейских, сдерживающих ограждение, на машины, стоявшие на дороге, и сказал: — Вы нам очень помогли, спасибо. Подождите в машине, я вам кого-нибудь из полицейских подошлю, чтобы все записали.

— Нет-нет, записывать не надо! — всполошился сторож. — Я только вам рассказал! — Вдруг он нагнулся и спрятал голову, увидев, как ним приближается начальник полиции.

— Хорошо, просто подождите меня здесь! — приказал Мауро и, выйдя из машины, быстро произнес, предупреждая вопросы начальства: — Пистолет у Джованни музейный, а вот в рабочем состоянии или нет, не известно. — Из запасников замка стащили.

— Вроде падре Грациано уговорил его выйти из парокии, так что пора с этим спектаклем заканчивать, тем более, если оружие, как ты говоришь, не рабочее, — сказал Боссети. — Так что расставляйте в окружение полицейских, и пусть выходит с поднятыми руками. Пора заканчивать с этим делом!

Не успели прибывшие полицейские занять указанные позиции, как в дверях парокии показался падре Грациано, держащий пистолет наотлете, который он тут же отбросил подальше. Из-за его спины выглядывал трясущийся от страха Джованни. Они стали медленно спускаться по лестнице, и тут к ним подлетели братья Гризанти с двумя полицейскими. Отодвинув падре, они быстро надели наручники на Джованни и повели его к машине.

Взревела сирена, закрутились «мигалки», кавалькада двинулась с места. Мауро пересадил сторожа на заднее сиденье и сухо произнес:

— Отпустить вас не могу. Все, что мне рассказали, придется подтвердить на очной ставке с Джованни.

Старик ничего не ответил, только молча перебирал пальцами.

ГЛАВА 20

Когда Лола примчалась к церкви, толпа почти рассосалась.

«Ничего, ничего, все равно я первая вышла с новостью о том, что возможным убийцей является Джованни, а репортаж о его задержании — это уже как следствие и подтверждение моему эксклюзиву, — успокаивала себя журналистка. — Главное, что наш канал осветил и это событие».

— Ну что? Рвем к отделению полиции? — подошла она к Дане и Стефано, упаковывавшему камеру.

— Подожди, говорят, что врач запретил допрашивать Джованни сегодня, так что все отложили на завтра, — бойко сообщила Дана.

— Ты знаешь, — задумчиво проговорила Лола, — не дает мне покоя этот Джованни. Ну, зачем ему убивать Енцио?

— Так он же ненормальный, что у таких в голове крутится, кто его знает, — заметил Стефано.

— Ничего подобного, никакой он не сумасшедший, я же все узнала. У него просто на все замедленная реакция, — возразила Дана.

— Вот именно, — кивнула Лола. — Так что о сумасшествии говорить не приходится. Значит, должна быть какая-то причина. С другой стороны, убить и сжечь труп в крематории, это совсем не глупо. Его бы не нашли никогда, особенно если учесть, что завышенным объемом газа никого не удивишь, Центрогаз постоянно ошибается и, как всегда в свою пользу.

— А сейчас-то что могут найти? Если от трупа не осталось ничего! А главное, что смогут доказать? — заявил Стефано.

— Черт подери! — подпрыгнула Лола. — А крематорий когда будут проверять?!

— Правда, как мы эту деталь упустили! — забеспокоилась Дана. — Я пойду, узнаю, что там с проверкой крематория, а вы пока меня подождите. — Она убежала, но уже через пару минут вернулась и сообщила: — Все нормально! Полиция крематорий осмотрела и взяла пепел на анализ.

— Нормальней не бывает, — саркастически отозвалась Лола, — все без нас сделали! А неаполитанские журналисты, наверное, уже успели все зрителям поведать.

— Никто из наших коллег при проверке не присутствовал. Да и говорить не о чем, ничего там необычного не обнаружили. А вот результат анализа мы должны первые узнать!

— А на какой результат они надеются, если это один пепел? — удивилась Лола. — И какой анализ они собираются делать?

— Я так поняла, ДНК, — неуверенно произнесла Дана. — Они там вроде часть тазобедренной кости нашли.

— Ну, тогда, может быть...

— А что, если в Центрогазе напутали, как обычно, и приписали несколько кубов? — высказал сомнение Стефано.

— Не на многовато ли ошиблись? — не согласилась Дана. — Да и полиция, наверное, уже все проконтролировала, не зря же они крематорий бросились проверять. И вообще, надо просто дождаться результатов экспертизы, вот и все.

— А чтобы дождаться результатов и не умереть с голоду, мы должны срочно перекусить! — воскликнул Стефано и направился к ресторану.

ГЛАВА 21

Был уже поздний вечер, а Мауро все колдовал над нечеткими записями дорожных видеокамер. Он еще раз проверил их на совместимость по времени, что прибавило ему двадцать семь секунд в первом случае и тридцать две во втором. Эти секунды уже ничего не меняли, но он все еще продолжал искать несуществующую ошибку в своих рассуждениях.

Или в Неаполь записи отправить? Если не смогут определить личность находящегося в машине, то марку автомобиля и его соответствие с подозреваемым средством передвижения должны узнать. Но тогда надо сфотографировать и машину предполагаемого преступника, чтобы было с чем сравнивать. А на все это нужно время! Дождаться утра и выйти с докладом после допроса Джованни и его очной ставки со сторожем замка? Несомненно, это должно прояснить общую картину.

Он вспомнил, как отшатнулся Джованни, когда его проводили мимо начальника полиции, и как вжал голову в плечи сторож замка, когда увидел того же Боссети.

Или пойти и спросить напрямик? Да, наверное, это будет самое быстрое... Но будет ли это верным решением?

Доклад был готов и лежал распечатанный на столе. Да, да! Он не только отправил его на нужный адрес по электронной почте со всей раскадровкой движения автомобиля, но и решил подготовить в бумажном виде, чтобы иметь фактическое подтверждение своей версии на руках. Мауро хлопнул ладонью по двум страницам убористого текста и резко поднялся.

Обычно распахнутая дверь кабинета начальника полиции на этот раз была плотно закрыта, и он громко постучал.

— Да! — слышался приглушенный голос Боссети.

Мауро дернул дверь и с порога заговорил:

— Я вам только что отчет отправил по «электронке», не смотрели еще?

— Нет. А что так официально? Давай своими словами, так быстрее будет. — Боссети сел за стол и придвинул к себе компьютер.

— А вот распечатка. — Мауро положил листки прямо перед ним.

— Ну что же, давай посмотрим,— произнес Боссети и углубился в чтение, изредка сверяясь с кадрами на компьютере. С каждой прочтенной фразой лицо его становилось все суровее. Перевернув страницу, он открыл на дисплее последнюю запись из подборки, высланной Мауро, — из кловьев тумана на экране медленно выплывало лобовое стекло автомобиля, в правом верхнем углу виднелся пропуск. — Что за черт! — вдруг воскликнул он и выскочил из-за стола. — Уже сказал кому-нибудь?

— Нет. — Мауро ожидал совсем другой реакции.

— Тогда ждем допроса Джованни.

— Но...

— Никаких «но»! Чтобы такие заявления делать, надо быть уверенным на сто процентов!

Утро следующего дня началось неожиданно — Джованни сам попросился на допрос, отказавшись от адвоката и осмотра врача.

Мауро тут же нашел задание братьям Гризанти за пределами отделения полиции, посчитав, что, чем меньше народу будет присутствовать при разговоре с подозреваемым, тем лучше, так что в кабинете находились только он и Боссети.

Двое полицейских ввели Джованни. Увидев начальника, он тормознул и как будто заколебался. Морщинистое лицо пришло в движение.

— Наручники снимите и можете идти, — приказал Боссети.

Джованни потер запястья, сел на приготовленный для него стул и сразу заговорил. Начав довольно напряженно, он постепенно разошелся и продолжал, уже не останавливаясь и захлебываясь, как будто хотел выложить все за один раз, чтобы потом забыть на всю оставшуюся жизнь.

Присутствие сторожа замка не понадобилось, Джованни полностью подтвердил его версию с музейным оружием. То, что он рассказал, казалось настолько невозможным, что Мауро, который поначалу еще на что-то надеялся, окончательно понял, что дело гораздо серьезнее, чем он предполагал.

— Держался я до последнего, но знал, что, если в полицию заберут, не выдержу и все выложу. Вот и схватил пистолет, собирался себя убить. Я же ему жизнью обязан! — подытожил Джованни. — Как я теперь людям в глаза буду смотреть?! И какой черт меня ночью на улицу понес! Лучше бы я ничего не видел! — причитал он. Из глаз потекли мелкие слезы. — Я и замок на дверь повесил, чтобы никто кроме меня в крематорий не сунулся.

— Успокойтесь, — прервал его излияния Боссети. — Вы ни в чем не виноваты.

— А вы? Все знают, что вы его друг! Хватит смелости и духа, чтобы арестовать уважаемого человека? Я, когда вас увидел, даже испугался, не хотел, чтобы вы присутствовали на допросе. Думал, не поверите мне, раз вы друзья.

Мауро и Боссети одновременно встали из-за стола и быстро вышли в коридор.

— Можете увести Джованни! — бросил полицейским Боссети.

Они решили ехать только вдвоем, на полицейской машине, но не включая «мигалку» и сирену. Боссети, нахмурившись, вел машину, Мауро прокручивал в голове допрос с Джованни.

Подъехав к нужному дому, они остановились напротив него. Журналистов не было видно, да это и понятно, ведь никто кроме них не располагал данной версией.

В этом доме Боссети был частым гостем, заходил по-свойски, без предупреждения, и всегда был с радостью принят. Пропустив с хозяином стаканчик-другой красного вина, они, как правило, переходили к обсуждению политической обстановки в стране. Обычно их «дискуссии» продолжались до полуночи, после чего, удовлетворенные и успокоившиеся, они расходились по домам.

«Что я мог упустить, не заметить? — подумал начальник полиции и потрогал кобуру пистолета. — А нечего было замечать, он жил, как и все мы на острове, — много работал, растил дочь, радовался выходным и хорошей погоде... Но как он решился на такое?! А главное, зачем?! Почему?!»

— Ты оружие взял? — спросил он у Мауро.

— Нет, — ответил тот. — А что, он может...

— Не знаю. Я уже ничего не знаю, что он может, а что не может! — раздраженно проговорил Боссети. — И я все еще не уверен на все сто. Конечно, факты — вещь упрямая, и все же... Короче, попытаемся разговаривать, а там по обстановке.

— А что, брать не будем?

— Я же сказал, по обстановке.

Они вышли из машины и, подойдя к калитке, нажали звонок.

— Да заходите! — раздался мелодичный женский голос.

ГЛАВА 22

Лола находилась в состоянии бешенства — допрос с Джованни был проведен, но никакой информации на этот счет не удалось получить! Как ни старалась Дана узнать хоть что-то, ей это так и не удалось.

Успокаивало только одно — все остальные журналисты тоже слонялись, как неприкаянные, в ожидании новостей.

— Что-то здесь не так. Не нравится мне все это, — говорила Дана, допивая третью чашку кофе. — Ну, почему не подтвердить, что убийца найден? Не понимаю...

— Тем более что такие сообщения полиция делает с великой радостью, — согласилась с ней Лола. — Значит, не все так просто. А то, что информация по-настоящему засекречена, говорит, скорее всего, о том, что они от Джованни ничего не добились, и он отказался давать показания.

— У полиции большие проблемы с этим делом, вот они и затихли. Им уже давно положено пресс-конференцию устроить, а не уходить в тотальную секретность, — произнес Стефано, хрустя очередным круасаном.

— Как бы не получилось, что проблемы у нас. Я ведь успела заявить, что преступник разоблачен пятым каналом и пойман полицией.

— Не наговаривай на себя, на протяжении всего репортажа ты называла его подозреваемым. Другое дело, что обставила все так, что все его приняли за убийцу, но это уже другой вопрос. С юридической точки зрения, все должно быть нормально, — заметила Дана.

— Непокойно мне как-то, и предчувствие нехорошее, — произнесла Лола, с тоской глядя на замок. Ей вдруг очень захотелось домой, в Рим.

В баре появился хозяин, довольным взглядом окинул гостей.

Она тут же вспомнила о реализованном им сценарии появления куклы-Монашки на стенах крепости. Ну что же, это еще не самое худшее, что может прийти человеку в голову... По крайней мере, они добились своего — остров забит туристами. Лола слышала, что уже на уровне мэра решается вопрос с продлением этого праздника на неделю, с ежедневными представлениями в замке и на площади.

— Не могу я просто так сидеть! — не выдержала она. — Надо что-то решать. Дана, звони еще раз в полицию!

— Я, конечно, позвоню, мне не трудно, только Мауро сказал, что сам на связь выйдет.

— Тогда это сделаю я.

— Попробуй, может, он с тобой по-другому будет разговаривать, — недовольно пробубнила Дана, в голосе ее чувствовалось уязвленное самолюбие.

Лола нажала несколько кнопок на телефоне и включила громкую связь.

Из трубки доносились тихие прерывистые гудки, затем заговорил автоответчик.

— Все! Я не могу здесь больше без дела высидживать! Поехали! — решительно проговорила она и, поднявшись, пошла к выходу.

Стефано и Дана тоже встали и последовали за ней. Увидев, как эта дружная компания куда-то конкретно засобиралась, по рядам сидевших в баре журналистов пошло волнение.

— Ну что? Куда? Руководи, раз с места сорвала, — сказал Стефано, положив руки на руль машины и всем своим видом показывая, что сидеть в баре было гораздо приятнее.

— Есть какой-нибудь план? — недовольно кашлянула Дана, разместившаяся на заднем сиденье.

Плана у Лолы не было, но было предчувствие, что они пропускают что-то важное, что происходит прямо сейчас, в этот самый момент.

— Сначала давай к отделению полиции, — скомандовала она.

Стефано послушно завел двигатель.

На Искии все находилось рядом, и уже через пятнадцать минут они стояли напротив входа в участок. Стоянка была заполнена машинами, но никакого движения не происходило.

— Или они допрос Джованни еще не закончили?— предположила Лола.

— Я так поняла, что закончили, только результат не разглашают. Вот, что меня злит! И это после того, как ты буквально нашла им преступника! — возмущенно воскликнула Дана.

— Вот именно! — согласился Стефано и забарабанил пальцами по рулю.

Лола пребывала в растерянности, невразумительные мысли клубились в голове стаями, так и не складываясь ни во что конкретное.

— Поехали на площадь! — наконец произнесла она, стараясь продемонстрировать полную уверенность в своих действиях.

— Как скажешь! — Стефано беспрекословно развернул машину.

На площади тоже стояло затишье — народу было мало, туристы потягивали капучино, выбирали сувениры, с опаской поглядывая на нахмурившееся небо. Хозяева магазинчиков, обеспокоенные надвигающейся непогодой, заносили выставленные на улице поделки внутрь лавок. Ни одного журналиста и никого из полиции не наблюдалось.

— Ну что, командир! Дальше куда? — бодро спросил Стефано.

Не знаю, хотела ответить Лола, но, взяв себя в руки, вместо этого предложила:

— Давай круг дадим по примыкающим переулкам.

Они медленно въехали на узкую улицу и начали подниматься по склону.

— Никто не заметил, может, здесь одностороннее движение? — забеспокоился Стефано.

— Да нет, все нормально, давай вперед, — откликнулась Дана.

— И как они здесь передвигаются?! А если навстречу кто-то поедет?

— Прижмешься где-нибудь.

— Прижмешься! Легко сказать!— буркнул он, протискиваясь вверх по переулку.

Когда, наконец, выбрались на широкую дорогу, Стефано, уже не спрашивая Лолу, повернул к гостинице. Впереди показалась полицейская машина, одиноко приткнутая на обочине напротив желтого дома.

— Стоп! — так громко крикнула Лола, что Стефано дернулся и резко затормозил.

— Ты что?! — удивилась Дана. — Что-то вспомнила?

— Что здесь эта машина делает, когда все заняты допросом Джованни и его разборком, как вы думаете?! Не потрепаться же они сюда приехали в такой ситуации...

— Вот именно! — подхватила Дана. — В такой ситуации они здесь могут быть только по делу!

— Значит?..— уточнил Стефано.

— Значит, ждем!!! Паркуем машину и ждем!— заключила Лола. Она не сомневалась, что интуиция подсказала ей верный путь!

ГЛАВА 23

Это была следующая ночь после праздника Монашки. Туман стоял жуткий, что не было редкостью в это время года на Искии. Джованни ночевал в пароккии, ему не спалось, а тут еще странный запах жженого защекотал ноздри. Он решил, что ему почудилось, и повернулся, было, на другой бок, но сон все не шел. Странное беспокойство овладело им, покрутившись еще немного, он накинул куртку и вышел на улицу. Плотный тяжелый туман, казалось, можно было резать ножом. В воздухе носился запах гари, и Джованни заволновался еще больше — может, где-то пожар? Для огородных костров время вроде еще не пришло. Он посмотрел на часы — ровно три часа ночи, и пошел на запах, медленно двигаясь к кладбищу. Туман разрывался местами, и в разрыве между белыми клочьями он увидел кладбищенскую калитку и принялся — горелый ветерок прилетал со стороны могил. Вдруг легкий стук насторожил его — кто-то шел по плиточной дорожке. Джованни инстинктивно нырнул в молочную муть и, прижавшись к кирпичному столбу ограды, застыл. Из белесой пелены вынырнула фигура. Человек, тяжело дыша, прошел совсем близко, и он сразу узнал его.

Боже мой! Зачем он пришел сюда ночью?! Что могло понадобиться ему в это время на кладбище?!

Человек уже давно растворился в ночной мгле, а Джованни все не мог сдвинуться с места.

Со стороны дороги послышался шум заводимого мотора, автомобиль прошуршал шинами по асфальту и удалился.

Джованни, поколебавшись, скрипнул калиткой и вошел внутрь кладбища. Из рыхлой мути выростали кресты, старинные склепы, нечеткие огоньки лампад двоились и, казалось, плыли по воздуху. Все предметы как будто обрели новую нереальную форму и неожиданно, появляясь навстречу из белой мглы, наводили на него испуг и тоску. Стояла пронзительная тишина.

«Зачем я сюда ночью пошел? Надо было до утра подождать!» — с запоздалым сожалением подумал Джованни. Он чуть было не стукнулся о возникшую перед ним часовню, дотронулся рукой до покрытой изморозью стены, и его тут же пронзили ледяной холод и страх. Джованни сделал

еще пару шагов — лохмотья пелены расступились, и он увидел, что стоит перед дверью крематория.

Не понимая, что двигает им, он спустился по ступенькам и отодвинул задвижку решетчатой двери. Издав пронзительный металлический звук, она открылась, раскрывая перед ним черный проход, и Джованни шагнул в печной зал. Пробрался к дверце печи, открыл глазок — среди черного пепла, то там, то здесь, вспыхивали красные искорки.

На обдумывание происходящего сил уже не было. Так ничего и не поняв, он вернулся в парокую, снова лег и сразу же заснул...

Об исчезновении Енцио еще никто не заявлял и, повинувшись чувству уважения к человеку, спасшему его из-под завала, Джованни помалкивал. Ощущение чего-то нехорошего осталось, но он уже свыкся с ним и старался об этом не думать. Но когда по неаполитанскому телевидению увидел объявление о пропаже Енцио, и когда весь остров охватила лихорадка расследования, и Искию заполонили журналисты, только тогда он повесил замок на крематории и выбрал обет молчания...

ГЛАВА 24

— Привет! Отец дома? — Вошедшие Боссети и Мауро старались держаться непринужденно.

— Добрый день! Пап, к тебе пришли! — крикнула Франческа, не отходя от мойки, в которой ополаскивала чашки. А она-то думала, что все закончилось! Ну что им опять надо?! — Руки, державшие посуду, перестали слушаться, и она чуть было не выронила кофейную чашечку.

«Зря мы только вдвоем приехали, — вдруг посетовал Мауро. — А если он сейчас через окно своей комнаты выпрыгнет?» Но начальник полиции держался уверенно, и его спокойствие передалось заместителю.

Через минуту к ним вышел Лучано — осунувшееся, сильно постаревшее лицо, опущенные плечи, шаркающая походка. Мауро еле узнал его. Разве может так измениться человек за несколько дней?!

— Иди, погуляй или к Грации сходи, — не здороваясь, обратился к дочке Лучано.

— Но...

— Никаких «но», у нас тут свои дела, — твердо сказал он и сел за стол, сложив руки в замок. — Оставь ты эту посуду в покое!

Глядя на эти сильные, усталые руки, лежащие на столе, Мауро вспомнил, сколько людей было спасено ими. «Не верю! — опять пронеслось у него в голове. — Не могу поверить!»

Хлопнула входная дверь, Франческа ушла.

...Эта история имеет далекие корни, когда Лучано, еще не обремененный заботами, бесшабашным пареньком носился по Искии, дружил с Карло и мечтал стать пожарником.

Он влюбился, и сразу понял, что это навсегда. Как не подсмеивались взрослые, утверждая, что это мальчишество, и что все еще поменяется, как не ухмылялся Карло, говоря, что девчонок полно, есть и получше, он знал, что изменить ничего нельзя, и что это его единственная, настоящая судьба и любовь.

Как он подстерегал Лауру, чтобы невзначай столкнуться на повороте к рынку или в бакалейной лавке, куда ее часто посылала мать! Как заходилось сердце, когда, наконец дождавшись и выйдя навстречу, говорил обычное — чао! — и видел, как щеки ее розовели, а шоколадные глаза с густыми прямыми ресницами, казалось нарисованные искусным художником, распахивались еще шире! Как не хватало ему воздуха, когда он поцеловал Лауру, и сладость губ ее как будто навсегда поселилась в нем! И как не было предела его счастью, когда они объявили себя женихом и невестой! И как он чуть не умер от горя, когда все обрушилось в один миг!

И даже сейчас, вспоминая то состояние, к нему приходит отчаянье и держит долго, не отпуская и не разжимая свою хватку.

— Ты что здесь сидишь? Не знаешь, что случилось?! — вбежал в открытую дверь шестнадцатилетний Боссети. Он был порядком моложе Лучано, но все петушился и, стараясь выглядеть старше, говорил срывающимся на фальцет басом.

— А что? — поднял голову Лучано.

— Так ты не знаешь, значит! — уже утвердительно повторил парнишка.

— Да что там такое?! — Лучано отложил тетради.

— Вот, черт! Карло твою Лауру изнасиловал! — выпалил Боссети. — В полицию надо бы!

Земля разверзлась под ногами Лучано, он, крутясь, полетел вниз, в ее бездонную черноту, и конца этому спуску не было... Он еле нашел в себе силы прервать этот жуткий полет, но, придя в себя, вдруг понял, что не знает, как ему поступить.

Первым его желанием было убить Карло, убить сразу же, ни о чем не спрашивая и не задавая ни одного вопроса, вторым — бежать к Лауре, успокоить, узнать, как она.

— Карло в Неаполь уже смотался, с папочкой! — сказал Боссети, словно прочитав его мысли.

Тогда к Лауре, решил Лучано и вдруг почувствовал, что не может сдвинуться с места. О чем тут можно спрашивать? Как начать разговор?

— Ну что, пошли! — вывел его из ступора Асканио.

— А как это произошло? — Лучано тянул время, ноги как будто приросли к полу.

— Да как обычно!

— Что значит, как обычно? Ты что мелешь?!

— Ну, ты же Карло лучше меня знаешь! Он вчера вызвался проводить Лауру, ну, и проводил, значит... Да и не поздно было совсем, ее еще все удерживали, куда, мол, спешишь, десяти еще нет. Кстати, а ты-то где был?

— К экзаменам готовился, вот где!

— Она вчера, видно, в свою комнату прошмыгнула, никто и не заметил. А сегодня мать как увидела ее, заплаканную, с ссадинами, одежда порвана, сразу догадалась, что к чему, и давай Лауру в полицию тащить. Та уперлась — не пойду! Ну, соседка и услышала шум-гам. А ты же знаешь — у нас кто-то что-то узнает, конец, считай, весь остров через пять минут в курсе.

Лучано, наконец, оторвал пудовые ноги от пола и шагнул к выходу.

Дойти до дома Лауры оказалось целым испытанием, хотя они и жили на одной улице. Народ, наслышанный о происшедшем, вывалил из домов и обсуждал случившееся, ожидая продолжения.

— Так это он жених Лауры?! — шептались им вслед и добавляли уже совсем тихо: — Так они к этой девушке пошли, да? А почему не к Карло? Ведь это он ее... А может, случилось все по согласию, кто знает! Карло парень видный, кто же ему откажет!

Лучано внутренне вздрагивал от каждой брошенной фразы, как от удара. Подойдя к дому Лауры, он почувствовал жуткую усталость, как будто поднялся на километровую гору. Обида прожигала ему душу и, ощущая себя окончательно опустошенным, он не понимал, что делать.

Лаура стояла возле буфета, выглядела грустной и смотрела на него настороженно. Как ни заставлял он себя, но так и не смог подойти и хотя бы обнять ее, продолжал стоять столбом у самого входа.

— Как ты? — только и смог выдать Лучано.

— Нормально, — тихо ответила Лаура и внимательно посмотрела на него.

— Надо в полицию заявить, — заговорил Боссети. — Разве можно таким гадам все с рук спускать!

— А нечего заявлять, — вдруг произнесла Лаура, и Лучано похолодел.

— Как нечего?! — удивился Асканио.

— А так! Я за Карло замуж выхожу!

Действительно, когда Карло вернулся из Неаполя, они с Лаурой очень быстро объявили о свадьбе. На это время Лучано уехал с Искии. Выше его сил было видеть Лауру в подвенечном платье, рядом с бывшим другом!

Ненависть и боль не давали ему спать по ночам, они пожирали его живьем. И, чтобы хоть как-то забыться, он шел волонтером во все точки Италии, где требовалась помощь после землетрясений и наводнений. Рисковал жизнью, спасая людей, и этот риск спасал его самого, уводя от тяжелых дум.

Рождение сына у Карла и Лауры принесло Лучано новые страдания, но, закаленный несчастьями и смертями, происходящими на его глазах во время работы волонтером, он почти смирился и загнал свою боль далеко, далеко, в самые подвалы своей души, привалив ее камнем.

Лучано даже женился, но, видимо жена, как любая женщина, инстинктивно почувствовав его холодность и поняв, что он лишь пытается скрыться от самого себя и найти утешение в семейной жизни, сбегала с заезжим предпринимателем, оставив ему дочку. Лучано стал налаживать быт, и это отнимало много сил, помогало забыться и не оставляло времени на все еще болезненные воспоминания.

Безграничная ненависть вернулась, когда Лаура погибла в автомобильной катастрофе, где машину вел ее нетрезвый муж Карло, которому, к тому же, удалось избежать наказания!

Разве он, Лучано, допустил бы гибель Лауры, если бы был ее мужем?! Разве позволил бы себе сесть пьяным за руль?! Этого он не мог простить! Не помогло даже то, что островитяне объявили молчаливый бойкот Карло. А тут еще Енцио, с шоколадными глазами, доставшимися ему от Лауры, и замашками Карло! Лучано всегда старался обходить его, такую неприязнь вызывали у него эти встречи, а когда тот подрос, она еще больше возросла. Нахальство в обращении с женщинами, хамство в отношении к старшим и незатухающая любовь к собственной персоне были отличительными чертами Енцио. Достойный сын своего отца, думал Лучано и переходил на другую сторону, чтобы не видеть его наглых глаз. Заглохшее, было, желание отомстить, вспыхивало с новой силой и, готовое в любой момент вырваться наружу, заполняло его душу.

Только безграничная любовь к дочери спасала Лучано. Он был для Франчески не только «самым лучшим папкой на свете», но и защитником, другом и даже героем. Когда он увидел, что его девочка заглядывается на Енцио, не спал всю ночь, поражаясь превратностям судьбы, и поклялся себе, что, во что бы то ни стало, помешает ей по-настоящему влюбиться в него...

ГЛАВА 25

Не успели они припарковаться, как из дома вышла Франческа.
— Может, за ней? — забеспокоилась Дана.

— Нет, не стоит, будем ждать полицейских.

— Уверена?

Лола ни в чем не была уверена и полагалась только на интуицию, но как всегда, сделала вид, что знает больше, чем говорит. Этот трюк помогал ей всегда и ограждал от лишних вопросов.

Франческа направилась в сторону площади.

— Долго мы здесь сидеть будем? — занял Стефано. — Что они там, заснули, что ли, все?

— А может, и правда, зря ждем. Может, полицейские заехали кофейку попить, — задумчиво проговорила Дана.

— Ребята, да вы что?! Какой кофе, когда счет идет на минуты! — возмутилась Лола.

— Может, посоветоваться подъехали, — предположила Дана.

— Только вот почему дома, а не в участке... — проронил Стефано.

— А вот это меня как раз не удивляет, у начальника пожарной охраны сегодня выходной, вот они сами и приехали, — изрекла Лола. — Значит, решают что-то вместе или какую-нибудь операцию готовят.

— Опять операцию? Не пора бы успокоиться, преступник-то пойман, — устало проговорил Стефано.

— Проблема в том, что мы не знаем результата допроса Джованни и не можем предугадать дальнейших шагов полиции. Значит, остается только ждать, — заключила Лола.

— А почему ты думаешь, что тебе вообще что-то скажут, когда выйдут на улицу? Если по допросу не дали никакой информации, то и...

— Ну, уж это я беру на себя! — перебила Стефано Лола. — Хоть что-то должны ответить! Сколько можно оставлять итальянский народ в неведении!

— Конечно, — поддержала ее Дана, — а если еще про налогоплательщиков напомнишь, считай, что эксклюзив нам обеспечен!

— Смотрите! — вдруг воскликнул Стефано. — Кто-то у окна стоит!

— Да это Мауро, заместитель начальника полиции! Значит, здесь все очень серьезно!

В этот момент Мауро посмотрел на улицу и резко задернул занавески. У другого окна тоже произошло движение, и они увидели, как кто-то закрыл ставни.

— Заметили нас, как думаете? — спросила Лола.

— Да просто дождь собирается, вот и закрывают все окна. Странно только, что это не сделал хозяин дома. — Стефано прильнул к стеклу машины, надеясь увидеть еще что-то.

— А мне показалось, что у другого окна мелькнул сам Боссети! — сообщила Лола.

— Да ну! Так здесь все начальство собралось! — уже по-настоящему всполошилась Дана.

— Мы на верном пути! — подтвердил Стефано.

Франческа ушла, а Лучано так и сидел за столом задумавшись. Его невидящий взгляд скользнул по полицейским и, не останавливаясь, перебежал на окно.

— Ставни бы закрыть, дождь собирается, — произнес он, не двигаясь.

Мауро и Боссети переглянулись — это были совсем не те слова, которых они ожидали.

Мауро тоже посмотрел в окно и удивленно проговорил:

— Что это за машина там, на обочине в кустах, уж не журналисты ли что пронюхали?

Лучано встрепенулся и, встав, уперся тяжелым взглядом в припаркованный автомобиль, словно хотел раздавить его, а Мауро быстро задернул занавески. Боссети, в свою очередь, закрыл ставни.

В комнате воцарилась полутьма. Напряжение достигло своего предела.

— У нас к тебе несколько вопросов, — начал наконец Боссети. — Что ты делал на кладбище две ночи подряд?

— А ты сам как думаешь? — бросил на него усталый взгляд Лучано.

Ветер ударил в окна, мелкой дрожью затряслись стекла, задребезжали ставни.

«Знает ли Лучано, что мы привели в соответствие время камер видеонаблюдения, — судорожно вспоминал Мауро. — Вроде я никому свои расчеты кроме Боссети не показывал. Но изначально эти записи видели все, значит, он мог подготовиться к ответу. А вот про допрос Джованни ему точно ничего не известно, вот он и пытается прощупать обстановку, отвечая вопросом на вопрос. А если он действительно ни при чем, и Джованни что-то напутал? Интересно, а как Боссети, который дружил с ним с детства, себя чувствует в этой ситуации?»

Он все еще не мог или не хотел видеть в лице Лучано преступника и цеплялся за каждую предоставленную возможность, чтобы оправдать его действия. Свидетельства полоумного Джованни совсем недостаточно против слова начальника пожарной охраны и уважаемого всеми на острове человека. Но экспертиза взятого на анализ пепла подтвердила, что его сожжение было произведено совсем недавно! Заключение по ДНК с найденной в печи тазобедренной кости должно подойти сегодня. Возможно, они поторопились, приехав к Лучано.

Но, с другой стороны, Лучано прошел очень хорошую школу — он прекрасно знал не только, как разыскать труп, но и как спрятать его, имел

полное представление о современных технологиях, используемых в криминалистике, прекрасно знал, как работает геном ДНК, анализы которых пожарники брали, чтобы определить, например, чей неузнаваемый труп обнаружен под завалом. Так же, как и в полицейской академии, он изучал многочисленные методы, которыми пользуется преступник, чтобы представить убийство как несчастный случай, а если учесть, что в участке он был своим человеком и при желании мог узнать подробности любого расследования, то прижать его будет очень трудно.

И было еще одно, что не давало покоя Мауро — он никак не мог понять, зачем Лучано понадобилась смерть Енцио?!

— Ты же догадываешься, что мы не пришли бы к тебе, если бы у нас не было конкретных фактов. К тому же, зная историю твоей жизни, я могу предполагать только одно, — твердо проговорил Боссети. — Я ведь неоднократно замечал, как ты переходил на другую сторону, чтобы только не встречаться с Енцио. Но чтобы убить! Что толкнуло тебя на такой зверский поступок?! Что?! Вот вопрос, на который ты должен ответить!

— Это хорошо, что вы ко мне домой приехали, — произнес Лучано, доставая стаканы. — Я и сам уже не могу поверить, что сделал это. — Он разлил вино по стаканам и быстро осушил свой. — Что же с дочкой будет? Как она переживет? Был отец герой, а превратился в убийцу.

«Вот черт! Значит, все-таки он! — подумал Мауро. — Но зачем?! Зачем?!»

ГЛАВА 26

Это случилось в ночь праздника Монашки. Представление давно закончилось, площадь почти опустела, народ разошелся.

Уставший Лучано возвращался после смены. Метеорологи подтвердили, что ни ураганов, ни гроз не предвидится, погода в ближайшие дни должна быть безветренной и солнечной. К сожалению, землетрясения до сих пор не научились точно предугадывать, так что расслабляться не стоит, особенно если учесть, что Иския является одной из самых опасных точек в Италии. Однако благодушное, беззаботное настроение не покидало его. Он специально ехал медленно, открыв окно в машине и наслаждаясь прохладным, уже весенним воздухом, вдыхая запах влажной земли и свежей травы.

На повороте, у дома Розы, лучи фар выхватили рулон пленки для теплицы, и Лучано тут же подумал, что ему тоже надо бы купить такую. Размышляя о том, что неплохо бы попросить у Розы еще и рассаду помидор, он вдруг услышал какие-то вскрики и шум борьбы в кустах между лимонным

садом и кладбищем. Хорошее настроение как рукой сняло. Лучано остановил машину и прислушался — девичий что-то проговорил умоляюще, и он был удивительно похож на голос Франчески.

— Нет! Нет! Так не хочу! Не надо! — уже с надрывом доносилось из сада.

— Замолчи уже! — грубо прохрипел мужчина. Послышался хруст веток и звук удара.

Захлебнувшись яростью, Лучано рванул через дорогу, пальцы сами сжались в кулаки, но тут неожиданно со стороны церкви, опережая его, пронеслись три тени.

— Ах ты, подонок! наших девчонок трогать! Вали в свой Рим обратно! — орала она во все горло.

Мимо него, ничего не замечая вокруг и всхлипывая, пролетела Франческа, и он прижался к стволу.

Все произошло буквально в две секунды — какой-то человек уже корчился на земле, а три фигуры выбрались на дорогу и, переговариваясь, отправились в сторону площади. Избитый мужчина все пытался встать, но снова падал на четвереньки и что-то пьяно бормотал себе под нос, возясь на траве. На какой-то миг лицо его ярко высветила луна — нетрезвый взгляд бессмысленно блуждал по кустам — и Лучано сразу узнал Енцио. Его неожиданно охватила непреодолимая злость: опять эта семья! То отец, то сын!

— Вот придурки! — проворчал парень. — Видно, самим хотелось, да не успели! — Ему удалось схватиться за ветку, и он медленно стал подниматься. — Нашли из-за кого драться, когда можно было в очередь!

Ненависть буквально захлестнула Лучано, не давая вздохнуть, и толкнула его вперед. Кулаки мгновенно налились яростной силой, перед глазами мелькнул непонимающий взгляд хмельных шоколадных глаз, и он ударил в челюсть, вложив в этот удар унижение оскорбленной дочери и всю боль своей исковерканной жизни. Енцио, кажется, даже не узнал Лучано. Он упал, как подкошенный, глухой звук стукнувшегося о землю тела громом отозвался в голове Лучано.

За Франческу он готов был убить кого угодно, но, когда понял, что Енцио мертв, его охватило странное опустошение, сродни тому, которое он испытал в далекой молодости, стоя перед Лаурой.

Кому теперь что докажешь? Тем более что это не была защита. Лучано отлично знал весь процесс расследования, следующий за обнаружением тела, и с ужасом представлял, что предстоит пережить Франческе, когда его объявят убийцей.

Нет! Этого нельзя допустить!

Он тут же заставил себя собраться и внимательно прислушался — никаких шагов и посторонних звуков, все давно разошлись по домам.

Лучано молнией метнулся за пленкой, попавшейся ему по дороге перед домом Розы. Из машины захватил степлер, который накануне попросил у Боссети, чтобы перетянуть кресло, надел рабочие перчатки, не забыл и фонарь, всегда лежавший у него в багажнике.

Стараясь не двигать тело, нашел у Енцио мобильник, вынул сим-карту, как смог, сломал ее и, не потеряв ни одного кусочка, сложил все во внутренний карман куртки трупа.

Лоб покрылся противной испариной, но профессиональная подготовка давала о себе знать. Отгоняя посторонние мысли и сосредоточившись только на конечной цели, Лучано быстро упаковал тело, закрутив его тройным слоем, и закрепил степлером концы пленки. Понимая, что труп, даже завернутый, везти по земле ни в коем случае нельзя, взвалил его на плечи и двинулся по плиточной дорожке в глубь кладбища. Каждый шаг громом отдавался в мозгу, кровь шумела в ушах.

Теперь оставалось открыть печной зал крематория.

Первая решетчатая дверь была закрыта на обычную задвижку, но следующая, деревянная, на ключ. Зная островные привычки, Лучано был уверен, что замок здесь самый простой. Чтобы открыть дверь, нужно что-то тонкое и острое. Он судорожно перебирал в памяти содержимое своей куртки и вспомнил, что во внутреннем кармане лежат водительские права, прикрепленные толстой скрепкой к удостоверению личности. Боясь потерять равновесие и не дать упасть телу, Лучано достал документы и отцепил скрепку. Не отпуская жуткую поклажу, частично разогнул металлическую проволоку и засунул в замочную скважину, нащупывая нужное положение. Она легко провернулась в замке, раздался щелчок, и дверь беззвучно открылась, впуская его в черноту зала.

Положив тело в дальний угол, он тихо вышел, понимая, что ему придется вернуться и завершить дело.

Возможность представилась на следующую же ночь. Густым тяжелым туманом затянуло всю Искию, и Лучано подумал, что сама природа помогает ему.

Он промучился весь день, зная, что все еще можно поменять, но к вечеру, когда все затянуло белой муťou, все же решился выйти из дома и направился к своей машине. Обхватив руль и склонив голову, он просидел так несколько часов, и только когда туман превратился в мягкий сыр, двинулся с места.

Нагулявшись на празднике Монашки, остров спал беспробудным сном.

Лучано медленно разрезал носом автомобиля белесую мглу, уверенный, что ни одна дорожная камера не возьмет его машину, и что дым из трубы крематория растворится все в том же слепом тумане, и его никто не сможет увидеть...

Прошло уже несколько дней, а об Енцио еще никто не вспоминал, но Лучано от этого не становилось легче, сердце все так же продолжало кровоточить. Объявление неаполитанского телевидения о пропаже Енцио перекрыли новости о страшной грозе и ее последствиях, что дало ему возможность немного забыться в работе. Он, как в молодости, сам лез под оползни, подставляя подпорки, вытаскивал пострадавших и, не обращая внимания на странные взгляды подчиненных, хватался за лопату и расчищал завалы.

Потом началась кутерьма с Монашкой, с убийством неизвестной женщины, которая оказалась русской, журналисты центрального телевидения заполнили остров, и полиция рьяно взялась за дело. С тремя парнями, избившими Енцио, разобрались достаточно быстро, даже особенно не допекая Франческе, но к внутренней муке, поселившейся в душе Лучано, прибавилось и другое волнение — с некоторых пор дочь замкнулась в себе. Лучано, поначалу отнесший ее поведение к страху быть оговоренной сплетницами острова, погряз в тяжелых сомнениях — уж не догадывается ли она о чем-то? А Франческа, привыкшая рассказывать отцу обо всем, становилась все молчаливее и молчаливее. Они сидели дома, как два бессловесных истукана, только за ужином изредка перебрасывались однозначными фразами, и Лучано, так любивший их общие вечера, вдруг понял, что это и есть плата за то, что он сделал...

— Ты же понимаешь, что мы тебя должны арестовать и отвезти в участок? — обреченно произнес Боссети. — Без наручников пойдешь, это все, что я могу для тебя сделать.

Они помогли Лучано закрыть все ставни и вышли из дома. Не успели подойти до машины, как к ним подлетела Лола:

— Как прошло совещание?

— Готовьтесь к пресс-конференции. Обещаю, что на ваши вопросы отвечу в первую очередь, — произнес Боссети, пока Мауро открывал дверцу перед Лучано.

Но от Лолы не так-то легко было отделаться.

— А нам чего готовиться, когда мы всегда на прицеле. Уже известно, почему Джованни убил Енцио?

— Нет, — коротко ответил начальник полиции и, воспользовавшись замешательством журналистки, попытался сесть в машину.

— То есть как?.. — И вдруг Лолу осенило: — А он вообще убийца или нет?!

— Нет, — бросил Боссети и, включив зажигание, нажал на газ.

Лола так и осталась стоять на месте, глядя вслед удаляющемуся автомобилю полиции.

ГЛАВА 27

Вся Италия зашлась истерическим спором так, что даже на Лолиной программе «Кто их видел?» пришлось разнимать криминолога и психолога, чудом не покалечивших друг друга в прямом эфире. Не успели охранники усадить их на место, как одновременно заговорили два адвоката, о присутствии которых Лола пожалела уже в самом начале передачи. Они постоянно лезли вперед, перебивая один другого, вставляли профессиональные термины, которые не были понятны зрителям, и чуть было не превратили свободную дискуссию в дебаты в зале суда.

Звонки от зрителей следовали один за другим, и Лола еле успевала распределять поступавшие вопросы среди приглашенных в студию.

Отчего человек, призванный спасать, пошел на такое преступление?!

Возможно ли убить, чтобы не потерять любовь и уважение дочери?

И могут ли спасенные жизни перекрыть смерть одного парня?

Полемике не было видно конца, и уже никто не слушал друг друга, выкрикивая свое мнение.

— Ти-хо!!! — окончательно потеряв терпение, крикнула Лола так, что кто-то из гостей, отшатнувшись, чуть было не упал со стула, и сразу увидела, как недовольно поморщился директор канала, зашедший на студию. Она тут же улыбнулась на камеру, показывая, что ее возглас к зрителям не относится, и добавила: — А теперь мы все успокоимся и перейдем к цивилизованному разговору!

Лола дала команду показать подборку кадров, посвященную данному расследованию, и присела на высокий стул, заметив, что присутствующие, наконец, притихли и молча уставились на экран.

После окончания программы она еще долго не могла прийти в себя и, сидя в полутьме гримерки, все прокручивала заданные зрителями вопросы.

Такого сложного и напряженного эфира Лола не могла припомнить!

Все давно разошлись, только возгласы рабочих сцены и постукивание разбираемых декораций доносились в приоткрытую дверь. А она, не двигаясь, продолжала смотреть в одну точку...

Было уже далеко за полночь, когда Лола покинула студию. Выйдя на улицу, она вдруг увидела спокойно стоявший у обочины красный «Феррари». Неужели Никола приехал?!

Это действительно был он. Капелини вышел из автомобиля и напрямиком направился к Лоле.

— Привет! Очень устала? — целуя ее, спросил Никола таким обыденным голосом, словно они совсем недавно расстались, и, не дожидаясь ответа, усадил ее в машину на переднее сиденье.

— Как здорово, что ты приехал! — дрогнувшим голосом произнесла Лола. — Только ведь у меня машина здесь на парковке, а завтра мне на студию с утра надо.

— Я сам привезу тебя завтра на работу, — усмехнулся Капелини, выруливая на пустынную улицу...

Они расположились на кухне, хотя Лола и не любила столешницу из настоящего мрамора, которая холодом своего камня напоминала ей столы в морге. Зная эту Лолину странность, домработница, которая так и продолжала приходить два раза в неделю, предусмотрительно подложила широкие льняные салфетки.

— Знаешь, я ведь первый раз смотрел твою передачу от начала до конца, не отвлекаясь, — сказал Никола, разливая по бокалам вино. — Молодец! Даже не ожидал! А эти адвокаты! И как ты с ними со всеми справляешься?! — закатился он смехом и поднял бокал: — За тебя!

Они чокнулись, и Лола, отпив немного белого вина, неожиданно спросила:

— Когда я тебе по телефону рассказывала обо всем, что произошло на Искии, и ты ответил: «Во, дают!» — что ты имел в виду? Ты уже все знал тогда про куклу-монашку? Но как?!

— Да нет, не знал, только догадывался. Я часто с такими трюками встречался. Чего только не делают, чтобы не прогореть и заманить клиентов! Кстати, у меня для тебя новость! Ты уже знаешь результаты ДНК по тазобедренной кости, которую в печи крематория нашли?

— Конечно. Полное соответствие с ДНК Енцио, — ответила Лола.

— Верно. Но это далеко не все.

— Как не все?! Не мог мне до начала передачи сказать?! — вспыхнула она.

— Если честно, я и сам случайно узнал. Дай, думаю, позвоню, поздравлю с успешным завершением дела начальника полиции Искии, пока у вас на программе рекламу пустили. Ну, и позвонил... У меня сложилось впечатление, что Боссети так был сам огорчен и ошарашен этим открытием,

что выложил, не подумавши... А, может, захотел поделиться с человеком посторонним, не связанным с островом. Короче, эта информация не для разглашения...

— Посмотрим, — уклончиво произнесла Лола.

— Опять ты за свое?! Вот возьму и не расскажу ничего! — Сделав глоток из бокала, Никола загадочно посмотрел на нее. — Хотя я уверен, что ты примешь правильное решение. Одним словом, когда брали для сравнительного анализа ДНК вещи Енцио, взяли пробы слюны и у его отца, Карло.

— Ну и?! — не удержалась Лола.

— Как ты знаешь, молекулы ДНК с майки Енцио полностью совпали с ДНК костной ткани, обнаруженной в печи крематория, но они не имеют ничего общего с ДНК Карло!

— То есть как?! Это что?! Это значит?!.. — От возбуждения Лола не могла сформулировать фразу. — Ты хочешь сказать, что...

— Да. Карло не является отцом Енцио.

— А... а... к-к-кто же? — запнулась Лола, с ужасом догадываясь об ответе.

— Не знаю, но предположить могу, — невозмутимо ответил Капелини. — Полиция все, что ей нужно было, выяснила и с анализами закончила, так что это конец истории.

— Очень надеюсь, что факт несовпадения ДНК останется внутри стен полицейского участка Искии, — задумчиво проговорила Лола.

— И что ты не вынесешь его на суд зрителей, — добавил Никола.

— Не вынесу, — пообещала она.

— Видишь, значит, я в тебе не ошибся.

Лола сидела совершенно подавленная — Лучано убил Енцио, даже не подозревая, что это его родной сын! Боже мой! А как же зов крови?! Чувство родства?! Он не ощутил ничего и до сих пор находится в неведении!

Смерть молодого парня — сама по себе уже чудовищное несчастье, но в данной ситуации она превращается в непреодолимое горе! Конечно, чтобы не ошибиться, надо сравнить анализ молекул ДНК самого Лучано с ДНК Енцио! Но делать это никто не собирается, расследование закончено... Пусть останется все как есть...

Первый раз в своей практике Лола не собиралась воспользоваться эксклюзивной информацией.

— Франческу тоже жалко, но она молодец, держится, к отцу каждый день ходит, поддерживает, — вывел ее из ступора Никола. — И, как мне сказал Боссети, местные настолько удивлены и растеряны, что больше помалкивают.

— А вот в это трудно поверить, — возразила она, вспомнив, как гудел остров, обсуждая происходящие события.

— Я, наверное, не совсем так выразился. Они просто не достают Франческу, скорее наоборот, помогают, чем могут. Все-таки Лучано много хорошего сделал на острове, и от этого никуда не денешься.

— Значит, того, чего так опасался Лучано, не произошло? Дочь не от-вернулась от него?

— Для нее арест отца не стал неожиданностью, она уже что-то подозревала. Наверное, не предполагала, что все так страшно, но что Лучано каким-то образом связан со смертью Енцио, уже догадывалась.

— То, что она совсем не глупа, я поняла сразу.

— Знаешь что, Лол, хватит об этом! — неожиданно произнес Капелини. — Давай о нас подумаем.

— Давай, — кивнула она. — А что ты имеешь в виду?

— Я первый шаг сделал — перешел в другое подразделение. Следующий шаг за тобой.

— Да ты что?! — не сдержавшись, воскликнула Лола. — Я со своей работой расстаться не могу, ты же знаешь!

— Я совсем не это имел в виду. Перебирайся ко мне окончательно, ну, что мы мечемся с тобой на два дома? Поездили друг к другу в гости, и хватит.

— А-а, — облегченно протянула она, — об этом можно подумать.

— Нечего тут думать, — обиделся Капелини. — Завтра после работы я тебе помогу собраться и переехать, у меня как раз день свободный. — И еще...

— Что, есть еще что-то?! — округлив глаза, нарочито испуганно произнесла Лола.

— Да. Очень хочется в Россию съездить, за грибами сходить. Уж больно твоя мама заразительно об этом рассказывала.

— А вот это не проблема, значит, в отпуск поедem к тете Гале на дачу. Только визу тебе надо будет заранее сделать.

ЭПИЛОГ

Стоял самый конец августа, и лес уже начал расцвечиваться в желтые и красные цвета осени. Сухие листья шуршали под ногами, но углубления, остающиеся после шагов, тут же наполнялись лесной влагой. Солнце гре-ло еще по-летнему, пробиваясь сквозь не осыпавшиеся кроны деревьев и играя «зайчиками» на ветвях и земле.

— Куртки бы захватили! — крикнула с крыльца тетя Галя. — Не забывай, что Никола к холоду не привык!

— Ну, какой холод, тетя Галь! Да и не надолго мы! — ответила Лола и прикрыла калитку.

Для Капелини нашли старые джинсы, но резиновые сапоги и ветровку всучить ему так и не удалось. Как истинные грибники, они взяли настоящие плетеные корзинки и, захватив по перочинному ножу, отправились в лес.

Войдя на опушку, тут же наткнулись на целый гурт валуев, так их называла тетя Галя, и Капелини, радостно вскрикнув, тут же бросился срезать желтоватые маслянистые шляпки.

— Куда?! — преградила ему дорогу Лола. — Они не съедобные. Во всяком случае, чтобы их съесть, их надо долго вымачивать. А ты совсем в грибах не разбираешься?

— Нет. Так что у тебя есть возможность меня ядовитым супчиком накормить, — нескладно пошутил Никола.

— Все, замолчи, грибы шуток не любят! Я когда найду что-нибудь съедобное, покажу тебе, а ты постарайся запомнить, чтобы собрать такие же. И не отходи далеко.

По поваленной осине они перебрались через подсохший ручей и вышли на большую светлую поляну — отсюда, как знала Лола, начинались настоящие грибные места.

Они срезали по ветке и, ободрав с нее боковые прутья, превратили в две удобные палки, с помощью которых можно было раздвигать оставшуюся траву и поднимать тяжелые ветви елей.

Лола не узнавала главного сыщика Италии, наводящего невообразимый страх на своих подчиненных, настолько трепетно он отнесся к необходимым приготовлениям для выхода в лес, а теперь шел напролом, воинственно размахивая палкой, крутя головой и тараща глаза, видимо, считая, что таким образом не пропустит ни одного гриба. Никола выглядел забавно и чуть-чуть нелепо.

Лола, погрузившись в долгожданную гармонию русской природы, медленно продвигалась вглубь, внимательно оглядывая землю и обходя стволы деревьев. При этом она не забывала поглядывать на мелькающую вдалеке ярко-желтую майку Капелини.

Две темно-коричневые шляпки, выглядывающие из-под разлапистых корней, заставили ее застыть в умилении.

— Эй, Никола! Давай сюда!

Затрещали кусты, и на поляну пробрался Капелини.

— Посмотри, какая красота! — Лола ласково примяла траву вокруг грибов.

— Это все, что ты умудрилась найти? — взглянул он на боровики и тут же протянул вперед свою корзину, забитую разнообразными поганками.

— Где ты их раздобыть успел? — поинтересовалась Лола.

— Уметь надо! — с гордостью ответил Капелини, любовно разглядывая ядовитые грибы.

— Выбрось все это сейчас же!

— Выбросить? Никогда! Ты просто завидуешь, что я так много набрал!

— Ну, если тебе очень хочется — таскай, только смотри, вот это съедобный гриб! — Лола аккуратно срезала толстую ножку белого, уходящую под самый корень березы. — Видишь, с другой стороны шляпки почти ровная губчатая поверхность, а у тебя везде «гармошка». — Капелини недоверчиво слушал. — Конечно, бывают ядовитые грибы и с губчатой поверхностью. И на цвет обращай внимание. Шляпка может быть красноватой или коричневой, как у меня. Видишь? — Она заботливо сняла прилипший сухой лист и поднесла гриб к его глазам. — Ты пока хотя бы это запомни.

Капелини расстроено покосился на свои поганки и все медлил их выбрасывать. Вдруг ближайšie к ним кусты затрещали, и он тут же обхватил руками свою корзинку, словно боясь, что ее кто-то отнимет. На поляну выскочила запыхавшаяся девочка и, растерявшись, остановилась.

— Вы здесь козу не видели? — спросила она, тяжело дыша, и сдула со лба неровную челку.

— Козу?! А что, здесь козы по лесу гуляют? — удивилась Лола.

— Да нет, это наша с колышка сорвалась и убежала. — Девочка не отрывала взгляда от яркой майки Капелини.

— Что, что она говорит? — спросил Никола.

— Она козу свою ищет, которая с привязи сорвалась.

— Ой! А на каком это языке вы говорите? — воскликнула девочка, с детской непосредственностью разглядывая Николу.

— На итальянском, — улыбаясь, ответила Лола.

— Ой! — еще громче ойкнула девочка и закричала так, что у Лолы с Николой заложило уши: — Гришка! Гришка! Иди сюда! Здесь итальянец живой!

— Что это она так вопит? Переведи! — заволновался Капелини.

— Брата, наверное, зовет, здесь, говорит, итальянец живой.

— Ты что-то не так перевела, — вдруг обиделся Никола. — Не могла она так сказать!

— А как же, по-твоему? — удивилась Лола.

— «Настоящий итальянец», вот как!

— А вот и нет! Все правильно, именно «живой».

— Тогда я не понимаю, я что, должен быть мертвый? — наседал Капелини, все еще вцепившись в корзину.

— Да нет, просто у нас так говорят... — Лола не успела закончить, как из тех же кустов вылез парнишка и, отдуваясь, уставился на Капелини: — Этот?! — без всякого стеснения указал он на него пальцем.

— Ну да, этот. Как в кино, правда? — Девочка выпятила нижнюю губу и опять подула на челку.

— Да-а-а! — восхищенно протянул парнишка. — И правда, живой итальянец! Надо бы маму позвать.

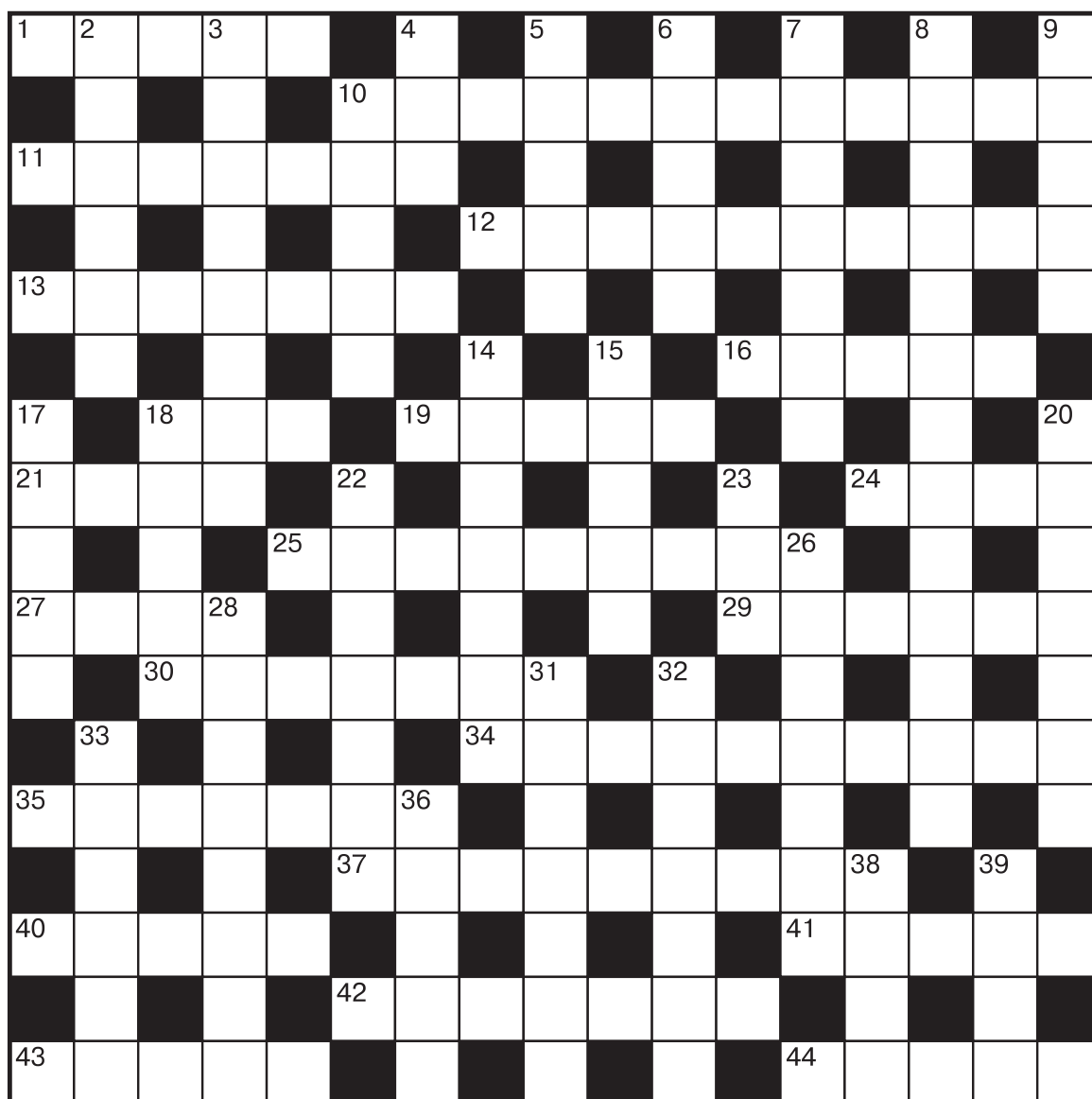
— Ну, уж нет! — вступилась за Капелини Лола. — Посмотрели, и хватит, — потянула она Николу в глубь леса.

— Не понимаю все-таки, почему это «живой», а не «настоящий», — все не унимался Капелини.

— Выброси свои поганки, успокойся и не лезь в дебри русского разговорного языка. Главное, что ты для меня самый, что ни на есть, настоящий, — утешила его Лола.

Никола сразу повеселел и нагнулся за мухомором. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Финансовая детализация. **10.** Ребенок, отданный на растерзание улицы. **11.** Загадочная скульптура, установленная на территории штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. **12.** Какой спортсмен имеет шанс попасть в клуб «Зеро» при IBU? **13.** Нашенская мамзель. **16.** Какая пряная трава в античные времена слыла символом печали? **18.** Минимум компьютерной инфор-

мации. **19.** Что уголь отдает, сгорая, а хорошая книга — когда ее читают? **21.** Преступление Юрия Деточкина. **24.** Что русские крестьяне называли «холодок на развилочках»? **25.** Полезный совет: «Чтобы ... не падал маслом вниз, намазывайте его с обеих сторон». **27.** «Целое состояние» до востребования. **29.** Кто возглавил московский театр «Современник» после Олега Ефремова?

30. Это «устройство», по мнению кибернетиков, способно обеспечить надежную работу автоматических линий в непредвиденных ситуациях. **34.** Что скрывается за протестом? **35.** «Товары ажиотажного спроса». **37.** Декабрист «во глубине сибирских руд». **40.** «Походная ...» в армии. **41.** «Хороший комик делает вещи смешными» (звезда американского кино). **42.** Кто в преисподней за разврат отвечает? **43.** «Хомут для болта». **44.** «Ничто так не разделяет людей, как общее ...»

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Кто дал первые уроки английского языка Анне Ахматовой? **3.** Медведь из русских народных сказок. **4.** Кто в аду имеет вес? **5.** Каким инструментом стоматолог вводит наркоз? **6.** Какое кулинарно-медицинское слово Джон Траволта «на дух не переносит»? **7.** К какой игре питали слабость и Петр Великий, и Александр Суворов? **8.** Что в свое время КГБ инкриминировал писателю Сергею Довлатову? **9.** «Туман прячет пропасть от тех, кому суждено в нее упасть»

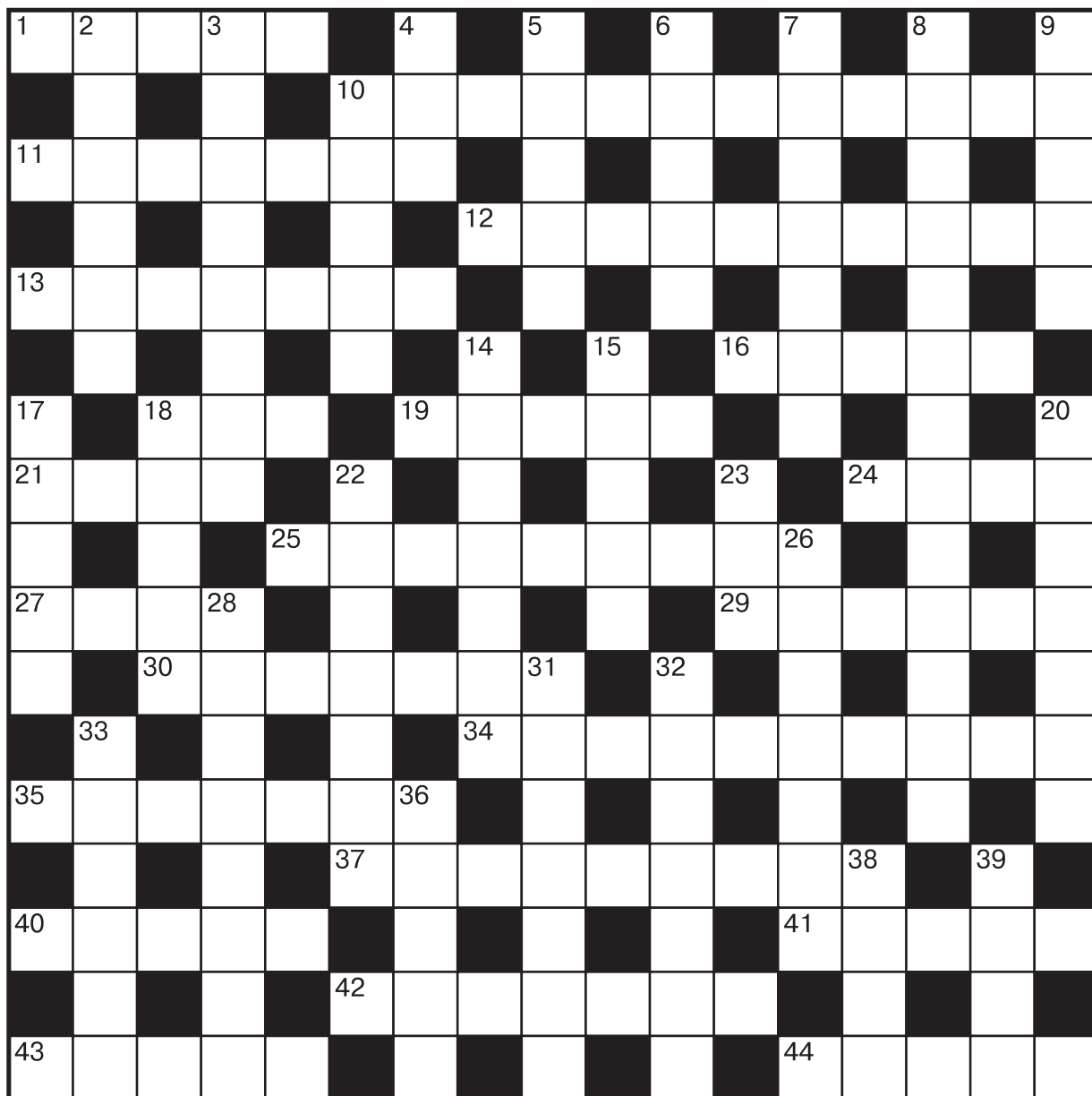
(классик). **10.** Что происходит в «Доме голубых листьев» из криминального боевика «Убить Билла»? **14.** Кого из наших великих теноров так никогда и не выпустили за границу? **15.** Какую Джессику похитили во время съемок в сериале «Флиппер»? **17.** Кому из прыгунов первому покорилась высота в шесть метров? **18.** Кому деньги девать некуда? **20.** «Черт его знает какая» вершина, на которой бывал булгаковский Воланд. **22.** «Экономичная замена» шубе. **23.** Есенинское стихотворение «Певущий ...» **26.** В каком финансовом статусе прошла практически вся творческая жизнь Николая Гоголя? **28.** Гулянка накануне свадьбы. **31.** «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!» (сказочный герой). **32.** Кто возглавил заговор партийной номенклатуры против Никиты Хрущева? **33.** Рыба, чью икру больше всего любил супер-агент Джеймс Бонд. **36.** С чем Адам Козлевич из «Золотого тельца» не выдержал конкуренции в Москве? **38.** Изумруды во фруктовом салате. **39.** Лучшее средство для выработки адреналина.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Адрес. **7.** Школа. **10.** Паркер. **12.** Большинство. **13.** Ста-левар. **14.** Миллион. **17.** Золотухин. **18.** Село. **19.** Ров. **22.** Кольт. **23.** Коллизия. **24.** Обжиг. **26.** Гипермаркет. **28.** «Мирок». **30.** Опал. **31.** Басня. **32.** Утро. **34.** Вес. **36.** Карцер. **38.** Киприоты. **39.** Венеция. **40.** Тьма. **41.** Слиток. **42.** Кобальт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Спесь. **2.** Арканов. **3.** Венеролог. **5.** Диор. **6.** Ельцин. **8.** Космос. **9.** Лувр. **11.** «Битлз». **12.** Багульник. **14.** Миф. **15.** Неизвестность. **16.** Моряк. **17.** Зомби. **20.** Нормандия. **21.** Флора. **22.** Кизил. **25.** Техас. **26.** Гол. **27.** Воркута. **28.** Макраме. **29.** Волынка. **31.** Беседа. **33.** Лев. **35.** Крыло. **37.** Рено. **38.** Киль.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Член Коллегии ОГПУ, чья подпись стояла на «денежных знаках», имевших хождение в СЛОНе. **10.** «Паспорт» карты. **11.** Кто из руководителей ФИФА отменил правило «золотого гола», что позволило командам до конца бороться за победу? **12.** «Внутренний голос» Сократа. **13.** Какой грызун стал «в мужском роде» знат-

ным философом из историй о мумитроллях? **16.** Самая популярная газировка на Мальте. **18.** Янко Марнавич из «Песен западных славян». **19.** «Когда кошка заводит человека, тому ничего не остается, как только с этим смириться» (английский классик). **21.** Зеленый турмалин. **24.** Мать Тезея. **25.** «Роса» на водопроводных трубах. **27.** Угол

установки автомобильных колес. **29.** Украшение милонги. **30.** «... идет до Скорбящей и гудочек его щемящий откликается над Невой». **34.** Античное наставление по рыбной ловле. **35.** Людоед из белых медведей в мифах эскимосов. **37.** Рисовая каша с «морскими ушками» у корейцев. **40.** С какой башни бросился Зобрист из романа «Инферно» Дэна Брауна? **41.** Мускатная шелуха. **42.** Какой город восстановил македонский царь Филипп в качестве платы Аристотелю за обучение сына? **43.** Безделушки для украшения полочек в доме. **44.** Английский шут.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Какое растение окрестили «Императором чайного мира». **3.** Внутриусобная компьютерная сеть. **4.** Обращение к испанской монахине. **5.** Платок в наряде галисиек. **6.** Шотландский экосез. **7.** Любимый пес Александра Галича, которого советские власти не выпустили в эмиграцию. **8.** Обиталище богов Диска из романов Терри Пратчетта. **9.** Чей растрепанный том попал в ахматовское стихотворение

«В Царском Селе»? **10.** С какой звездой «немного кино» был помолвлен Рудольфо Валентино? **14.** Вождь франков, принявший христианство после победы над алеманнами. **15.** В каком стиле изначально пела Эвора Сезария? **17.** Подставка для Корана. **18.** Английский почтмейстер, придумавший в 1661 году ставить на конверты штемпель, чтобы отслеживать работу своего ведомства. **20.** Европейская страна, чье название происходит от латинского варианта слова «пророчествовать». **22.** «Бычья птица» из тропического леса. **23.** Звезда из Тельца. **26.** Первая ступень средневекового образования. **28.** Скоростной спуск с горы на велосипеде. **31.** Грузинский писатель, «подаривший» кличку Коба самому Иосифу Сталину. **32.** Сборщик кедровых орехов. **33.** Советский солдат для афганца. **36.** Песня для гейши. **38.** На какого классика французской литературы бросилась с ножом поэтесса Луиза Коле, выведенная из себя его насмешками над ее стихами? **39.** Англичанин, получивший первый патент на пишущую машинку в 1714 году.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Цинга. **7.** Манту. **10.** Адриан. **12.** Стригольник. **13.** Камамбер. **14.** Барагоз. **17.** Тунгатгак. **18.** Роди. **19.** Зуи. **22.** Йоксу. **23.** Суримоно. **24.** Курет. **26.** Белозерская. **28.** Бежар. **30.** Наан. **31.** Гекса. **32.** Мета. **34.** Кон. **36.** Ларнак. **38.** Черкасов. **39.** Бакстер. **40.** Мока. **41.** «Сириус». **42.** Мелисса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Майко. **2.** Драмбуи. **3.** Бармаглот. **5.** Истр. **6.** Гуидак. **8.** Алькор. **9.** Триб. **11.** Томар. **12.** Сертиссер. **14.** Бан. **15.** Золотаревский. **16.** Пироп. **17.** Тулум. **20.** Нумейстер. **21.** Чипсы. **22.** Йемен. **25.** Сомен. **26.** Баз. **27.** Анулома. **28.** Баррика. **29.** Васваса. **31.** Горски. **33.** Баб. **35.** Акрил. **37.** Кале. **38.** Чейс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

